Операция «Снег»

Виталий Павлов

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Целью строго секретной операции «Снег» была ликвидация угрозы возникновения «второго фронта» на Дальнем Востоке. Это — один из шедевров советской разведки. Операция «Снег» увенчалась полным успехом — вместо сулившего большую пользу захвата советского Дальнего Востока, Япония ввязалась в бесперспективную и заранее проигранную войну с англосаксонскими державами на Тихом океане.

Автор — один из прежних руководителей внешней разведки КГБ СССР, генерал-лейтенант в отставке В.Г.Павлов не только вспоминает о пережитом. Его мемуары, по сути дела, можно считать историческим очерком внешнеполитических акций Кремля от Сталина до Горбачёва. Изложенный без прикрас, объективно и правдиво, он заинтересует любого.

- Виталий ПАВЛОВ
  - От автора
  - Глава 1. Я открываю Америку
  - Глава 2. Разведчиками не рождаются
  - Глава 3. Отправляюсь в Канаду
  - Глава 4. Отстойник делу не помеха
  - Глава 5. Нелегальная — самая совершенная
  - Глава 6. Такие разные подпольщики
  - Глава 7. Боевое крещение
  - Глава 8. У руля внешней разведки
  - Глава 9. В нейтральной Австрии
  - Глава 10. Возвращение к истокам
  - Глава 11. Польша: из кризиса в кризис
  - Послесловие
  - Виталий Павлов
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11

- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32

Виталий ПАВЛОВ
ОПЕРАЦИЯ «СНЕГ»

Светлой памяти верной подруги и помощницы
Клавдии Ивановны Павловой посвящается

Автор

От автора

Вначале октября 1988 года в моем кабинете вдруг зазвонил обычно молчавший последнее время телефон. Знакомый голос Владимира Борисовича Барковского: помню ли я, что пятьдесят лет назад был в числе первых выпускников разведывательной школы? [1]

— Еще бы! Разве такое забывается? — ответил я.

— Готовимся отметить пятидесятилетний юбилей института внешней разведки, — продолжает Владимир Борисович. — Ведь начало ему положила ШОН. Приглашаем тебя на встречу ветеранов. Не только как слушателя первого выпуска школы, но и как начальника института в начале 70-х годов.

Нужно ли говорить, что я с радостью воспользовался этой возможностью повидаться со многими однокашниками по ШОН и коллегами по трехлетнему руководству институтом.

Институт располагается за городской чертой, невдалеке от московской кольцевой автомобильной дороги. Как туда до браться, помнил хорошо, хотя прошло уже пятнадцать лет с тех пор, как я сдал бразды правления этим замечательным учебным заведением. Теперь не только увидел новые корпуса, но и встретил другое поколение преподавателей, новых руководителей факультетов и кафедр.

На встрече ветеранов с активом слушателей знакомых оказалось мало, а среди молодых сотрудников, естественно, никого. Но все с нескрываемым интересом слушали наши воспоминания о тех уже давних, 30-х годах, когда зарождался институт. Вглядываясь в пытливые глаза молодой аудитории, я поймал себя на мысли: почему бы не написать воспоминания, поделиться таким трудно добытым опытом? Почему не оживить изучаемую ими сухую хрестоматийную историю внешней разведки за прошедшие пятьдесят лет живыми красками своей оперативной работы?

После этой встречи 15 октября 1988 года в Центральном клубе КГБ имени Ф.Э.Дзержинского юбилею было посвящено собрание основного состава института и актива разведки. Новые встречи, разговоры и вопросы, вопросы, вопросы… И опять все та же мысль, признаться, она уже давно посещала меня еще и потому, что верная спутница моей жизни Клавдия Ивановна, самоотверженно делившая со мной все тяготы карьеры разведчика, уже давно — тактично, но все настойчивее — подталкивала меня к тому, чтобы попытаться изложить на бумаге пережитое. Сдерживало понимание, что писать о разведке вообще

трудно в силу сугубой секретности. А для того, чтобы правдиво и доходчиво донести до читателя суть тех дел, о которых уже можно говорить открыто, нужно обладать необходимыми литературными способностями.

Жанр воспоминаний для нас, разведчиков, на мой взгляд, самый трудный. Во-первых, после того, как ты полвека привык писать только под грифом «совершенно секретно», над тобой довлеет тот профессиональный стиль, который понятен коллегам. Но встретит ли этот служебный язык понимание у читателя, знающего разведку по романам и популяризаторским брошюрам?

Во-вторых, крайне сложно постоянно не переходить границу дозволенного, чтобы невольно не раскрыть служебных тайн, которые современная обстановка и профессиональная этика еще обязывают хранить строго и неукоснительно.

Наконец, в-третьих, как донести до современного читателя истинную атмосферу, в которой в давние и недавние времена приходилось действовать нашему поколению разведчиков?

Предаваясь воспоминаниям, разведчик невольно вновь переживает события минувших дней. Его охватывают эмоции, связанные часто с душевной болью, сомнениями, терзавшими его в те времена. А ведь прошли десятки лет, появились новые оценки фактов и событий, изменения произошли вокруг и внутри нас. Воссоздать предельно правдиво то, что было тогда, значит не только вспомнить важнейшие детали и обстоятельства описываемых событий, но и то, что ты и твои товарищи чувствовали в ту пору. Требуются известные коррективы за счет опыта прошедших лет, сдержанность, выработанная многолетней профессиональной тренировкой, учет многих других факторов — от изменившихся условий жизни, международной обстановки до новых открытий и достижений науки и техники…

Фрагменты воспоминаний пятидесятилетней деятельности в разведке возникали в моей памяти. За исключением общеизвестных вещей, подробно описанных в книгах и показанных в кино и театре, многое в этой области человеческой деятельности остается «за семью замками». В нашей печати все чаще появляются публикации о делах широко теперь известных советских разведчиков, но в них авторы о многом умалчивают. В частности, я имею в виду «знаменитую пятерку» во главе с Кимом Филби[2], легендарных Рудольфа Абеля и Гордона Лонсдейла[3], супругов Крогеров[4] и других, с которыми мне довелось работать. Эти неординарные личности выступают в публикациях не как живые люди, а больше как абстрактные «разведчики». А ведь каждый из них — человек с незаурядными данными. Постараться показать это — вот мой долг.

Размышляя так о предстоявшей работе, я в конце концов убедил себя, что смогу добавить к уже известному хотя бы малую толику. Особенно как связана разведывательная деятельность с глубокими психологическими процессами, подчас совершенно неведомыми людям других профессий. Не претендуя на то, что мне удастся воссоздать всю обстановку описываемых событий, я попытался сопровождать рассказ о конкретных операциях и участвовавших в них людях психологическими оценками, которые в то время возникали. Конечно, в отдельных случаях я подходил к ним с учетом накопленного опыта и тех выводов, которые сделал за полвека службы в разведке.

Садясь писать эту книгу, я уже внутренне осознал, что у меня не только есть что сказать о годах, посвященных работе в разведке, но, главное, что судьба подарила мне встречи с такими людьми, которые заслуживали того, чтобы о них наш народ узнал больше правды.

Перед их памятью я почтительно склоняю голову и чувствую себя обязанным нарисовать их живые образы, показать глубоко гуманное содержание их беззаветного служения народу.

Не скрою, что чашу весов в пользу моего решения попытаться написать мемуары склонила та мутная волна измышлений о советской внешней разведке, свидетелями которой мы стали в последние годы. Ее, эту мутную волну, подняли бывшие сотрудники западных спецслужб, такие как Д.Мартин, П.Райт. Ч.Пинчер, журналисты, вроде Д.Баррона и изменники наподобие Гузенко[5], Голицина[6], Левченко[7] или Гордиевского[8]. Пользуясь шпаргалками, заготовленными западными разведками, эти авторы наряду с подлинными фактами заполняют свои опусы «свидетельствами», искажающими цели и методы работы нашей разведки. Воспоминания и записки некоторых американских, английских, немецких и французских разведчиков и предателей из числа сотрудников советских и российских спецслужб стали наводнять наш читательский рынок. Не может не беспокоить и то, что появляются домыслы и выдумки некоторых доморощенных авторов, которые, как говорят в народе, «ради красного словца не пощадят и родного отца».

Как всякая война, тайная тоже имеет и сторонников, и противников. Как любая работа, разведывательная деятельность не свободна от серьезных недостатков и просчетов. Подчас в острой схватке с противником принимаются не всегда лучшие решения, делаются ошибочные шаги. Не говоря о далеком прошлом, история последнего десятилетия дает примеры, когда противник использовал против сотрудников нашей внешней разведки острые методы воздействия — от применения

наркотиков и других психотропных средств до физического насилия.

Вот почему нужно сейчас сказать как можно больше правды о внешней разведке, написать о людях, беззаветно преданных Родине, опровергнуть тех, кто пытается опорочить их доброе имя.

Поставив перед собой задачу говорить только правду, откровенно поделиться мыслями, которые возникают у разведчика в процессе его нелегкой работы, я, естественно, не мог ограничиваться только личным опытом. Пройдя в разведке путь от младшего лейтенанта, рядового оперативного сотрудника, до генерал-лейтенанта, одного из руководителей всей внешней разведки, и проработав практически на всех главных ее направлениях, смею надеяться, что могу показать читателю многообразие и многогранность труда разведчика.

За пятьдесят лет моей службы история нашего государства была наполнена огромным количеством событий, предъявлявших особый счет к разведке. Не говоря уже о Великой Отечественной войне, на эти полстолетия пришлись такие международные катаклизмы, как захват гитлеровской Германией Австрии в 1938 году, оккупация Чехословакии в 1939-м и развязывание Гитлером второй мировой войны; провокация Японии на Халхин — Голе в 1939 году и советско-финская война 1939-1940 годов; нападение Японии на Пёрл-Харбор в 1941 году; карибский кризис 1962 года; события в Венгрии в 1956 году, в Чехословакии в 1968-м и польский кризис 1980-1984 годов; афганская война 1979-1988 годов. И каждое такое событие требовало от разведки прогнозов, оценок и мер по их локализации в интересах безопасности нашего народа. У разведчиков не было права даже на мгновение снижать свою активную деятельность по добыче актуальной информации с целью предотвращения нового всемирного вооруженного конфликта.

Конечно же, далеко не все в разведке, да и у меня лично, в прошедшие пятьдесят лет шло хорошо и гладко, как говорится, без сучка и задоринки. Были срывы, серьезные провалы, крупные неудачи: на войне как на войне, но из всех ударов самыми болезненными были те, когда в среде разведчиков оказывались предатели. Из-за них пришлось испытать горечь потерь; многие наши сотрудники и ценные агенты на время оказывались в иностранных тюрьмах. Я подчеркиваю — «на время», потому что, как правило, наша служба не оставляла в беде своих оперативных работников и их помощников. Примеры тому — вызволение из американской тюрьмы разведчика Р.Абеля, освобождение из домов заключения в Англии К.Т. Молодого и супругов Крогеров; в этих операциях мне довелось участвовать.

Даже наши противники на Западе вынуждены были по достоинству оценить высокий моральный дух наших разведчиков. И хотя Р.Абель оказался в тюрьме в 1957 году в результате предательства своего сотрудника, американские спецслужбы так и не узнали ничего о содержании его разведывательной работы в США, начавшейся в 1949 году и длившейся в течение восьми лет. Также ничего существенного не смогла выведать британская контрразведка о пятилетней деятельности разведчика К.Молодого, кроме того, что выдал им предатель Голеневский[9], польский офицер, случайно прослышавший о двух английских агентах нашего нелегального резидента.

Не нужно думать, что от неудач и провалов застрахованы разведки США, Великобритании и другие иностранные спецслужбы, с которыми мы вели борьбу. Они несли такие же, а порою еще более ощутимые потери от наших действий. При чем если наибольший ущерб нам наносили разного рода предатели и изменники, перебегавшие на Запад, то успехи внешней разведки, как правило, являлись закономерным результатом наших целенаправленных усилий. Это почти пятнадцатилетняя эффективная работа знаменитой «кембриджской пятерки» во главе с К.Филби[10], внедренной в английскую разведывательную службу. Это прогремевшее на весь мир «дело Уокеров»[11], когда группа агентов в США передавала нам самые охраняемые секреты в течение более пятнадцати лет, пользуясь вопиющими промахами американской контрразведки. Это, наконец, и плодотворное сотрудничество с британским разведчиком Д.Блейком[12] и его американскими коллегами Д.Говардом[13], У.Мартиным, Б.Митчелом[14] и другими, чьи имена я пока не могу назвать.

Американские авторы пытаются выдать действия изменника О.Пеньковского[15] за такой же выдающийся успех английской и американской разведслужб, как проникновение К.Филби в Сикрет интеллидженс сервис. При этом они умалчивают, что Пеньковский сам с трудом «внедрился» к ним. Перед тем как предатель смог убедить их в том, что сознательно предает свою страну, он дважды безуспешно предлагал им свои услуги и был отвергнут. Умалчивают они и о том, что разоблачить его советской контрразведке удалось в известной мере в результате непрофессиональной работы с ним англо-американского шпионского консорциума.

И жаль, что некоторые российские критики внешней разведки, хватаясь за отдельные негативные факты, не способны понять логику бескомпромиссной «тайной войны». Когда они подсчитывают число предателей из нашей среды, называя то

пятнадцать, то двадцать имен, они не дают себе труда осмыслить те конкретные обстоятельства, которые порождали подобные негативные явления. Ведь разведка живет не в вакууме, она множеством нитей связана с обществом. И то, что происходит в нем, отражается на разведслужбе. Когда в середине 1953 года были разоблачены Берия и его прихвостни и началась чистка органов КГБ и внешней разведки, с за граничных постов бежали четыре изменника: Дерябин[16] в Австрии, Хохлов[17]в ФРГ, Петров[18] в Австралии и Растворов[19] в Японии. На то в каждом случае имелась конкретная причина. Первый, погрязнув в пьянстве, совершил ряд грубых служебных проступков и хотел избежать наказания. Второй — струсил и не нашел в себе мужества честно признаться в этом, третий — растратил казенные деньги, четвертый тоже оказался не чист на руку.

Конечно, было бы хорошо исключить предательство из жизни нашей разведки, свести к минимуму ее провалы и просчеты. Или хотя бы добиваться локализации этих явлений, разоблачая изменников еще до того, как они укрылись за пределами страны. Кстати, таких случаев за последнее десятилетие больше, чем удавшихся побегов предателей на Запад.

Могла ли бы наша разведслужба пережить сорокалетнюю «холодную войну» без потерь? Утверждаю категорически — нет! А какая-либо другая? Тоже не смогла бы, такой разведки в мире не существует.

Думается, что если, прочтя эту книгу, читатель, даже далекий от рассматриваемых проблем, составит неискаженное представление о людях, посвятивших свою жизнь трудному и опасному делу защиты безопасности родной страны, ее интересов и благополучия нашего народа, то автор сможет считать свою задачу выполненной.

Глава 1. Я открываю Америку

Немало пришлось мне поломать голову над тем, с чего начать летопись моей полувековой службы во внешней разведке. Можно было, конечно, использовать рутинный метод — излагать свою карьеру в строгой хронологической последовательности. Детство, отрочество, юность… Затем путь в разведку… Этапы служебной деятельности… Уход на заслуженный отдых. Но кому все это нужно? Вряд ли детальное описание моей жизни заинтересует современного читателя. Нужно быть талантливым писателем, таким как, скажем, Лев Толстой или Максим Горький, автобиографические произведения которых захватывают людей.

В моем случае книгочеев можно заинтересовать не столько скромной персоной автора, сколько разведывательными операциями, в которых он участвовал или к которым имел отношение, технологией разведывательного дела, конкретными политическими результатами оперативных акций.

Приняв такое решение, я еще порядочное время колебался: о чем рассказать для зачина? В памяти столько интересных случаев…

В конце концов остановился на эпизоде из моей ранней практики в 1940-1941 годах. Мне он показался не только не заезженным — никто никогда не упоминал о нем в открытой печати, — но и очень важным с политической точки зрения, и стратегически значимым. То, что произошло, несомненно, оказало влияние на успех зимнего контрнаступления Красной Армии под Москвой в 1941-1942 годах и способствовало первому крупному поражению гитлеровцев в их походе на Восток.

Я уж не говорю о том, что тогдашние события оказали большое влияние на мое становление как разведчика. Это была ответственная операция, в ходе которой мне поручили провести встречу по всем правилам конспирации не с нашим агентом, а с крупным американским чиновником, не имевшим прямого отношения к секретной службе Кремля и не подозревавшим, что он имеет дело с одним из ее сотрудников. Правда, от этого важность и ответственность контакта не уменьшались, а возрастали. И риск был большой, если учитывать мой малый разведывательный опыт.

Но все по порядку.

В конце 1938 года, после шестимесячного обучения в Центральной школе НКВД и Школе особого назначения Главного управления государственной безопасности того же наркомата, меня направили на работу в 7-й (разведывательный) отдел этого

главка (в июле 1939 года он был преобразован в 5-й отдел, но все по старинке и 5-й, и 7-й отделы продолжали называть ИНО — Иностранным отделом, который возник в рамках ВЧК еще в декабре 1920 года; отсюда до сих пор ведет отсчет своего существования внешняя разведка Российской Федерации, от метившая в 1995 году свое 75-летие).

Начал я свою деятельность в качестве стажера, получавшего на практике первые навыки оперативного ремесла. Затем несколько месяцев проработал оперативным уполномоченным — это была вторая, начиная снизу, должность в иерархической лестнице наркомата. Далее меня, что я совершенно не ожидал, быстро продвинули по службе, поставив на первую руководящую ступень: я стал заместителем начальника американского отделения, которое занималось разведывательной деятельностью в США, Канаде и Латинской Америке.

Честно признаться, мне была не по плечу эта ноша. Ведь я только начал вникать в разведывательное ремесло, заграничной практики у меня не было. Но в то время внешняя разведка испытывала катастрофически острую нужду в кадрах. «Чистки» центрального аппарата НКВД, особенно его зарубежных структур, проводившиеся в 1937-1939 годах наркомами Ежовым и Берией, привели к тому, что в ИНО из примерно 100 сотрудников осталось всего десятка два. Некоторые направления работы были совершенно оголены.

В этом я сам убедился, когда стал стажером.

— Вот ваш участок, — сказал мне начальник, которому я представился после назначения. — В шкафах документы, разбирайтесь и работайте.

В комнате, вдоль стен которой выстроились деревянные шкафы с секретными документами, стояло несколько пустых столов — и ни одной живой души. Я стал знакомиться со своим хозяйством и увидел на полках папки, из которых вываливались бумаги. Это были копии отправленных руководителям нашего государства «спецсообщений». Не успел я осмотреться, как ко мне зашел шифровальщик с телеграммами из резидентур. На многих резолюции руководства: «В спецсообщение». Не оставалось ничего другого, как, взяв за образец несколько копий отправленных документов, приняться составлять новые. Так началась моя практика. Продлилась она недолго: вскоре, как я уже упоминал, на меня возложили более ответственные обязанности…

По сегодняшним меркам, отделение — это низшая ступень в структуре аппарата разведки. Но тогда более крупных подразделений — секторов, отделов — не было. Поэтому отделения замыкались прямо на руководство внешней разведки,

которая имела статус отдела в главке государственной безопасности наркомата внутренних дел. Наше, американское, отделение руководило разведывательными действиями на всей территории Северной и Южной Америки по всем направлениям: политическому, научно-техническому, контрразведывательному, нелегальному. Нам подчинялись легальные резидентуры в Вашингтоне и Нью-Йорке, нелегальные — одна в столице США, другая в Буэнос-Айресе — и нелегальная агентурная группа в Нью-Йорке. В нашем распоряжении были средства, как в рублях, так и в валюте. Последнее особенно показательно, поскольку в послевоенное время расходовать валютные средства раз решалось только с санкции руководства разведки.

Больше всего и я, как непосредственный куратор, и руководители отдела и главка были довольны результатами работы нелегальной резидентуры в Вашингтоне, которую возглавлял выдающийся разведчик Исхак Абдулович Ахмеров. В самом конце 1939 года он был, к сожалению, отозван в Центр вместе со своим заместителем Норманом Михайловичем Бородиным, очень способным нелегалом. Эту точку пришлось, выражаясь на жаргоне разведслужб, законсервировать, то есть свернуть ее деятельность. С агентами связь была прекращена, поступление информации прекратилось. А с Ахмеровым и Бородиным новый нарком Берия и его камарилья, впрочем как и со многими другими сотрудниками легальных и нелегальных резидентур, решили «разобраться». Их подвергли унизительным и жестоким допросам, после чего одних расстреляли, других отправили в тюрьмы и концлагеря, третьих вышвырнули на улицу. Повезло немногим. Ахмеров оказался среди них. Его отправили в американское отделение на самую низшую должность. Здесь он должен был доказать свою лояльность сталинскому режиму.

Хочу более подробно рассказать об этом выдающемся разведчике. В начале 1940 года, когда состоялось наше очное знакомство, передо мною предстал сорокалетний худощавый, подтянутый мужчина в строгом, безупречно выглаженном костюме. По своему внешнему виду он напоминал дипломата. С этим об разом хорошо гармонировал негромкий спокойный голос и размеренная, чуть запинающаяся, но абсолютно правильная речь, что на русском, что на английском языках. По-английски он говорил, кстати, с явным американским акцентом.

Ахмеров по национальности татарин. Родился в бедной крестьянской семье. Отец умер, когда Исхаку было несколько месяцев. Мать вместе с маленьким сыном поселилась у своего отца, занимавшегося скорняжьим промыслом. В 1912 году дед

скончался, и Исхаку, не окончившему даже начальной школы, пришлось идти, как тогда говорили, «в люди». Он стал мальчиком на побегушках, потом подмастерьем у скорняка.

В Советской России смышленый парень получил возможность учиться. В 1921 году его направили в Коммунистический университет народов Востока. Через год он перешел в Первый государственный университет (сейчас это МГУ) на факультет международных отношений. Учился Исхак легко, особенно давались ему иностранные языки. Но жизнь была тяжелой, приходилось тратить немало времени и сил, чтобы заработать: скудной стипендии не хватало.

По окончании университета Ахмерова послали в Народный комиссариат иностранных дел. После недолгой подготовки его командировали в Бухарскую народную советскую республику в качестве дипломатического агента. Через год он был уже секретарем генерального консульства СССР в Стамбуле, потом в Трапезунде (Трабзоне). К этому времени молодой дипломат уже свободно владел турецким языком.

В 1930 году Ахмерова приняли на работу в органы государственной безопасности. Вскоре его перевели в Иностранный отдел ОГПУ.

В начале 1934 года Исхака Абдуловича отправили на нелегальную работу в Китай. Под видом турецкого студента он поступил в американский колледж для иностранцев в Пекине. Это оказалось для него удачным прикрытием, его разведывательные дела продвигались успешно.

В 1935 году Центр принял решение перевести Ахмерова в США. Руководитель действовавшей там нелегальной резидентуры Дэвис погиб при невыясненных обстоятельствах. Его преемником стал нелегал Базаров. Ахмеров был у него заместителем, а в 1937 году с отъездом Базарова в Москву возглавил резидентуру. Через год Исхаку Абдуловичу удалось создать эффективно действующий нелегальный аппарат, в который входили десять ценных агентов, занимавших должности высокой разведывательной значимости в таких ведомствах, как государственный департамент, министерство финансов, аппарат Белого дома. От них поступала и направлялась в Центр важная информация о планах и намерениях руководящих кругов Соединенных Штатов в отношении Советского Союза, европейских государств и, что вызывало особенно большой интерес, стран «оси» — Германии, Японии и Италии[20].

Тут я должен упомянуть еще об одном нашем замечательном разведчике — Нормане Михайловиче Бородине. Он не принимал непосредственного участия в операции «Снег», но в предвоенные

годы сделал много, чтобы создать объективные условия для ее проведения.

Бородин в 1937 году стал заместителем Ахмерова. Инициативный оперативный сотрудник, Норман Михайлович руководил тремя ценными агентами. Когда по приказу Берии его отозвали из-за рубежа, он был еще молодым человеком: ему не исполнилось и 30 лет. Но Бородин уже успел приобрести значительный опыт нелегальной работы в Норвегии, где в 1931 году ступил на трудную стезю разведчика-профессионала, и в Германии. Когда там к власти пришли нацисты, его, еврея по национальности, перевели в нелегальную резидентуру в Париже.

В 1934 году Бородин вернулся в Советский Союз. Ему разрешили продолжить учебу в Военно-химической академии Красной Армии. Через два года его вновь зачислили в кадры внешней разведки и направили в США. Здесь он стал студентом радиотехнического института. Это прикрытие обеспечило ему хорошие возможности для занятий разведывательной деятельностью.

Я познакомился с Норманом Михайловичем после его отзыва из США. Это было в начале 1940 года. Он произвел очень приятное впечатление: неизменно выдержанный, тактичный, с большим чувством юмора, легкий в общении человек. Его отличали высокая эрудиция и прекрасное знание обстановки за океаном. К сожалению, по решению руководства наркомата внутренних дел Бородин был отчислен из внешней разведки, куда вернулся лишь после начала Великой Отечественной войны, но не на наш участок. Так по недомыслию, если не по злой воле, тогдашнего начальства мы лишились перспективного, хорошо подготовленного профессионала. Это чувствительно сказалось на работе воссозданной летом 1941 года нелегальной резидентуры в Вашингтоне, где Ахмерову пришлось в одиночку взвалить на себя непомерную нагрузку после восстановления связи с агентурой.

Нужно отметить, что большую помощь в оперативных делах Исхаку Абдуловичу оказывала его жена, Елена Ивановна. Случилось так, что во время первой командировки в США Ахмеров привлек в качестве содержательницы конспиративной квартиры американку Хелен Лоури, племянницу тогдашнего лидера компартии Эрла Браудера. Она оказалась очень способной ученицей, и вскоре наряду с техническими функциями резидент стал поручать ей выполнение оперативных заданий.

Хелен оказалась великолепным связником. Но жизнь есть жизнь, и учитель влюбился в свою ученицу и обратился в Центр с просьбой разрешить ему вступить в брак с нею. Помню, проблема для нас в американском отделении оказалась чрезвычайно

сложной. Для тех времен это был из ряда вон выходящий случай. Нам пришлось приложить колоссальные усилия, чтобы советскому разведчику-нелегалу позволили скрепить себя брачными узами с иностранкой. Высокие оценки разведывательной деятельности Ахмерова, исключительная ценность добываемой под его руководством информации и тот факт, что Хелен была родственницей коммуниста №1 Америки, — все это помогло положительно решить просьбу нашего вашингтонского резидента. В конце 1939 года он вернулся в Москву с молодой женой, которая стала его верной подругой и преданной помощницей на всю жизнь.

Я уже писал, что в середине 1939 года в американское отделение поступило указание наркома Берии отозвать в Москву весь личный состав резидентуры Ахмерова. Этот приказ явился для нас неожиданным и тяжелым ударом, так как подрывал нашу основную информационную базу в США.

Хотя вторая мировая война еще не началась, все указывало на то, что она разразится в ближайшее время. Растущая агрессивность фашистской Германии требовала от внешней разведки резко активизировать получение секретной информации о планах Гитлера, а мы в этот момент сами перекрывали доступ к наиболее важным и перспективным источникам. Хуже не придумаешь!

Здесь уместно отметить, что костяк нашей ценной агентуры в Соединенных Штатах состоял из убежденных антифашистов, которые видели в сотрудничестве с советской разведкой наиболее эффективный путь борьбы с коричневой опасностью. Как и широко известная ныне группа наших агентов в Великобритании (так называемая «кембриджская пятерка) под руководством выдающегося советского разведчика Кима Филби, которая начала сотрудничать с внешней разведкой Кремля в тридцатых годах после прихода к власти нацистов в Германии, так и в США ряд молодых антифашистов почти одновременно с английскими братьями по оружию избрали ту же дорогу. Они сочли, что в условиях сильного влияния прогитлеровских сил за океаном им будет трудно выступать с открытым забралом.

Надо также подчеркнуть, что все эти люди, давая согласие на сотрудничество с советской разведкой, как правило, выдвигали обязательное условие: не делать ничего такого, что могло нанести ущерб интересам или безопасности их родины. Могу подтвердить, что многие наши активные помощники-американцы после победы над фашистской Германией и милитаристской Японией сразу прекратили контакт с нами. И мы не удерживали этих честных патриотов. Кстати, некоторые из них — это были

наиболее убежденные борцы с реакцией — с началом «холодной войны» по собственной инициативе возобновили связь с нами. Среди агентов Ахмерова не оказалось таких, кто захотел бы прервать сотрудничество с советской разведкой. Сказалось сильное влияние резидента, как личности. Он всегда относился к своим помощникам с глубоким уважением, ничем не ущемлял их человеческого достоинства и чувства патриотизма. И если связь кое с кем из них была прекращена, то случилось это, главным образом, из-за предательства одного агента в конце 1945 года.

Вернемся, однако, в 1939 год. Тогда мы, в американском отделении 5-го отдела ГУГБ, ломали голову над тем, как уменьшить ущерб от вынужденной консервации агентов Ахмерова из-за его предстоящего отзыва в Москву. Решили наиболее ценных помощников не передавать на связь легальной резидентуре, чтобы уменьшить возможный риск их расшифровки в дальнейшем. Мы вывели на время их из игры, разработав условия возобновления контакта с ними, когда нелегальная резидентура возобновит свою деятельность.

Честно говоря, я и мои коллеги по отделению надеялись вернуть Ахмерова за океан самое большое через пять месяцев. Но наши расчеты не оправдались. Во-первых, в сентябре началась вторая мировая война, которая спутала наши карты. А во-вторых, мы не учли — да просто не могли учесть — политические игры, которые затеял нарком внутренних дел Берия. В них, этих играх. многим заслуженным ветеранам нашей разведки, профессионалам с большим опытом была уготована трагическая судьба.

В один из январских дней 1940 года начальник внешней разведки Павел Михайлович Фитин приказал всем руководителям отделений прибыть в кабинет наркома на совещание. Мой непосредственный шеф отсутствовал, и мне, как лицу его замещавшему, пришлось предстать перед очами грозного хозяина Лубянки. К назначенному сроку в приемной собрались начальники отделений, почти все сплошь молодые люди. Естественно, они гадали, о чем будет говорить нарком.

Среди «необстрелянной» молодежи, волею судьбы попавшей в верхи разведки, выделялась группа примерно из полутора десятков сотрудников более старшего возраста. Они вели себя сдержанно, не переговаривались, не крутили во все стороны головами. Кое-кого из них мы знали, например, Сергея Михайловича Шпигельгласа, заместителя начальника Иностранного отдела, который читал нам лекции в разведывательной школе.

Наконец нас пригласили в кабинет наркома. Это было

большое, отделанное красным деревом помещение, вдоль стен которого стояли мягкие кожаные кресла. На возвышении располагался огромный письменный стол на резных ножках, покрытий синим сукном. Мы расселись в креслах, а товарищи постарше, с Шпигельгласом во главе, заняли стулья прямо перед подиумом.

Вдруг позади стола бесшумно открылась небольшая дверь, которую я принял было за дверцу стенного шкафа, и вышел человек в пенсне, знакомый нам по портретам. Это был Берия. Его сопровождал помощник с папкой в руках. Не поздоровавшись, нарком сразу приступил к делу. Взяв у помощника список, он стал называть по очереди фамилии сотрудников, которые сидели перед ним. Слова его раздавались в гробовой тишине громко и отчетливо, как щелчки бича.

— Зарубин!

Один из сидевших перед столом встал и принял стойку «смирно».

— Расскажи, — продолжал чеканить нарком, — как тебя завербовала немецкая разведка? Как ты предавал Родину?

Волнуясь, но тем не менее твердо и искренне один из самых опытных нелегалов дал ответ, смысл которого состоял в том, что никто его не вербовал, что он никого и ничего не предавал, а честно выполнял задания руководства. На это прозвучало угрожающе равнодушное:

— Садись! Разберемся в твоем деле.

Затем были названы фамилии Короткова, Журавлева, Ахмерова и других старослужащих разведки, отозванных с зарубежных постов. Унизительный допрос продолжался в том же духе с незначительными вариациями. Мы услышали, что среди сидевших в кабинете были английские, американские, французские, немецкие, японские, итальянские, польские и еще Бог знает какие шпионы. Но все подвергнувшиеся словесной пытке, следуя примеру Василия Михайловича Зарубина, держались стойко. Уверенно, с чувством глубокой внутренней правоты отвечал Александр Михайлович Коротков, под руководством которого я прослужил в дальнейшем несколько лет в нелегальном управлении. Спокойно, с большим достоинством вел себя Исхак Абдулович Ахмеров и другие наши старшие коллеги.

Совещание, если его можно так назвать, — оно было похоже на экзекуцию — закончилось внезапно, как и началось. Дойдя до конца списка и пообещав опрошенным «скорую разборку», Берия встал и, опять не говоря ни слова, исчез за дверью. Его помощник предложил нам разойтись.

Никаких дополнительных разъяснений к увиденному и услышанному не последовало. Мы были ошеломлены. Просто не верилось, что все это произошло наяву. Для чего было разыграно это действо? Почему Берия решил подвергнуть опытных разведчиков такой «публичной казни»? Для их устрашения?

Мы терялись в догадках, но в конце концов склонились к тому, что эта демонстрация была задумана, чтобы преподать урок нам, молодым: будьте, мол, послушным инструментом в руках руководства НКВД и не думайте, что пребывание за границей укроет кого-либо от недреманного ока Центра.

Через несколько дней после совещания у наркома меня вызвал к себе мой непосредственный руководитель, начальник американского отделения Будков. У него я, к немалому удивлению, увидел трех человек, которых Берия подверг унизительному публичному допросу. Это были Василий Михайлович Зарубин, Исхак Абдулович Ахмеров и Михаил Васильевич Григорьев. Будков объявил, что они направлены в наше отделение стажерами. Еще более удивился я, когда услышал, что работать с ними поручено мне.

Можно представить мое положение! Я, двадцатипятилетний молодой человек, никогда за кордоном не бывавший и еще не видевший, так сказать, живого агента, должен был руководить тремя опытнейшими разведчиками-нелегалами с большим стажем работы.

Но приказ есть приказ. Я попросил всех троих пройти ко мне, чтобы обсудить создавшееся положение. У меня хватило ума, чтобы сообразить: никакой я для них не руководитель. Так честно им и признался. Конечно, для видимости надо будет соблюдать субординацию: на Лубянке было немало глаз и ушей, и кто-нибудь обязательно сообщил бы начальству, если бы я не выполнил указания. Но на самом деле я не собираюсь руководить ими, а хочу набраться у них разведывательного ума-разума.

Поскольку наше отделение отвечало за организацию разведки на американском континенте, опыт Зарубина и Ахмерова был как нельзя кстати. Я попросил Исхака Абдуловича опекать меня в том, что касалось агентурно-оперативной обстановки в США, нравов и обычаев населения, условий для разведывательной работы. И конечно же, оказывать мне помощь в овладении английским языком. А Василий Михайлович взялся натаскать меня в решении оперативных вопросов. В заключение я сказал, что прекрасно понимаю: научить правилам игры можно, но нельзя гарантировать, что я всякий раз буду обязательно выигрывать. Поэтому хочу с их помощью глубже овладеть основами разведывательного дела, а дальше все зависит от меня

самого.

Зарубин и Ахмеров согласились со мной. Как я понял, им пришлась по душе моя трактовка сути их «стажировки», которая была не особенно приятным отрезком карьеры этих мастеров разведывательного дела. Что касается Григорьева, то, поскольку он работал в нелегальных условиях во Франции, «стажироваться» ему пришлось у другого работника.

Твердо убежден: мне крупно повезло, что повстречался с этими замечательными людьми — В.М.Зарубиным и И.А.Ахмеровым. Наши разведывательные тропы впоследствии неоднократно пересекались.

Пока же Зарубин активно действовал в нашем отделении, выполняя важные оперативные задания как внутри Советского Союза, так и за кордоном, куда он выезжал в краткосрочные командировки. В Москве, например, он привлек к работе на советскую разведку одного латиноамериканского дипломата. А в начале 1941 года посетил Китай, где восстановил связь с нашим ценным агентом из Германии, который в то время был военным советником у главы Китайской республики Чан Кай ши. Вскоре после возвращения с Дальнего Востока Василия Михайловича направили в США. Он возглавил там нашу легальную резидентуру.

Зарубин при первом же знакомстве поразил меня своей энергией и открытостью. Это был крепко сколоченный сорокапятилетний мужчина, чем-то напоминавший джеклондонского морского волка, которого никакой шторм не в силах сбить с ног. Рыжеватые волосы на крупной голове не отличались пышностью. Светлые серо-голубые глаза, казалось, постоянно чему-то улыбались. Весь его облик дышал силой и уверенностью. Мускулистые руки и увесистые кулаки вызывали уважение.

Самым удивительным было то, что Василий Михайлович не только не имел высшего образования, но так уж сложилась его жизнь, что и среднюю школу не мог окончить. Видимо, поэтому он постоянно занимался самообразованием и стал глубоко эрудированным человеком. В 1940 году, когда мы познакомились, Зарубин в совершенстве владел немецким, французским и английским языками, свободно говорил по-чешски, объехал большинство европейских стран и побывал в США. Он поражал своими разносторонними знаниями. Все это помогало ему успешно решать трудные разведывательные задачи с нелегальных позиций.

Зарубин родился в 1894 году в семье железнодорожного рабочего. В четырнадцать лет начал трудовую жизнь: его от дали

в мальчики на торговую фирму. Затем он был рабочим, конторщиком. Все это до начала первой мировой войны. С 1914 по 1917 год служил рядовым в царской армии, был на фронте. За антивоенную агитацию попал в штрафную роту. В марте 1917 года получил ранение. По излечении его избрали в полковой комитет солдатских депутатов. С 1918 по 1920 год служил в Красной Армии. Затем его направили в органы ВЧК.

С 1925 года Зарубин во внешней разведке. После недолгой подготовки впервые выехал заграницу по легальной линии — Китай, Финляндия. Скоро началась его служба в нелегальной разведке — резидент в Дании, Германии, Франции.

В 1934 году Зарубина вновь направляют в Германию. Он успешно руководит нелегальной резидентурой, приобретает ряд ценных агентов. Направляемая им в Центр информация о планах и намерениях Гитлера получает высокую оценку.

Через три года Василия Михайловича отзывают в Москву для работы в центральном аппарате разведки. Он благополучно пережил бериевскую чистку. Осенью 1941 года его послали легальным резидентом в Соединенные Штаты.

За океаном Василий Михайлович находился до 1944 года. Руководимая им резидентура добилась высоких результатов и внесла весомый вклад в дело укрепления экономической и военной мощи нашей страны. Получаемая из правительственных и научных кругов США информация весьма положительно оценивалась Центром и регулярно докладывалась советским руководителям.

За достигнутые успехи Зарубин получил звание генерал-майора — такое в те времена в нашей службе встречалось очень редко. По возвращении на Родину он был назначен заместителем начальника внешней разведки. На этой должности Василий Михайлович проработал до 1948 года и вышел в запас по состоянию здоровья. В 1972 году он скончался.

Повсюду надежной помощницей Зарубина была его супруга, Елизавета Юльевна, с которой мне тоже довелось познакомиться. Живая, с выразительным лицом, жгучая брюнетка, она на шесть лет была моложе Василия Михайловича. К моменту знакомства с ним в Париже — это случилось в 1929 году — Елизавета Юльевна, дипломированный филолог, владела, кроме родного румынского языка (она родилась и выросла в Северной Буковине, входившей в состав Австро-Венгрии, а после первой мировой войны в Румынию), французским, немецким, английским и русским.

В апреле 1941 года по заданию Центра выезжала в Германию для восстановления связи с женой крупного немецкого

дипломата, завербованной органами госбезопасности в Москве. Выдавая себя за немку, Елизавета Юльевна провела две встречи с этой женщиной и добилась ее согласия на продолжение сотрудничества. От этого источника в дальнейшем шла важная информация гитлеровской империи.

Затем Зарубиной было поручено восстановить связь с нашим агентом, шифровальщиком в германском министерстве иностранных дел.

В Соединенных Штатах, где Елизавета Юльевна находилась вместе с мужем в 1941-1944 годах, она поддерживала связь с двумя десятками агентов, среди которых было несколько ценных источников. После командировки работала в центральном аппарате разведки. В 1946 году была уволена в запас. Скончалась она в 1987 году.

Сразу после нападения гитлеровской Германии на Советский Союз партийное и государственное руководство нашей страны приняло решение резко усилить деятельность внешней разведки и не только в самой нацистской империи и оккупированных ею странах и территориях, но и в других государствах, где можно было получить важную информацию о дальнейших планах Берлина. Речь шла в первую очередь о Великобритании и Соединенных Штатах.

Мы предложили как можно быстрее ввести в действие законсервированную нелегальную резидентуру в Вашингтоне и срочно возвратить туда Ахмерова. Теперь руководство внешней разведки и наркомата госбезопасности (уже в июле это ведомство опять вошло в наркомат внутренних дел) не колебалось ни минуты. Кандидатура Ахмерова (теперь он получил кодовое имя Рид) была немедленно утверждена. Как и план его ввода за океан.

Рид должен был по изготовленному для него канадскому паспорту поселиться вместе с женой (кодовое имя Вера) в московской гостинице «Националь». Они выдадут себя за иностранных туристов, которых война застала в СССР. Рид обратится в посольство США за транзитной визой, чтобы добраться до Канады. По прибытии в Нью-Йорк он перейдет на свои старые, прочно легализированные документы, а Вера, урожденная американка, использует свои подлинные бумаги. Маршрут их следования проходил через Китай, Сингапур, а оттуда в Соединенные Штаты на пароходе или самолетом, в зависимости от обстановки.

Мы разработали условия связи с Ридом на время следования за океан и на первоначальный период работы на американской земле. Самым тщательным образом обсудили все агентурные возможности, сохранившиеся после отъезда Рида из Нового Света

в 1939 году, и наметили тех агентов, кого нужно в первую очередь расконсервировать и начать активно использовать для получения актуальной разведывательной информации.

Подготовка проходила, как говорится, без сучка и задоринки. Но вдруг возникла неприятная неожиданность, которая поставила под угрозу срыва весь план.

В прекрасное августовское утро Рид собрался в американское посольство по поводу транзитных виз. Он уже спустился по центральной лестнице роскошной гостиницы «Националь», как у выхода на улицу навстречу ему бросился новый постоялец, который радостно окликнул его по турецкому имени. Рид узнал в нем однокашника по американскому колледжу в Пекине. Отпираться было бессмысленно. Мгновенно оценив создавшуюся обстановку и убедившись, что никто из находившихся поблизости не обратил внимания на их встречу, Рид крепко пожал руку своему старому знакомому, выразил радость по сему случаю, но одновременно и сожаление, что не сможет обстоятельно побеседовать с ним, так как срочно улетает и спешит в аэропорт. Эту сцену наш опытный нелегал разыграл настолько естественно, что у однокашника не возникло никаких сомнений. Они дружески расстались, после чего Рид сразу связался с нами.

Мы немедленно перевели чету нелегалов из гостиницы в другое место и установили наблюдение за знакомым из Пекина, чтобы исключить возможность новой случайной встречи. План их выезда в США решили не менять.

Рид отправился в американское посольство и к вечеру сообщил: визы получил и заказал билеты. Через неделю мы тепло распрощались с Ахмеровыми.

Можно много рассказывать об активной разведывательной деятельности Рида во время второй командировки в Соединенные Штаты. Длилась она без малого пять лет — до конца 1945 года. Вместе с Верой Рид сделал весомый вклад в информирование нашего правительства о политике нацистской Германии, военных планах Гитлера, экономическом положении и стратегических ресурсах фашистского военно-политического блока, деятельности гитлеровских спецслужб, включая разоблачение внедренных в советские учреждения немецких агентов, ставших известными американской разведке, которая не спешила сообщить о них своим союзникам в Москве. От Рида шла и подробная информация, освещавшая замыслы и действия реакционных кругов в Соединенных Штатах против упрочения антигитлеровской коалиции. За время пребывания на американской земле он переслал нам около двух с половиной тысяч фотопленок с заснятыми документами. Одно лишь это

свидетельствует об огромных масштабах его разведывательной деятельности.

Правда, поначалу нам пришлось изрядно поволноваться. И в Нью-Йорке у Рида произошла случайная встреча, которая чуть было не поставила его на грань провала…

Отправив наших нелегалов из Москвы в августе, мы рассчитывали получить известие об их прибытии на место назначения в конце сентября-начале октября. Однако Рид молчал. Лишь в первых числах ноября из нью-йоркской легальной резидентуры поступило сообщение о благополучном приезде нелегалов и их переходе на американские документы.

Но нас проинформировали и об одном неприятном обстоятельстве. Вскоре после того, как Рид попал в Нью-Йорк, он неожиданно столкнулся с бывшим профессором американского колледжа в Пекине, который считал его одним из своих лучших студентов. Наш разведчик был даже вхож в семью своего наставника. Надо же какое невезенье! Опять случайная встреча с одним из своих знакомых по Китаю. Призвав на помощь все свое хладнокровие и изворотливость, Рид сумел убедительно объяснить пребывание на берегах Гудзона: он, мол, здесь проездом по делам и скоро уезжает к себе в Турцию.

Все это было подробно изложено в его докладе, который легальная резидентура обещала направить в Центр с очередной почтой. Но и тут судьба сыграла с нами злую шутку. Дипкурьеров с их багажом, в котором находился доклад, поглотили воды Атлантического океана, так как пароход потопила немецкая подводная лодка.

В конце концов все утряслось. Треволнения по этому поводу остались позади, и Рид приступил к работе.

Вскоре я стал начальником американского отделения, но продолжал непосредственно курировать деятельность резидентуры Рида. Он прочно осел в Балтиморе, в часе езды от Вашингтона. В столице жили и работали почти все его агенты. Это были люди, занимавшие в большинстве случаев солидные посты в аппарате Белого дома, государственном департаменте, министерстве финансов, Управлении стратегических служб (так тогда назывался главный разведывательный орган США) и в ряде других министерствах и ведомствах.

Для прикрытия Рид использовал небольшую балтиморскую фирму по пошиву готового платья, принадлежавшую нашему агенту. Это был надежный человек, но дело его находилось в плачевном состоянии. Рид стал совладельцем предприятия, вложив туда небольшой капитал, и фактически взял дело в свои руки. Скоро производство расширилось — стали выпускать

меховые шубы и куртки. Нашему резиденту пришлось тряхнуть стариной: он вспомнил скорняжное ремесло, которое освоил, помогая в детстве своему деду.

Два-три раза в месяц Рид выезжал в Вашингтон для личных встреч с агентами. Столько же раз туда отправлялась Вера, что бы получить разведывательные материалы.

Сведения из нелегальной резидентуры шли очень важные. Они вызывали большой резонанс и не только оперативный, но и политический. В качестве примера приведу следующие факты. 17 сентября 1944 года газета «Правда» опубликовала сообщение собственного корреспондента в Каире, где говорилось, что, по сведениям из заслуживающих доверия источников, состоялась встреча германского министра иностранных дел фон Риббентропа с английскими руководящими деятелями в целях выяснения условий сепаратного мира с Германией. В основе этой информации лежали документальные материалы, полученные Ридом.

По его же данным, примерно в то же время немецкий посол в Ватикане фон Вайцзеккер вел переговоры с личными представителями Рузвельта архиепископом Спелманом и Тайлером об условиях выхода Германии из войны. Вряд ли нужно объяснять, насколько важной для руководства нашей страны была эта достоверная информация.

Великая Отечественная война, потребовавшая от наших людей огромного напряжения сил, беспримерного мужества и героизма, стала суровым испытанием для сотрудников внешней разведки. Деятельность Рида и Веры являла собой один из ярких примеров того, как разведчики-нелегалы выполняли свой долг.

В начале декабря 1945 года работу резидентуры Рида пришлось прервать в связи с возникшей реальной угрозой провала. Дело в том, что американской контрразведке удалось раскрыть одно из звеньев старого довоенного аппарата на шей службы. От арестованных агентов нить потянулась к Риду.

Ахмеров вернулся на Родину. Он еще долгие годы плодотворно трудился в центральном аппарате внешней разведки. Был заместителем начальника отдела нелегального управления. Выезжал в краткосрочные командировки. Проводил операции по восстановлению связи с агентами-нелегалами. Выполнял другие ответственные задания. Принимал участие в подготовке новых разведывательных кадров.

Умер И.А.Ахмеров в 1975 году.

В Исхаке Абдуловиче я видел тот идеал разведчика, которому стремился подражать. Это был человек с колоссальной трудоспособностью и неиссякаемой энергией. Удивляла его

упрямая настойчивость в достижении поставленной цели. И огромная сила воли. Не скрою, даже знавшим его достаточно хорошо казалось, что он несколько суховат, чрезмерно сдержан, не только неразговорчив — молчалив. Но, как я убедился, это происходило от его великой скромности. Он никогда не выпячивал своих заслуг, а они, как вы могли убедиться, были огромны. Видимо, этим объясняется тот факт, что получил полковник Ахмеров удивительно мало наград — два ордена Красного Знамени и орден «Знак почета», не считая обязательных медалей. И это за три с лишним десятилетия службы во внешней разведке, из которых 12 тяжелейших лет за границей в нелегальных условиях.

Но не стоит печалиться о мелких превратностях судьбы. Лучшим памятником выдающемуся разведчику Исхаку Ахмерову были и остаются его дела. И среди них одна из самых блестящих акций нашей разведслужбы — операция «Снег»[21].

Началось все летом 1940 года. Обсуждая тогдашнее положение в Соединенных Штатах и возможности агентуры, оставленной в бездействии отозванным в Москву Ахмеровым, мы взвешивали различные варианты восстановления связи с источниками наиболее важной информации, пока без возвращения туда самого Исхака Абдуловича.

Ахмеров подробно рассказывал мне о каждом своем помощнике и тщательно анализировал, может ли тот или другой оказать влияние на государственных и политических деятелей в Вашингтоне. Говорил он и о своем опыте работы в Китае, о том, что тогда понял, как велика японская угроза Дальнему Востоку и как резко сталкиваются там американские и японские интересы. Позже, уже в США, он не переставал интересоваться американо-японскими отношениями, тем более что среди его агентов были люди, имевшие прямое отношение по своему служебному положению к тихоокеанскому региону.

Мой старший коллега вспоминал, как в начале 30-х годов вспыхнули в Соединенных Штатах антияпонские настроения в связи с сообщениями о так называемом «меморандуме Танаки».

В 1927 году японский премьер-министр генерал Гинти Танака представил императору секретный доклад по вопросам внешней политики Страны восходящего солнца. Основные положения этого меморандума сводились к провозглашению агрессивного курса островного государства. В нем утверждалось, что Япония должна проводить политику завоевания сопредельных стран в целях достижения мировой гегемонии. Меморандум намечал очередность захватнических действий: ключом к установлению японского господства в Восточной Азии должно быть завоевание

Китая, а для этого предварительно необходимо овладеть Маньчжурией и Монголией. Затем Япония должна использовать этот регион как базу для проникновения в Китай. Ну а потом война с Советским Союзом и Соединенными Штатами.

Этот секретный документ был добыт через нашу агентуру в правительственных кругах Японии нашим резидентом в Сеуле И.А.Чичаевым и вскоре доведен до сведения мировой общественности. Его содержание нашло подтверждение в агрессии против Китая, захвате Японией Маньчжурии.

Обсуждая экспансию Токио в Азии, мы с Ахмеровым были одного мнения: она угрожает прежде всего нашему Дальнему Востоку. Эта опасность усиливалась с одновременно нараставшей угрозой со стороны гитлеровской Германии на Западе. Ахмеров высказывал мнение, что японцы могут попытаться напасть на наши дальневосточные рубежи, как только Германия решится выступить против нас. Об этом свидетельствовал и заключенный в 1936 году Антикоминтерновский пакт.

Что можно было бы предпринять, чтобы уменьшить для на шей страны опасность возникновения войны на два фронта — на Западе и Востоке? Мы вспомнили, как после Октябрьской революции японцы набросились на наш Дальний Восток. Тогда их расчеты потерпели фиаско, столкнувшись как с сопротивлением нашего народа, так и с серьезным предостережением США, отнюдь не желавшими усиления Японии. В мае 1921 года Вашингтон направил Токио резкую ноту с категорическим заявлением, что не признает никаких договоров, являющихся следствием японской оккупации. В заявлении содержа лось требование полной эвакуации японских войск из Сибири. Всякие исторические аналогии условны. Но тем не менее, подумали мы, нет ли в современных условиях возможности «приструнить» Японию на случай появления у нее желания напасть на нас?

Эта мысль захватила нас, и Ахмеров стал вспоминать беседы на тему американо-японских отношений со своими агентами. Один из них, назовем его «Икс», сотрудник министерства финансов США, рассказывал о своих влиятельных сослуживцах. Среди них он очень положительно характеризовал ряд антифашистов, из которых один, отличавшийся большими способностями и пользовавшийся особым расположением министра финансов Генри Моргентау, часто готовил докладные записки для президента. Его звали Гарри Декстер Уайт. Ахмеров попросил «Икса» организовать встречу с этим человеком под каким-либо благовидным предлогом. Для зашифровки интереса к нему он попросил «Икса» пригласить не одного Уайта, а нескольких гостей.

Такая встреча состоялась в середине 1939 года, еще до начала второй мировой войны. Ахмеров познакомился с Уайтом, выдавая себя за синолога, занимающегося проблемами Дальнего Востока. Ему вспомнилось, что, когда, следуя легенде, он сказал, что вновь собирается в Китай, Уайт выразил желание встретиться с ним по возвращении из тех «интересных краев».

Тогда Ахмеров не счел целесообразным дальнейшее изучение Уайта для его возможной вербовки по двум причинам: во-первых, мы имели уже достаточные информационные возможности в министерстве финансов и получали оттуда самые интересные сведения, а во-вторых, Уайт был убежденным антифашистом и действовал сам в соответствии со своими убеждениями в нужном для нас направлении. Сейчас в Москве Ахмеров под влиянием наших рассуждений подумал, что возможности заместителя министра финансов очень бы пригодились. Нельзя ли, высказал Исхак Абдулович мысль, в современных условиях, когда идет вторая мировая война и США наращивают свою оборонную промышленность, побудить Вашингтон вновь предостеречь Японию от ее экспансии? Ведь современная политика Токио в тихоокеанском регионе прямо угрожает интересам Соединенных Штатов и их союзников.

Просмотрев все последние материалы «Икса» и других агентов Ахмерова, мы пришли к выводу, что Уайт мог бы оказаться весьма кстати. Он продолжал пользоваться полным доверием Г.Моргентау. Министр верил ему, разделял его оценки и использовал их в своих записках президенту Рузвельту и госсекретарю Корделлу Хеллу.

Но вставал вопрос: как подступиться с нашей идеей к Уайту? Через агента «Икс» — исключалось, так как мы уже отвергли мысль о восстановлении связи с агентами до возвращения Ахмерова в США. И тут во второй половине 1940 года начальник внешней разведки П.М.Фитин предложил мне готовиться к ознакомительной поездке за океан.

— Ты, — сказал мне Павел Михайлович, — руководишь делами США, а сам там еще не был. Поезжай в начале будущего года, посмотри, как работают те молодые разведчики, которых ты туда отправил.

Это предложение я сразу же обсудил с Ахмеровым: а что, если мою поездку использовать для реализации нашего плана?

Тем временем шли тревожные вести о том, что «северная фракция» милитаристов в Токио упорно стремится склонить правительство к нападению на СССР. Но в японском руководстве были сильны и позиции сторонников «южного направления», настроенных развивать агрессию в Китае на юг, откладывая пока

планы завоевания северных территорий.

Мы понимали, что укрепить сомнения японских милитаристов в осуществимости «северных» планов в значительной степени сможет позиция США. Из того, что мы знали об Уайте, вытекало, что он мог бы попытаться воздействовать через Моргентау на усиление такой линии в американской администрации, которая противодействовала бы японской экспансии.

Ахмеров много помогал мне готовиться к поездке. Мы сошлись еще больше. Я убедился в его мудрости и все больше доверял ему, и посчитал необходимым узнать его мнение о том, не стоит ли мне поставить перед руководством вопрос о проведении в США встречи с каким-либо источником для получения хотя бы небольшой практики в агентурной работе?

Меня интересовало, как оценит Ахмеров мою готовность в двух аспектах: достаточно ли будет моих знаний английского для беседы с агентом и хватит ли моих способностей дать агенту оперативно грамотный инструктаж? Он без колебаний ответил положительно и тут же спросил:

— А почему бы вам не взяться за проведение операции, которую мы задумали? — И, не ожидая ответа, добавил: — Хотя разговор с Уайтом, несомненно, будет гораздо труднее, чем беседа с агентом, знающим, с кем он имеет дело, но за остающиеся до поездки несколько месяцев я берусь подготовить вас к такой беседе.

Мы тут же засели за формулирование целей операции, дав ей кодовое название «Снег» — по ассоциации с фамилией Уайта, означавшей по-английски «белый». В первом приближении они, эти цели, выглядели следующим образом:

— США не могут мириться с неограниченной японской экспансией в тихоокеанском регионе, затрагивающей их жизненные интересы;

— располагая необходимой военной и экономической мощью, Вашингтон способен воспрепятствовать японской агрессии, однако он предпочитает договориться о взаимовыгодных решениях при условии, что Япония 1) прекращает агрессию в Китае и прилегающих к нему районах, 2) отзывает все свои вооруженные силы с материка и приостанавливает экспансионистские планы в этом регионе, 3) выводит свои войска из Маньчжурии.

Эти первоначальные тезисы подлежали окончательному формулированию с учетом возможных замечаний руководства внешней разведки. В отработанном виде их предстояло до вести до сведения Уайта, который сам найдет им убедительное

обоснование, чтобы в приемлемой форме преподнести руководителям США.

Ахмеров подготовил подробный план встречи в Вашингтоне с Уайтом и беседы с ним, включая порядок ознакомления с тезисами и идеей продвижения их в руководство США. Моя же главная задача состояла в том, чтобы хорошо подготовиться в языковом отношении, отработать легенду знакомства с Ахмеровым в Китае, подобрать надежные маршруты в Вашингтоне для выхода на встречу.

Все это я доложил П.М.Фитину. Он поинтересовался мнением Ахмерова относительно реальности операции и обещал проконсультироваться с руководством наркомата.

Примерно через неделю Павел Михайлович вызвал меня и сказал, что в принципе наше предложение одобрено. Мне еще нужно лично доложить наркому об операции. Естественно, я был обрадован, что наш с Ахмеровым замысел получил одобрение. Но вместе с тем изрядно волновался, как пройдет доклад. В моей памяти еще свежа была картина «совещания» у Берии в начале года, и я мог ожидать от встречи с ним чего угодно.

Нарком вызвал меня в октябре 1940 года. Разговор с ним был предельно кратким. Он спросил, понимаю ли я всю серьезность предлагаемой операции? Детали его не интересовали, их не обсуждали.

— Сейчас же, — строго наказал Берия, — готовь все необходимое и храни все, что связано с операцией, в полнейшей тайне. После операции ты, Ахмеров и Павел Михайлович должны забыть все и навсегда. Никаких следов ее ни в каких делах не должно остаться.

Надо сказать, что позже я поинтересовался, нет ли каких-либо заметок в личных делах Ахмерова и моем или в агентурных досье, но ничего не обнаружил. Более того, когда мы с Исхаком Абдуловичем в 1946 году вновь встретились в Центре после его возвращения из США и моего из Канады, мы, памятуя о приказе «забыть все», не затрагивали этой темы. Единственно, Ахмеров мне как-то намекнул, что все «сработало отлично». Молчали мы до 1953 года, когда Берия был арестован, осужден и расстрелян. Теперь мы с Ахмеровым — я считал его первым разработчиком и инициатором операции «Снег», — не опасаясь, подвели, так сказать, для себя итоги этой акции. И тут Исхак Абдулович рассказал мне, что в конце войны от агента «Икс» он узнал: Уайт разыскивал Билла, то есть Ахмерова, чтобы поблагодарить его за какую-то идею, которая имела большой успех.

Но вернемся в 1941 год. Мы тщательно подготовили операцию. Постарались предусмотреть все возможное, вплоть до

того, что Ахмеров подобрал телефонные будки в Вашингтоне, откуда я должен был позвонить Уайту, и различные варианты беседы с ним на английском языке.

Надо сказать, что за время трехмесячной подготовки операции я сильно продвинулся в английском языке. И все же, страховки ради, мы попросили направить со мной в качестве второго дипкурьера нашего сотрудника Михаила Корнеева, хорошо знавшего английский, чтобы я мог дополнительно потренироваться в пути. Во всяком случае, присутствие коллеги придавало мне большую уверенность.

Признаться, все время, пока я приближался к месту проведения операции «Снег», я испытывал большое волнение.

Хотя ни страха или опасения за себя, ни малейшей оперативной робости не было, мне было ясно, что, удайся операция хотя бы наполовину, это будет большой победой, мы сможем считать, что внесли свой вклад в дело борьбы с назревавшей угрозой гитлеровской агрессии. Весь смысл нашего с Ахмеровым предложения, одобренного руководством, сводился к одному — предупредить или хотя бы осложнить принятие японскими милитаристами решения о нападении на наши дальневосточные рубежи, помешать экспансии Токио в северном направлении. При этом в случае успеха я заранее относил все заслуги на счет Ахмерова: он был неизмеримо опытнее меня, несравненно глубже понимал проблемы Дальнего Востока и знал политику США. Моя роль сводилась к простому исполнению талантливого замысла выдающегося разведчика.

Поскольку мне требовалась помощь Михаила Корнеева, я рассказал ему о той части операции, в которой он должен был участвовать, не раскрывая других деталей. На подробном плане Вашингтона я показал маршрут, на котором он должен будет контролировать обстановку и предупреждать меня о возможной слежке.

В конце апреля я и Михаил Корнеев выехали в Соединенные Штаты, прикрываясь миссией дипломатических курьеров. Все было сделано как надо. Мы везли настоящую диппочту, имели дипломатические паспорта и пистолеты — в случае нападения мы должны были защищать неприкосновенность нашего груза вплоть до применения оружия.

Наш маршрут: до Ленинграда на поезде, через Атлантический океан пароходом до Нью-Йорка, затем Вашингтон — Сан-Франциско по железной дороге, оттуда во Владивосток через Тихий океан, с заходом на Гавайские острова и в Японию, и наконец, в Москву по Транссибирской железнодорожной магистрали.

В середине мая мы доплыли до Нью-Йорка, сдали почту в советское генеральное консульство и, отдохнув пару дней, вы ехали в Вашингтон, где мне предстояло нелегкое испытание на, так сказать, аттестат оперативной зрелости.

Сразу по прибытии в американскую столицу — это было в понедельник — мы с Михаилом проехались по улицам. Оперативный водитель показал все места, где могло быть установлено усиленное наблюдение полиции и контрразведки. Затем проехали по всем намеченным Ахмеровым маршрутам для телефонного звонка Уайту, а затем на встречу с ним.

Следующий день, вторник, был, по мнению Ахмерова, наиболее подходящим для звонка. Он хорошо знал распорядок работы государственных учреждений в Вашингтоне и обстановку в министерстве финансов и рекомендовал звонить в любой рабочий день недели, кроме понедельника, когда Уайт мог находиться на совещании у руководства. Оптимальным временем для звонка он считал 10-11 часов утра.

В тот день погода стояла изумительная. Кругом цвели вишневые деревья, которыми славится американская столица. В лучах майского солнца город казался праздничным. Хотя, возможно, просто сказывалось мое приподнятое настроение. Мы, как и намечали в Москве, встали рано и около 7 часов утра вы ехали «на прогулку». По пути, после нескольких проверок на удобных малолюдных улочках, где не было оживленного движения, зашли в небольшую закусочную и позавтракали. Когда до звонка оставался час времени, выехали на проверочный маршрут. Михаил вышел из машины за три квартала до своего контрольного пункта. Мы с водителем провели еще одну тщательную проверку, и я направился к телефонной будке. Ровно в 9.50 я прошел мимо Михаила. Он сделал незаметный условный жест рукой: «Все чисто».

В следующие несколько минут я быстро одолел два квартала и в десять открыл дверь телефонной будки. Когда раздались гудки на другом конце провода, мне показалось, что время остановилось. И вдруг среди напряженного ожидания прозвучало: «Уайт слушает». Я назвал себя, как десятки раз было отрепетировано с Ахмеровым, сказал, что звоню по просьбе моего преподавателя Билла, который все еще находится на Дальнем Востоке, и выразил готовность встретиться с Уайтом, если он желает узнать о Билле и выслушать, что тот просил передать ему.

Уайт, помедлив самую малость, согласился и, вероятно, хотел было назвать время и место, но я опередил его, чтобы не упускать инициативы, и сказал, что я в Вашингтоне ненадолго, на днях возвращаюсь к Биллу, и если Уайт смог бы уделить мне

полчаса завтра, то я готов пригласить его на ленч. И назвал ресторан, который, по словам Ахмерова, был известен Уайту. После некоторого размышления мой собеседник согласился. Поблагодарив, я попрощался с Уайтом и повесил трубку.

Вздохнув с облегчением, я постоял еще с минуту у телефона, повторил про себя весь разговор и отметил, что все прошло без сучка и задоринки. Первый этап завершился. Теперь пред стояло главное: как Уайт воспримет идею Билла? Все остальное — мои языковые трудности, вопросы выхода на встречу — отошли на второй план.

Я пытался поставить себя на место Уайта и определить его возможную реакцию. Самая неприятная: кто вы такой и почему Билл лезет в мои служебные дела? При отягчающих обстоятельствах эта реакция может сопровождаться обвинением меня в провокации с соответствующими последствиями и возможным вынужденным знакомством с местными властями. Конечно, это будет полный провал операции, но против личных неприятностей меня защищал дипломатический паспорт дипкурьера. Все другие реакции были бы в принципе благоприятными, даже если Уайт просто по каким-то соображениям отвергнет нашу идею.

Утром следующего дня мы с Михаилом совершили «прогулку», заранее договорившись о том, куда к 12 часам должен подъехать на машине наш водитель. Мы прошли в центр, полюбовались монументом Линкольна, около 9 часов позавтракали в небольшом кафетерии и, как заправские туристы, неспешно пошли к намеченному месту, куда должен был подъехать автомобиль.

Забыл упомянуть, что в телефонном разговоре с Уайтом я сказал ему, что постараюсь быть на месте за несколько минут до свидания, что я блондин, среднего роста и что у меня на столе будет журнал «Нью-Йоркер», с которым я не расстаюсь. Это облегчит ему мое опознание. Его же я, по описанию Ахмерова, надеялся узнать без труда.

Не скажу, что, подходя к ресторану, я не испытывал волнения. Вновь и вновь в моей голове прокручивались варианты предстоящего разговора. Главное, чего мне нельзя было упускать из виду, это то, что Уайт — ответственный сотрудник американского государственного учреждения, и я не собирался предлагать ему ничего такого, что выходило бы за рамки закона или ущемляло бы интересы США. Наоборот, все идеи Билла предполагали защиту национальной безопасности Соединенных Штатов. Кроме того, памятуя о твердых антифашистских убеждениях Уайта, я собирался подчеркнуть, что эти идеи

продиктованы стремлением противодействовать германскому фашизму и японскому милитаризму.

Уайт, как один из доверенных лиц Генри Моргентау, должен был быть в курсе реальной угрозы гитлеровского нападения на нашу страну и, конечно же, понимал, что, ограждая нас от агрессии Японии на Дальнем Востоке, он будет способствовать усилению Советского Союза перед этой угрозой в Европе. Следовательно, его действия соответствовали антифашистским идеям. Поэтому любой шаг, способствующий обузданию экспансии Японии в Китае, Маньчжурии и Индокитае, отвечал бы американским интересам в тихоокеанском регионе. В этом плане я был готов, если потребуется, напомнить и о «меморандуме Танаки».

Сейчас, когда я смог ознакомиться с текстами записок, подготовленных Уайтом для Г.Моргентау и доложенных осенью 1941 года президенту Ф.Д.Рузвельту, мне стало ясно: краткие тезисы Билла, переданные мною, автор развил в убедительные аргументы, которые принял на вооружение Белый дом.

Но вернемся к той памятной встрече в Вашингтоне. Я вошел в ресторан, который был уже почти пуст, — время ленча подходило к концу, и направился к столику в глубине зала, от куда хорошо был виден вход. Осмотревшись, я положил на стол журнал «Нью-Йоркер», так, чтобы заголовок можно было заметить издалека.

В дверях показался Уайт, которого я сразу узнал по описанию Ахмерова. Он окинул взглядом зал и направился ко мне, так как другого блондина в ресторане, видно, не оказалось.

Когда он приблизился, я встал и произнес его имя. Он кивнул и назвал меня. Мы поздоровались. Поскольку я заметил, что к нам направляется официант, попросил Уайта заказать по его выбору завтрак и для меня. Когда официант отошел, я сразу же попросил у собеседника извинения за мой варварский английский язык, сославшись, согласно легенде, на то, что долго живу в Китае, «вдали от цивилизации». Он улыбнулся и подбодрил меня:

— Думаю, что это не помешает нам понять друг друга.

Пока Уайт делал заказ, я успел рассмотреть его. Это был человек лет тридцати пяти-сорока, с очень живым, симпатичным лицом и проницательными глазами, которые прятались за очками в тонкой металлической оправе. Он производил впечатление скорее профессора, чем важного государственного чиновника.

Чувствовалось, что Уайт готов был с интересом выслушать мои пояснения о цели встречи. Я не заставил его ждать. Передал привет от Билла из далекого Китая, добавив, что мы с ним друзья, вернее, он мой наставник, которого я глубоко уважаю.

— Билл немного рассказал мне о вас, — начал я, — и попросил об одолжении, которое я охотно выполняю. Он подчеркивал: то, что я собираюсь передать вам, очень актуально и его нельзя откладывать до тех пор, когда он вернется на родину и встретится с вами.

Уайт прервал мой монолог вопросом:

— Когда Билл намерен приехать в США?

Я, как было согласовано с Ахмеровым, ответил:

— Билл хочет сделать это как можно скорее, не позже конца года. Он усиленно работает над проблемами американо-японских отношений, и у него вызывает большую тревогу экспансия Японии в Азии. Вот как раз в связи с этим он и просил меня, по возможности, встретиться с вами и, если вы не будете возражать, ознакомить с идеей, которая, по его убеждению, может заинтересовать вас.

Уайт заметил, что встреча с Биллом пару лет тому назад оставила у него хорошее впечатление.

— Это явно человек глубоких мыслей, — сказал мой собеседник и добавил, что готов выслушать меня.

Извинившись за то, что не очень полагаюсь на свои знания английского, я положил перед Уайтом небольшую записку. Прочитав ее, мой визави воскликнул, что его поражает совпадение собственных мыслей с тем, о чем, судя по тезисам, думает и Билл. Он машинально хотел положить листок в карман, но, увидев мою протянутую руку, вернул его мне.

— Я на днях возвращаюсь в Китай, и Билл обязательно пожелает узнать ваше мнение, — сказал я, — ведь он так беспокоился как раз о том, видит ли руководство США японскую угрозу и намерено ли что-то делать для обуздания азиатского агрессора?

Уайт просил передать Биллу следующее:

— он благодарен за высказанные мысли, которые соответствуют его, Уайту, убеждениям и знанию положения в указанном регионе;

— он уже задумывался сам над тем, что можно и нужно предпринять;

— он полагает, что, получив поддержку хорошо осведомленного специалиста, сможет предпринять необходимые усилия в нужном направлении.

Говорил Уайт нарочито медленно, слова произносил отчетливо, а закончив, спросил, правильно ли я понял его. Чтобы успокоить собеседника, я повторил его устное «послание» для Билла почти слово в слово. Он одобрительно кивал головой и даже похвалил мою память.

Наша трапеза подходила к концу. Уступая просьбе Уайта, я предоставил ему возможность расплатиться за ленч, поскольку он его заказывал.

Я был удовлетворен тем, что главную свою задачу мне удалось выполнить, и с легким сердцем возвратился к месту, где Михаил ждал меня в автомобиле…

В Москве я прежде всего встретился с Ахмеровым. Мы обстоятельно проанализировали, не упуская мельчайших подробностей, ход операции и реакцию Гарри Уайта. Ахмеров пришел к выводу, что он вел себя так, как и следовало ожидать. Можно было быть уверенным, что он принял наш совет и обязательно им воспользуется, теперь оставалось ждать его действий.

Я полностью согласился с выводами Ахмерова и, по договоренности с ним, доложил все начальнику разведки.

Еще из США, как было условлено, я направил лично Фитину шифртелеграмму с одной фразой: «Все в порядке, как планировалось. Клим». Павел Михайлович после моего доклада сказал, что он сразу сообщил Берии содержание депеши, так что идти к нему не потребуется. Да сейчас и не до того, началась война. На этом, подвел итог Фитин, для нас операция «Снег» заканчивается, а Ахмеров и я должны все забыть. Мы так и поступили, пока меня к этим воспоминаниям не вернули американцы. Но это случилось уже в наши дни.

Недавно в мои руки попала книга бывшего конгрессмена Гамильтона Фиша «Мемуары американского патриота», изданная в Вашингтоне в 1992 году. Читая ее, я в полной мере ощутил роль Гарри Уайта в возникновении американо-японской войны. Автор приводит два документа от 6 июня и 17 ноября 1941 года, составленные Уайтом. Их главное содержание вошло в меморандум министра Моргентау для Хэлла и Рузвельта от 18 ноября того же года. На основании последнего документа, пишет Фиш, 26 ноября японскому послу в США адмиралу Номуре был вручен ультиматум с требованием немедленно отозвать все вооруженные силы Японии из Китая, Индонезии и Северной Кореи. Японскому правительству предлагалось выйти из тройственного пакта с Германией и Италией, заключенного в сентябре 1940 года. Документ, который был назван «ультиматум Хэлла», по утверждению автора, спровоцировал войну между Японией и США.

Ссылаясь на американского историка А.Кубика, Г.Фиш пишет далее, что Г.Уайт — не только заместитель, но первое доверенное лицо министра финансов Г.Моргентау, занимавшего одну из ключевых позиций в администрации Рузвельта. Вместе с тем Уайт

якобы был скрытым коммунистом и сотрудничал с советской разведкой. В свидетели Фиш призывает предателей и изменников — Бармина, Чэмберса, Бентли, Гузенко[22]. Все их показания в отношении Уайта тщательно проверяла американская контрразведка, но безрезультатно. Его «нелояльность» расследовала и комиссия конгресса под руководством Дайса. Психологическим террором она смогла добиться только одного: категорически отрицавший все обвинения Уайт не выдержал травли и после очередного допроса в августе 1948 года скоропостижно скончался. Дела на него, которые завели ФБР и комиссия конгресса, были закрыты: им не удалось доказать, что он был агентом советской разведки. Истина восторжествовала, хотя и очень дорогой ценой.

Со своей стороны, я, наверное единственный оставшийся в живых участник операции «Снег», могу засвидетельствовать: Гарри Декстер Уайт никогда не состоял с нами в агентурных отношениях.

Должен сказать и об удивительной нечистоплотности Г.Фиша. Этот потерявший всякую порядочность бывший конгрессмен-неудачник, выбитый из седла законодателя еще в 1945 году, мстит, спустя полвека, ненавистному ему Франклину Делано Рузвельту и всем, кто способствовал успешной деятельности администрации этого выдающегося американского президента. И тщась выдать себя за патриота, льет грязь на истинного сына Соединенных Штатов Гарри Уайта.

Теперь, зная всю подноготную подготовки японской агрессии против США и будучи причастным в известной мере к действиям Уайта в защите американских интересов на Тихом океане, я могу трезво оценить роль нашей внешней разведки в предупреждении японской агрессии против СССР в 1941 году. От одновременного с германской агрессией нападения на Советский Союз Японию удержала прежде всего неуверенность в успехе этой затеи после горького поражения при Халхин-Голе. Вторым фактором, безусловно, была превалирующая заинтересованность Токио в другом, южном направлении японской агрессии.

Состояние умов в японском правительстве еще до Пёрл-Харбора характеризует шифртелеграмма министра иностранных дел, направленная послу Японии в Берлине 22 ноября 1941 года, то есть до вручения «ультиматума Хэлла».

«Повстречайтесь с Гитлером и Риббентропом, — писал министр, — и в секретном порядке объясните им наши отношения с США… Объясните Гитлеру, что основные японские усилия будут сосредоточены на юге, и мы предполагаем воздержаться от преднамеренных действий на севере». Эти

данные, полученные советской разведкой, позволили нашему правительству пока не беспокоиться за Дальний Восток.

Конечно же, объективно возможность японского нападения на наш тыл оставалась. Вступление США в войну с Японией устраняло подобную угрозу, поэтому любые действия для достижения такой гарантии были выгодны нам. С этих позиций операция «Снег» была полностью оправданна.

В связи с операцией «Снег» хочу подчеркнуть еще одно важное обстоятельство. Что бы ни говорили «эксперты» по вопросам внешней разведки из числа бежавших на Запад изменников, например О. Гордиевский, об И.А.Ахмерове и его деятельности, им нельзя верить. Они могут питаться только слухами, ибо сам Исхак Абдулович был человеком весьма скрытным и никогда не рассказывал о своей работе, тем более об агентах, с которыми был связан в США. Могу сказать: нет, не мог Ахмеров в своей лекции, как пишет Гордиевский, что-либо говорить о Гарри Гопкинсе[23] или Олджере Хиссе[24], которые не были нашими агентами (он, Ахмеров, никогда с ними не встречался). Все это чистый вымысел изменника, который лично с Ахмеровым не был знаком.

Как и вся наша внешняя разведка, Ахмеров отнюдь не стремился к тому, чтобы привлекать к сотрудничеству «высших государственных деятелей», хотя среди десятка наиболее ценных его агентов двоих можно было отнести к такой категории.

Наша разведка считала (думаю, считает и сейчас), что умный и способный помощник или секретарь крупного руководящего деятеля может добывать не меньшую (если не большую) информацию, чем его шеф.

Если говорить о втором периоде разведывательной деятельности И.А.Ахмерова в США (1941-1945 годы), то вся информация, которую добывала резидентура, была прежде всего «антигерманской» и «антияпонской» и отнюдь не использовалась против США. Наши источники — американцы, согласившиеся на сотрудничество с внешней разведкой на антифашистской основе, не причиняли какого-либо вреда своей родине. Скорее они помогали американской армии успешно сражаться против немецких фашистов и японских милитаристов.

Естественно, читателей может интересовать дальнейшая судьба тех агентов Ахмерова, которые служили в разведывательной организации Вашингтона военного времени — Управлении стратегических служб, предтечи ЦРУ. В американской печати в последние годы не раз появлялись сообщения, основанные на будто бы расшифрованной переписке нью-йоркской резидентуры нашей внешней разведки с Центром в

период войны. В них утверждалось, что секретная служба Кремля имела в УСС семь агентов. Думаю, что в этих сообщениях верно только одно: да, мы располагали агентурой в разведке Вашингтона. Но, во-первых, агентов было не семь, а значительно больше (читатели должны понять, что даже сейчас точную цифру я не могу рассекречивать по своему желанию). Во-вторых, что касается «расшифровки переписки» наших разведывательных структур, я весьма сомневаюсь, что американцам удалось узнать хотя бы об одном из наших агентов в УСС. Более того, скажу следующее: некоторым нашим источникам, работавшим во время войны в разведке Вашингтона, удалось в 1947 году, когда было создано ЦРУ, перейти в эту организацию.

Конечно, обо всем этом я не могу рассказать более подробно: время еще не пришло.

Глава 2. Разведчиками не рождаются

Заканчивался 1937 год. Теперь мы вспоминаем его как не доброе время страданий и жестоких испытаний для многих в нашем отечестве. Был он для нас и годом тревожного нарастания угрозы агрессии со стороны гитлеровской Германии…

Но тогда, памятным для меня ранним декабрьским утром, мы — дружная студенческая ватага — бодро шагали на занятия в Сибирский автодорожный институт, коротко: СибАДИ. Оживленно о чем-то болтали, не задумываясь над прошедшим и не слишком беспокоясь о предстоящем.

Подходила к концу наша учеба в институте. Студенты пятого курса автомобильного факультета готовились к дипломному проектированию и уже предвкушали тот недалекий день в грядущем 1938-м, когда каждый из нас с инженерным дипломом направится «ковать свое счастье» на практической работе. Нас не очень волновал вопрос о защите диплома: в истории института еще не было случая, чтобы кто-то, прилежно прозанимавшийся пять долгих лет, остался бы без этой «путевки в жизнь».

Мысли о дипломе меня тревожили лишь потому, что я взял не совсем обычную тему, меня не привлекали стандартные дипломные работы, такие как проект строительства автохозяйства, ремонтного завода или автобазы. Увлекла идея создания нового, оригинального автомобильного двигателя. Мое намерение одобрил и поддержал научный руководитель, в прошлом опытный конструктор. По расчетам, проведенным под его руководством, мой двигатель более экономно расходовал горючее, а главное, создавал меньшие трудности при эксплуатации.

Занятый этими мыслями, я никак не мог предполагать, что предопределенный учебой мой профессиональный путь инженера-автомеханика может резко изменить свое направление. Не успел я войти в институт, как дежурный передал мне приглашение к декану факультета. В этом вызове не было ничего необычного. Я был старостой курса и поэтому спокойно отправился в деканат. Но декан, как-то странно взглянув на меня, передал записку:

— Позвоните по этому телефону. Вашего звонка ждут.

На мой недоуменный вопрос, кому я мог потребоваться, декан только пожал плечами.

Все прояснилось, когда я позвонил и мне ответил некто, на звавшийся Василием Ивановичем. Он сказал, что в управлении НКВД хотят переговорить лично со мной, и попросил прийти

туда, добавив, что пока о приглашении не следует ни кому говорить. Условившись о времени визита, я положил трубку и задумался в полном недоумении.

Никогда ранее я не соприкасался с этим ведомством. Знал лишь из газет о разоблачениях «врагов народа», которые в последнее время стали особенно частыми. Естественно, я даже не подумал, что мог чем-то вызвать интерес НКВД к моей персоне, так как жил обычной жизнью студента, все время которого поглощала учеба. Надо сказать, что, в отличие от других моих товарищей, я был совершенно равнодушен к спиртному, не употреблял даже пива, не интересовался танцами, на которые в соседний медицинский институт мои товарищи частенько хаживали, заведя там подруг. Весь избыток энергии я тратил на спорт, регулярно занимался гимнастикой, бегал на лыжах, а оставшееся время посвящал книгам, которые буквально проглатывал.

Оптимист по натуре, я решил не переживать заранее и не тратить время на догадки. Спокойно дождался визита, который состоялся в канун Нового, 1938 года. Меня встретил сравнительно молодой сотрудник в штатском и проводил, как он выразился, к «руководящему товарищу». Темные, мрачноватые коридоры, по которым мы шли, настраивали на серьезный лад. Наконец отворилась дверь одного из кабинетов, на которой не было таблички, только номер «21» (у меня даже непроизвольно мелькнула мысль о счастливой цифре, сулившей мне «выигрыш), и я увидел за столом офицера в форме НКВД.

Хозяин кабинета предложил сесть и отрекомендовался Василием Ивановичем Петровым. После нескольких дежурных вопросов о том, как у меня идут дела в институте, он задал еще один: готов ли я к работе там, куда меня порекомендует комсомол? Я кивнул головой. Долго не распространяясь, Василий Иванович пояснил, что органы государственной безопасности ведут важную работу и нуждаются в молодом пополнении. От меня требуется твердое согласие служить в них, после чего можно будет говорить о деталях.

Я спросил: могу ли обдумать это предложение? Договорились, что позвоню через несколько дней, но при обязательном условии ни с кем не советоваться.

Покидал я управление НКВД полный противоречивых чувств. Что ожидает меня в этом новом, совершенно незнакомом и непонятном мире? Хватит ли у меня способностей и сил? Справлюсь ли? Успокаивало немного то, что, как сказал Василий Иванович, мне сначала предстоит специальная учеба, а я знал: в учении не подведу, каким бы сложным оно ни оказалось.

В первых числах января 1938 года я снова был в управлении. Поблагодарил за оказанное мне доверие, но для того, что бы с полной ответственностью сказать «да», мне хотелось бы получить ответ на несколько вопросов. Могу ли я их задать?

Петров поощрительно улыбнулся. И я спросил:

— Есть ли у НКВД вообще и у него самого в частности уверенность, что я смогу выполнять то дело, которое мне собираются поручить?

— Будут ли в какой-либо мере полезны на новой работе знания, которые я получил в институте?

— Останется ли у меня возможность, если я по каким-либо обстоятельствам не смогу как следует выполнять новые обязанности, вернуться к своей прежней профессии?

Ответы Петрова меня вполне удовлетворили. И я подтвердил свое согласие. Тогда Василий Иванович предложил мне подписать обязательство не разглашать того, что мне станет известно на новой работе.

Прощаясь, Петров сказал, что пока я могу продолжать занятия в институте так, как будто ничего не изменилось. Примерно через месяц мне дадут знать.

Покидал управление с сознанием, что сделал очень ответственный шаг, можно сказать, самый решающий и важный для моей дальнейшей судьбы. Когда в 1930 году я, пятнадцатилетний, захотел продолжать учение не в средней школе, а в фабрично-заводском училище, это тоже меняло направление всей моей жизни. Но тогда этот шаг диктовался логикой бытия — нужно было облегчить материальное бремя родителей, нужда побуждала скорее получить профессию, чтобы начать зарабатывать на жизнь. Да, собственно, это не было моим единоличным решением. Тогда все обговаривалось на семейном совете, где родительское слово было, как правило, решающим.

Хочу сказать, что сам я в то время хотя и думал о заработке, но не упускал из виду возможность дальнейшего образования. Поэтому, окончив ФЗУ в 1932 году, я сразу же поступил на вечерний рабочий факультет СибАДИ, открывшийся в Барнауле. И хотя работа слесарем на паровозоремонтном заводе и одновременно обучение на рабфаке были делом трудным, я довел его до конца и в 1933 году поехал в Омск поступать в институт.

С тяжелым сердцем оставлял я своих родных в Барнауле. Отец был инвалидом и получал мизерную пенсию. Мать пока не могла работать, на ней лежала забота о моих братьях и сестрах, старшему из которых, Володе, осенью исполнилось 17 лет, но он уже работал сцепщиком вагонов на железной дороге.

С моим отъездом материальное положение семьи еще больше

осложнилось, но мама настояла на том, чтобы я учился: она лучше всех нас понимала важность образования, и надо отдать ей должное: прежде всего именно благодаря маме все мы, пятеро ее детей, окончили высшие учебные заведения.

В середине февраля звонок из УНКВД возвестил конец моей студенческой жизни. Мне было предложено зайти в финансово-плановое отделение, получить все необходимые документы, после чего подать заявление в деканат о том, что я прерываю учебу в связи с откомандированием в распоряжение НКВД СССР.

Расставание с однокурсниками было грустным. Впрочем, веселым оно, наверное, никогда не бывает. Было искренне жаль покидать дружную команду, с которой я делил все трудности и заботы почти пять лет. Товарищам не хотелось верить, что именно меня не будет на защите дипломной работы, которую, как все считали, мне предстояло завершить красной книжицей круглого отличника…

В канун дня Красной Армии, 22 февраля, поезд уносил нас в Москву, четырех омичей, теперь уже бывших студентов (двух из СибАДИ и двух из Сибирской академии сельского хозяйства).

В столице все прибывавшие из провинции собирались в Большом Кисельном переулке, где помещались Центральная школа (ЦШ) НКВД и общежитие слушателей. Поначалу нас тщательно обследовала медицинская комиссия, я никогда не жаловался на здоровье и в детстве не уступал ни в чем своим сверстникам. Правда, иногда врачи находили у меня какой-то врожденный порок сердца. Я и сам отмечал, что не мог долго быстро бежать, хотя никакого дискомфорта при этом не испытывал. И я безмерно благодарен руководителю кафедры физического воспитания нашего института Евгению Николаевичу (фамилию, к сожалению, забыл), который наставил меня на верный путь оздоровления. Он сразу заметил, что мне труднее даются некоторые упражнения, в частности на спортивных снарядах. Как сейчас помню его первые наставления.

— Если хотите быть, — сказал он, — вполне здоровым и всегда в форме, придерживайтесь следующих правил: занимайтесь всеми видами спорта, которыми вам захочется; при любых занятиях руководствуйтесь только своим самочувствием; если вам трудно что-то сразу освоить, делайте передышку: например, подтянитесь на турнике два-три раза, забьется сердце, отойдите от снаряда и, передохнув, начинайте упражнение снова. Ну и, наконец, постоянные занятия спортом для вас должны стать нормой: регулярно тренируйтесь, ни при каких обстоятельствах не прекращайте занятий.

Поверив Евгению Николаевичу и следуя его правилам, я

быстро сравнялся со своими физически хорошо развитыми товарищами, а в дальнейшем и превзошел многих из них. Бегал регулярно на лыжах, входил в сборную лыжную команду института и даже удостоился участвовать в общесоюзных студенческих соревнованиях в Москве в 1936 году. Сдал на «отлично» нормы на вторую ступень значка ГТО (Готов к труду и обороне), хотя норма по бегу на пять тысяч метров далась мне очень нелегко.

Медицинскую комиссию я прошел благополучно. Правда, терапевт, прослушав меня, покачал годовой, — его, видимо, беспокоил «шумок в сердце», но это было первое и последнее за все пятьдесят лет моей службы в разведке «критическое замечание» по поводу здоровья.

После освидетельствования нам выдали обмундирование, пропуска в Центральную школу и в клуб НКВД на Большой Лубянке, зачислили в учебные группы и определили в общежитие. В одной группе со мной оказалось много будущих коллег по разведке, в том числе Павел Михайлович Фитин, ставший позднее начальником внешней разведывательной службы.

В основном «новобранцами были молодые люди моих лет или года на три-четыре старше. Были, однако, и представители более зрелого возраста, тот же Фитин — он родился в 1907 году, был давно членом партии. В отличие от нас, комсомольцев, мобилизованных со студенческой скамьи, пришел в школу с солидной должности заведующего Сельскохозяйственным издательством, где проработал лет шесть.

Все мы были новичками в разведке и пока познавали ее суть только из лекций и бесед на семинарах. Лекторами и преподавателями в основном были практические работники различных подразделений НКВД, в том числе и внешней разведки.

Учебный процесс набирал обороты, мы охотно втягивались в него, но плавный ход учебы стал все чаще прерываться внезапными исчезновениями преподавателей и лекторов. Вчера мы еще с большим интересом слушали лекцию кого-либо из руководящих работников контрразведки или внешней разведки, а сегодня обещанного продолжения не состоялось, так как этот человек оказался «врагом народа», «шпионом» или кем-то вроде этого. Такие случаи, естественно, вызывали у нас недоуменные мысли. Возникал вопрос: как могло быть, что в органы государственной безопасности, которые призваны разоблачать шпионов и диверсантов, проникло так много вражеских агентов? Вразумительного ответа мы не получали.

Среди лекторов были и сотрудники внешней разведки,

которые, как мы впоследствии убедились, не только учили нас «уму-разуму», но и очень внимательно присматривались к каждому слушателю. Особенно дотошным был, я бы сказал, исполнявший обязанности начальника ИНО ГУГБ НКВД СССР Сергей Михайлович Шпигельглас. К сожалению, и он был репрессирован в 1939 году. (Ныне его посмертно реабилитировали.)

После трех месяцев интенсивного обучения в ЦШ примерно полсотни слушателей вызвали к руководству наркомата. Мы впервые оказались в главном здании, где размещался центральный аппарат. Не скрою, мы испытывали внутренний трепет, когда входили в тяжелые двери с большими, надраенными до ослепительного блеска медными ручками, и поднимались по широкой лестнице на четвертый этаж. Что нас ожидает? За чем нас пригласили?

Нас приняли начальник ИНО З.И.Пассов, разделивший вскоре участь других репрессированных руководителей, и еще кто-то, насколько помнится, из отдела кадров ГУГБ НКВД. С каждым из нас поодиночке состоялся краткий разговор о том, что интересы государственной безопасности требуют вести работу за границей в особых условиях. Что это означает — «особые условия», пока нам не разъясняли, но мы уже знали, что предстоит работать в нелегальной разведке, и могли только догадываться, что кроется за этим термином.

Память моя не сохранила четко, как выглядел внешне Пассов. Наверное, сказалось волнение, которое охватило меня во время беседы: ведь речь шла о моей дальнейшей судьбе. И все же могу сказать, что тогдашний шеф разведслужбы был высокого роста, с довольно импозантной наружностью, красивый мужчина лет сорока пяти. Одет он был в штатский костюм хорошего покроя, который складно облегал его спортивную фигуру.

Не представляя еще толком, что такое нелегальная работа, я, впрочем как и остальные приглашенные слушатели, принял предложение Пассова без колебаний. Я был молод, полон энергии, меня привлекало новое дело, хотелось проявить инициативу. Примерно то же самое чувствовали, очевидно, мои товарищи. Они согласились, за исключением одного.

Не помню его фамилии, но когда он вышел после собеседования, то, явно нервничая, сказал: не такой уж он дурак, чтобы стать «смертником», и поэтому отказался от предложения. Естественно, мы его больше не видели — он был сразу же уволен. И такой исход мы посчитали логичным, так как понимали, что органам госбезопасности трусы, сомневающиеся, колеблющиеся не нужны.

Кстати, когда спустя несколько десятков дет я в качестве руководителя нелегальной разведки встречался с молодыми людьми, которым предлагал начать подготовку к нелегальной работе, мне ни разу не довелось слышать от них таких слов. Конечно, отказы были, но не из-за нежелания рисковать жизнью, а по другим, большей частью объективным причинам.

Через несколько дней, в начале июля 1938 года, представитель отдела кадров ГУГБ НКВД предложил нам собраться во дворе общежития с личными вещами. Нас посадили в автобусы и повезли по разным направлениям. Путешествие длилось недолго, и вскоре наша группа — около двадцати слушателей — прибыла в одно из дачных мест, где мы оказались за забором, ворота закрылись, и на крыльце двухэтажного дома появилась высокая фигура нашего начальника с очень грозной фамилией — Мамай. Он предложил нам размещаться в комнатах на втором этаже.

После душного города и надоевших казенных стен Центральной школы мы были рады оказаться среди уютной подмосковной природы. Большой сад благоухал цветами, в окна второго этажа заглядывали ветви деревьев и струился свежий, ароматный воздух. Скоро нас пригласили в конференц-зал на первом этаже, и Мамай ознакомил с распорядком дня в этом, как он сказал, специальном учебном заведении — школе особого назначения. Отныне нам предстоит здесь жить и учиться, а отлучаться можем только с ведома начальника объекта. Необходимо строго соблюдать установленный порядок и правила конспирации. Запрещалось кому-либо сообщать о местонахождении нашего заведения, а тем паче что-либо о занятиях.

Первый обед нас вполне удовлетворил. Еда была простой, но показалась нам домашней, в отличие от той, которой нас потчевали в столовой ЦШ.

Началась напряженная учеба. Ежедневно приезжали лекторы, читавшие курс разведывательного дела, проводились занятия по фотографированию документов, пользованию шифрами. Обучали нас приемам использования других средств оперативной техники. Каждый день мы интенсивно занимались иностранными языками, которыми предстояло овладеть в совершенстве. Это было необычайно трудно, если учесть, что большинство из нас никогда ранее иностранные языки серьезно не изучали.

Самый большой интерес у нас вызывали лекторы по вопросам разведывательной работы. Это были неординарные люди, открывавшие перед нами удивительный мир разведки с нелегальных позиций. Мир, полный глубоких переживаний,

смелых и решительных операций, требовавших от разведчика максимальной отдачи духовных и физических сил. Не только интересный разбор конкретных разведывательных операций, но, главное, живые рассказы о жизни за границей, нравах и обычаях жителей разных стран показывали нам ту неизвестную для нас сторону бытия, в условиях которого вскоре нам предстояло жить и работать. Глубокое впечатление оказывало не только то, что именно говорили нам преподаватели, но и то, как они это делали. Образность изложения, каждая деталь поведения лекторов, внешний вид — все свидетельствовало не только о том, что они долго прожили в иностранной среде, но и как много каждому из них пришлось при этом пережить. Перед глазами стоят такие опытные разведчики, как Сергей Михайлович Шпигельглас, длительное время руководивший нелегальной резидентурой в Париже; Вениамин Семенович Гражуль, только что тогда вернувшийся с нелегальной работы в Голландии, Франции и Германии; Павел Матвеевич Журавлев, успевший уже побывать руководителем четырех (правда, легальных) резидентур НКВД — в Ковно (Каунас), Праге, Стамбуле и Риме; Павел Анатольевич Судоплатов, только что отозванный из нелегальной командировки в Западной Европе.

Но и здесь, в Школе особого назначения, все было не так безоблачно, как казалось нам, молодым. Я уже упоминал, как один за другим исчезали полюбившиеся нам лекторы. Всякий раз нам говорили, что лучше всего забыть о самом их существовании. Когда в конце года мы пришли на работу в центральный аппарат, то увидели, что почти все известные нам опытные разведчики были либо расстреляны, либо брошены в лагеря. Лишь очень немногие отделались «простым увольнением».

Но как можно было забыть о существовании такого, например, талантливого человека, как Моисей Маркович Аксельрод? Как забыть его великолепные лекции? А ему было что рассказать. В 1929 году востоковед высочайшей квалификации, прекрасно владевший арабским языком, оказался на нелегальной работе в Египте. Потом успешно действовал в Стамбуле и Риме, имел на связи ценных агентов, добывавших важные материалы. В конце 1936 года Аксельрода отозвали в Москву, назначили руководителем учебной части разведшколы. Но вскоре арестовали и казнили.

Сколько преданных Родине, способных и опытных разведчиков потеряла служба в те ужасные 30-е годы! Но тогда мы только начали осваивать сложнейшее разведывательное ремесло, многого не знали и искренне верили в правительственные заявления и официальные сообщения о

судебных процессах. Кроме того, сами факты репрессий против работников ИНО от молодых сотрудников старались скрыть. То ли боялись напугать перспективой, которая могла ожидать каждого оказавшегося на неведомых тропинках разведывательной работы, то ли сами не верили в правоту расправы с видными профессионалами.

Вскоре произошло событие, которое теперь, спустя много лет, я не могу оценить иначе, как разгул шпиономании, своеобразный психоз. В канун очередной годовщины Октябрьской революции наш начальник Мамай сообщил, что все мы получили гостевые билеты на Красную площадь. Нужно ли говорить, что для каждого из нас это был двойной праздник? Ведь мы приехали в Москву из разных уголков страны и никогда не присутствовали на военном параде и только в журналах кинохроники видели шествие трудящихся по главной площади столицы.

Спозаранку 7 ноября в отутюженных костюмах и начищенных до блеска ботинках мы с нетерпением ждали Мамая. Но он не появился. Началась трансляция парада, и мы потеряли всякую надежду попасть на Красную площадь. Весь день мы томились в ожидании. Прибыл Мамай лишь 9-го и не один, а с незнакомым нам человеком в форме комиссара государственной безопасности.

В конференц-зале комиссар держал перед нами речь.

— Я, — сказал он, — Деканозов, назначен начальником Главного управления государственной безопасности НКВД. Нарком Берия поручил мне курировать разведку.

Тут Деканозов сделал значительную паузу, чтобы мы, видимо, имели возможность проникнуться важностью его слов, а затем продолжал:

— Вы, как я вижу, вовсю готовитесь к работе в нелегальных условиях. Так вот, никуда вы не поедете, ваши фотографии и установочные данные уже находятся у иностранных разведок, куда их переправили враги нашего народа. Собирайтесь и будете работать в центральном аппарате ИНО.

Мы были потрясены. Особенно ошеломили слова об иностранных разведках. Если они проникли в центральный аппарат госбезопасности, знают все обо всех наших сотрудниках и самых секретных делах, то как же бороться с ними? Кроме того, обидно было бросать так хорошо начавшееся учение — ведь не было пройдено еще и половины подготовки.

Но приказ есть приказ, через несколько дней нас усадили в автобус и привезли в особняк, расположенный в Олсуфьевском переулке, вблизи военной академии имени Фрунзе. Здесь было наше новое общежитие.

В самой большой комнате особняка расставили двенадцать

солдатских коек. Остальных членов нашей «нелегальной команды» поместили в другом месте. Это общежитие стало моим домом на ближайшие годы.

Именно в этом доме у меня сложились глубоко дружественные отношения с моими товарищами, выдержавшие многолетние испытания. Они, эти отношения, составляют важный, если не важнейший, фактор моей жизни и деятельности в разведке. Поэтому да простит меня читатель, если я сделаю отступление от рассказа о служебных делах и посвящу две-три страницы «дому в Олсуфьевском», ибо в человеческом плане эти годы оставили добрый след в моей жизни.

Новая наша обитель представляла собой в прошлом, очевидно, очень уютную усадьбу. К дому примыкал просторный садик, в который выходили открытая веранда и окна гостиной, превращенной нами в спальню. У нас был минимум удобств, но мы были молоды и нас эти неудобства не стесняли. Тем более что руководство заверяло нас во «временном» характере этого по селения, хотя я, например, прожил в нем до середины 1942 года.

Вместе со мной в Олсуфьевском поселились Василий Михайлович Иванов из Винницы, ленинградец Алексей Михайлович Панькин, ростовчанин Борис Васильевич Кошелев. Остальные обитатели общежития тоже были близкими товарищами по работе, но с этими тремя у меня сложились самые тесные отношения. В дальнейшем жизнь бросала нас в разных направлениях, по-разному складывалась и наша карьера, но наша дружба оставалась прочной.

К великой нашей печали, рано ушел из жизни глубокоуважаемый Василий Михайлович. Очевидно, на его здоровье сказалось то огромное нервное напряжение, которое он пережил во время Великой Отечественной войны, когда под видом церковного служителя забрасывался в тыл немцев. Прежде времени ушли в отставку Алексей Михайлович и Борис Васильевич. И хотя им не удалось достичь высоких постов в разведке, оба они были отправлены на пенсию с почетом и заслуженными благодарностями за долголетнюю и добросовестную службу.

Василий Михайлович был интересным эрудированным собеседником. Русский по национальности, он родился на Украине и в совершенстве владел обоими языками, прекрасно знал и русскую, и украинскую литературу. Обладая большим чувством юмора, использовал это ценное для разведчика качество всегда только доброжелательно. От него никто никогда не слышал ни одного обидного слова. За неспособность, когда это необходимо, кого-то одернуть, ему подчас доставалось от нас, но

в ответ он только улыбался.

Галантный и вежливый, Василий Михайлович пользовался большим успехом у представительниц слабого пола, но, хотя он был старшим из нас, решить свои сердечные дела он сумел последним, причем не без нашей помощи. Судьба даровала ему в подруги исключительного человека — Александру Степановну, также высокообразованную и симпатичную сотрудницу внешней разведки, где она долгие годы проработала переводчицей французского языка.

Алексей Михайлович, ленинградец «до мозга костей», провел всю войну на фронте, борясь в рядах контрразведки «Смерш» с вражескими шпионами. Сразу после войны он поспешил в Ленинград, где его ожидала пережившая все беды блокады верная подруга Галина Дмитриевна, одаренная пианистка.

С этой семьей мы были связаны наиболее тесно, проводили вместе много времени.

Моя незабвенная подруга Клавдия Ивановна находила постоянный взаимный интерес с Шурой Ивановой и Галей Панькиной. Они не пропускали ни одной выставки изобразительного искусства, театральной премьеры или интересного концерта. А затем делились впечатлениями с нами, своими мужьями, которым служба не оставляла времени на такие развлечения.

Ростовчанин Борис Васильевич когда-то готовился стать орнитологом. Был предан природе и всякой живности, забавлял нас часто подражанием птичьим голосам. Заядлый рыболов, он на воздухе готовил вкуснейший кулеш и вообще отличался умением приспособиться к любым условиям. Борис раньше всех нас женился и вместе со свой Елизаветой Ивановной перебрался в отдельную квартиру.

Жизнь наша в «Олсуфьевском доме», несмотря на отдельные случайности, не доставляла серьезных неудобств, так как мы большую часть суток проводили на работе. Так случилось, что я раньше всех уходил из дома и, как правило, позднее всех возвращался. Уже в этот период я самым активным образом изучал английский язык. Кроме того, много времени уделял спорту, занимаясь гимнастикой, легкой атлетикой, плаванием и лыжами. Ко всему этому почти сразу по приходу в иностранный отдел меня назначили заместителем начальника американского отделения, что было связано с повышенной загрузкой по сравнению с товарищами, пока еще работавшими рядовыми оперативными уполномоченными.

В результате я частенько мешал своим отдыхавшим друзьям, когда часов в шесть утра отправлялся на стадион, что бы сыграть

там в волейбол или размяться на гимнастических снарядах. Мешал я им и когда, вернувшись с работы после полуночи, садился готовить домашние задания по английскому языку.

Некоторые критиковали мое увлечение спортом и особенно изучение английского во «внеурочное время». «Зачем ты учишься? — говорили они. — Ведь все равно все знать не будешь!». И напевали откопанную где-то английскую студенческую песенку:

Чем больше учишься, тем больше знаешь.
Чем. больше знаешь, тем больше забываешь.
А чем больше забываешь, тем меньше знаешь.
А чем меньше знаешь, тем меньше забываешь.
Но чем меньше забываешь, тем больше знаешь.
Так для чего же учиться?

Я замечал, что в их иронических замечаниях звучали нотки зависти. И все же мне удалось привлечь их к спорту, даже организовать олсуфьевскую волейбольную команду. Волейбол тог да был самой массовой спортивной игрой. Им занимались, можно сказать, все и повсюду.

Сложнее дело обстояло с иностранным языком. В тот ранний период жизни нашей внешней разведки большинство новичков (а их было больше, чем ветеранов) не владели им. А главное, молодые сотрудники еще не почувствовали на собственной шкуре, что значит — не знать чужого языка.

Если не считать отдельных редких эпизодов, мы жили в олсуфьевском доме дружной семьей. И все сохранили добрую память о тех далеких временах. Никогда за долгие пятьдесят лет службы я не жалел о своих ночных и утренних бдениях в Олсуфьевском, так как благодаря им я приучился работать интенсивно, отдыхать активно, всегда быть заряженным оптимизмом и бодростью, столь необходимыми разведчику.

Пусть читатель не подумает, что в Олсуфьевском царили монастырские нравы. Тах случилось, что мы, четверо друзей, пока еще холостяков, познакомились и близко подружились с четырьмя подругами-сотрудницами — Зиной Мустафиной, Аней Комаевой, Верой Новиковой и Клавой Тупициной.

Дружба наша с этими девушками основывалась на общности интересов, увлечении спортом. Мы часто совершали совместные походы на стадионы и водную станцию, зимой участвовали в соревнованиях, посещали многие московские катки. Когда кому-либо из нас удавалось достать билеты в театры и на концерты, на танцы в клуб, то брали их на всю компанию. Вместе бывали на

торжественных собраниях и вечерах, посвященных юбилейным датам и государственным праздникам. Часто девушки устраивали у себя чаепития, которые мы охотно посещали, непременно вместе отмечали дни рождения.

Заводилой среди подруг, бесспорно, была Зина. Впоследствии моя жена, Клавдия Ивановна, вспоминая об этом чудесном времени писала Зинаиде Алексеевне в день ее семидесятилетия: «О каждом человеке, прожившем несколько десятков лет, можно написать небольшую повесть. О тебе же (а можно сказать, о нас, поскольку вся твоя жизнь — это наша жизнь рядом с тобой, жизнь нашей страны) можно и нужно написать целый роман, взяв за основу жизнь нашей „великолепной четверки“, героиней которой была ты».

И далее: «Нам не в чем себя упрекнуть — мы честно трудились на своих небольших постах, участвовали в 30-х годах вместе со всеми в восстановлении и строительстве хозяйства страны (субботники, строительство метро, спорт, военная подготовка, учеба и так далее). Словом, это была кипучая комсомольская жизнь, полная молодой радости, любви, страданий, веселых песен, культпоходов, тяжкой работы и переживаний во время войны, а затем опять уже послевоенный труд, труд и труд, не считаясь со временем и здоровьем…»

Я привел большую выдержку из юбилейного адреса к одной из подруг потому, что эти слова могут быть обращены к каждой из них, сумевших прожить такую же славную жизнь и со хранить сердечную дружбу.

Сейчас, видимо, настало время сказать и о самой Клавдии Ивановне, одной из этой великолепной четверки. Приступив к работе в аппарате ИНО, я сразу соприкоснулся с жизнью тамошней комсомольской организации. Среди ее актива было несколько девушек, я почему-то выделил одну из них, голубоглазую блондинку, постоянно отбрасывавшую рукой непослушную прядь волос со лба. Приветливое выражение лица, доброта, струившаяся из блестевших задором глаз, стройная фигура привлекли мое внимание, взволновали меня. Позже я понял, что это был первый сигнал — я нашел свою судьбу.

Дружа со всей четверкой, я начал замечать, что на лыжных прогулках, на водной станции, в концертном зале мы непроизвольно, но неизменно оказывались с Клавой рядом, вели много разговоров о событиях повседневной жизни, о новостях кино, театра и литературы. Клава становилась для меня все более близким и дорогим человеком.

Уезжая в свою первую, краткосрочную командировку в США в апреле 1941 года, я вез в сердце ее образ, а думы о ней помогали

коротать долгие ночи дежурства около дипломатической почты. Возвратился с твердым намерением предложить ей руку и сердце, но начавшаяся война чуть не смешала карты.

Когда мы наконец встретились в августе, она была занята заботами по доставке в Москву детей сотрудников, захваченных войной в пионерских лагерях на юге страны. Затем началась эвакуация, и Клава оказалась в Чкалове (сейчас Оренбург), а я в Куйбышеве (ныне Самара). Только в конце февраля следующего года удалось встретиться в Москве. 28 мая состоялась наша свадьба в кругу самых близких друзей. Она проходила под канонаду зенитных орудий, отражавших налет немецких бомбардировщиков.

С тех пор наша совместная жизнь целых 48 лет продолжалась в гармоничном согласии и полном взаимопонимании. Поэтому я мог бы сказать своей незабвенной Клаве словами нашего замечательного лирического поэта Степана Щипачева:

Какие бы ни миновали сроки
И сколько б я не исходил земли
Мне вновь и вновь благословлять дороги,
Что нас с тобою к встрече привели.

В феврале 1942 года главк госбезопасности НКВД преобразовали в наркомат государственной безопасности. Вместо 5-го (разведывательного) отдела создали Первое управление (внешняя разведка). В управлении возникли отделы. Штаты новой разведывательной структуры были значительно увеличены. Это отвечало сложившейся международной обстановке: дело явно шло к новому мировому международному конфликту, и руководство партии и страны стремилось укрепить разведслужбу перед надвигающейся военной опасностью.

Вместо американского отделения появилось новое подразделение — отдел, занимавшийся организацией разведки на американском континенте. Он, этот отдел, получил название «первый». Его возглавил бывший резидент в Нью-Йорке Гайк Бадалович Овакимян, доктор химических наук.

К сожалению, новый шеф оставил у меня немало неприятных воспоминаний. Мне он представлялся каким-то «злым гением». В 1939 году Овакимян провалился, был арестован властями США и выслан в СССР. И почему-то вообразил, что я, курировавший в Центре эту линию разведки, был повинен в том, что деятельность руководимой им резидентуры не всегда оценивалась положительно. Оказавшись начальником, он, видимо, решил отыграться на мне за все свои прошлые неудачи. Был он вообще

большим барином, перекладывал свою работу на других, вел себя с подчиненными высокомерно, при этом лицемерил, сталкивал людей друг с другом.

К моему счастью, заместителем у Овакимяна оказался Евгений Петрович Мицкевич — ветеран, прослуживший пятнадцать лет в разведке и побывавший как по легальной, так и не легальной линиям в Германии, Италии, Китае и США. Это был добрый, мягкий человек, охотно передававший молодым свой богатый опыт.

Когда в 1942 году я уезжал в Канаду, в напутственной беседе Евгений Петрович доверительно предупредил, что Овакимян отправляет меня с намерением скомпрометировать. Правда, я, быть может, несколько легкомысленно среагировал на это дружеское предупреждение, сказав, что еду, мол, работать не на Овакимяна, а на Родину, и если буду делать дело хорошо, никто не посмеет мне навредить. Конечно, я глубоко заблуждался и, работая в Канаде, довольно часто чувствовал недоброжелательное отношение к себе в центральном аппарате. И после возвращения из Канады мне довелось испытать на себе недоброжелательность Овакимяна, который стал заместителем начальника разведки, пока его не уволили в 1947 году.

Но все это было позже. А пока я чувствовал себя в коллективе 5-го отдела как рыба в воде. Из старых кадров к 1939 году в разведке оставалось всего процентов десять сотрудников, а девяносто составляли пришедшие одновременно со мною.

Много позднее, уже после смерти Сталина и разоблачения Берии, мне встретился в архивных делах отчет о работе Первого управления НКГБ СССР за период с 1939-го по апрель 1941 года. В нем я прочитал следующее: «…к началу 1939 года в результате разоблачения вражеского руководства в то время иностранного отдела почти все резиденты за кордоном были отозваны и отстранены от работы. Большинство из них затем было арестовано, а остальная часть подлежала проверке».

Весной 1939 года Берия собрал всех отозванных из-за кордона и уцелевших от репрессий сотрудников ИНО вместе с теми из молодых, кто еще не имел должностей. Мне не довелось присутствовать на этом собрании, так как я уже получил должность заместителя начальника отделения. Был там один из моих друзей, Глеб Иванович Рогатнев. Вот что он рассказал. Берия вызывал по списку и без каких-либо предварительных обсуждений с кандидатами определял место их будущей работы. Первым шел наш сокурсник по ЦШ НКВД П.М.Фитин. Ему повезло: Берия назначил его начальником ИНО вместо арестованного Пассова. Тут же Фитину были подобраны из

слушателей школы возрастом постарше два заместителя — Дубовик и Лягин. Затем началось самое унизительное: опытных сотрудников, возглавлявших до недавнего времени резидентуры, распределяли в качестве стажеров или назначали на низшие оперативные должности под начало зеленой молодежи, получившей начальственные посты. Как мне рассказывал Глеб, больно было смотреть на то, как тронутых сединой заслуженных разведчиков Берия нарочито небрежно «распихивал» по разным подразделениям.

К началу 1941 года внешняя разведка сумела в значительной мере оправиться от страшных ударов, нанесенных ей ежовско-бериевской чисткой. Я уже рассказывал, как удалось реанимировать наши легальную и нелегальную резидентуры в США. Но этим дело не ограничилось. Наша активность постепенно распространилась и на страны Латинской Америки, что было очень важно, так как нацистская Германия широко использовала этот регион не только в качестве своего военно-технического плацдарма, но и как базу для шпионско-подрывной деятельности против США, Англии и, конечно же, Советского Союза.

Мы знали, что война будет, ждали ее, готовились к ней. И все же военный гром разразился для нас неожиданно. Но, самое главное, мы никогда не думали, что все начнется с жестокого поражения. Немцы стремительно продвигались вглубь нашей территории, безнаказанно бомбили города, захватывали все новые и новые населенные пункты на Украине, в Молдавии, Белоруссии…

Начало войны застало меня в Японии. Я с напарником возвращался из своей первой поездки в Соединенные Штаты. Мы прикрывали свою разведывательную деятельность выполнением обязанностей дипломатических курьеров.

За короткое время пребывания в США мы подробно ознакомились на месте с деятельностью наших резидентур, побеседовали не только с их руководителями, но и со многими оперативными работниками, изучили оперативную обстановку в тех пунктах, где побывали, подобрали места для тайников…

Сдав привезенную диппочту, мы до отказа набили свои вализы посольскими бумагами и материалами резидентуры и отправились в обратный путь через Тихий океан.

Плыли мы на большом японском пассажирском судне. По пути сделали остановку на Гавайских островах. Пароход пришвартовался в Бриллиантовой гавани близ американской военно-морской базы Пёрл-Харбор.

Я воспользовался случаем, чтобы познакомиться с этим

красивейшим уголком земли. Богатая растительность, красивые люди, особенно женская половина населения, красочные национальные костюмы, спокойствие, царившее кругом, — все это заставляло забыть о бушевавшей в Европе войне. Когда через пять месяцев в Москву пришло известие о том, что японцы коварно напали на Пёрл-Харбор и что при этом погибло много тысяч американских военнослужащих и мирных граждан, я живо представил себе этот недавно еще мирный уголок земли, искалеченный взрывами авиационных бомб и пожарами. Было жаль наших союзников — американцев, так нелепо погибших еще до того, как их страна вступила в войну с милитаристской Японией.

Теперь мы знаем, что этого ужаса могло бы не быть. Дело в том, что до начала войны с Японией специальные службы США раскрыли японские шифры и читали всю секретную переписку Токио со своими заграничными учреждениями. Был заблаговременно прочитан документ о готовящемся нападении. Но бюрократический порядок доклада по инстанциям секретной информации привел к тому, что командование базы Пёрл-Харбор получило предупреждение слишком поздно, тогда, когда на Гавайи, неся смерть и разрушения, посыпались японские авиабомбы…

В Японии мы оказались в канун нападения гитлеровцев на нашу Родину. Здесь нам пришлось задержаться, пока не прояснилась обстановка. Опасались, что Токио последует примеру Берлина и объявит Советскому Союзу войну. Но этого, к счастью, не произошло: в японском правительстве самурайские горячие головы не сумели взять верх. Поэтому в начале июля мы погрузились на небольшое судно, направлявшееся во Владивосток. Здесь нас немедленно посадили на пассажирский поезд, следовавший в Москву.

Война резко изменила облик нашей страны. На всем протяжении многотысячекилометрового транссибирского пути отмечалось большое движение воинских эшелонов. На железнодорожных станциях было полно людей, одетых в военную форму, и повсюду разговоры о положении на фронтах. А оно никого не могло радовать.

Поезд шел медленнее, чем в мирное время, часто останавливался, чтобы уступить путь воинским маршрутам. На Запад перебрасывалось пополнение из Сибири. У красноармейцев я не заметил признаков уныния или растерянности. Они, впрочем, как и все мы, считали неудачи первых дней войны временным явлением и были готовы дать решительный отпор врагу.

21 июля мы наконец приехали в Москву. Я быстро сдал диппочту и после недолгих формальностей доложил начальнику Первого управления П.М.Фитину о прибытии и о выполнении данных мне поручений. И сразу же оказался в эпицентре событий, так как в секретариате меня назначили оперативным дежурным по управлению.

Ночью немцы произвели первый воздушный налет на Москву. Нескольким вражеским самолетам удалось прорваться и сбросить зажигательные и фугасные бомбы в некоторых районах столицы. К утру еще горели пожары в Замоскворечье.

Начальник управления приказал мне, как дежурному, объехать часть московских улиц и посмотреть, какой вред причинил налет. Разрушений было немного, сгорело несколько деревянных построек. Гораздо большим был моральный урон: немцы продемонстрировали, что наша столица уже оказалась в зоне досягаемости германской авиации.

Конец 1941 года проходил во внешней разведке, как и во всей стране, в напряженном ожидании дальнейшего угрожающего развития событий на фронтах, где шли ожесточенные бои на главном направлении — на подступах к столице. К середине октября положение стало настолько серьезным, что встал вопрос об эвакуации государственных учреждений, в том числе и нашего управления, из Москвы. Местом временного пребывания штаба внешней разведки был определен город Куйбышев.

Мне довелось участвовать в вывозе оперативных дел и аппаратуры, в эвакуации сотрудников и их семей, наблюдать перемещение в тыл других государственных учреждений, важных предприятий и гражданского населения, могу твердо сказать, что описания всеобщей паники, будто бы охватившей столицу, грабежей и беззакония, о чем кричали в то время наши недоброжелатели, а сейчас можно прочитать в исследованиях некоторых современных «историков», были очень далеки от действительности.

Происходили, без сомнения, отдельные эксцессы, попытки разграбления магазинов и другие преступные акции уголовных элементов, стремившихся нагреть руки в пору народных бед, но они жестоко пресекались по законам военного времени.

План эвакуации выполнялся, и вскоре учреждения начинали действовать в новых местах, а предприятия развертывали производство всего необходимого для фронта.

В Куйбышеве мы без промедления продолжили работу по руководству закордонными точками. Новый, 1942 год встречали еще в этом городе, но после сокрушительного разгрома немцев под Москвой (декабрь 1941-го — январь 1942 года) уже в феврале

вернулись в свою столичную штаб-квартиру.

Первая крупная победа в войне явилась переломным пунктом во многих отношениях. Немецкие войска потеряли более полумиллиона солдат, 1300 танков, 2500 орудий, более 15000 автомашин и много другой техники. Разгром отборных фашистских армий потряс всю Германию, отрезвляюще подействовал на агрессивные круги Японии и Турции.

А наши западные союзники? Что мы знали об их истинных намерениях? Ведь победа под Москвой была добыта нами в отсутствие второго фронта. Встала задача выяснить, каковы дальнейшие планы союзников. Надо сказать, не радовали первые важные материалы, полученные из резидентуры Рида, многочисленные сторонники Германии, сохранявшие свое влияние в США вплоть до нападения Японии на Пёрл-Харбор (это случилось 7 декабря), прочили фашистам легкую победу. Они утверждали, что гитлеровские армии войдут в СССР «как нож в масло», такие «экспертные оценки» не могли вдохновлять американские правительственные круги на оказание нам действенной помощи. Но уже в январе появились первые признаки перелома в общественном мнении США. Пошел поток ценных материалов от Рида и из легальной резидентуры. И все же успокаиваться было еще рано, реакционные круги не собирались без боя сдавать свои позиции, всячески тормозили наращивание так необходимых нам военных поставок.

Исчерпывающую информацию имела наша разведка и о размахе германского шпионажа в США, о попытках пронацистских кругов возродить изоляционистские тенденции. Нельзя было сбрасывать со счетов и сильное влияние в Америке антисоветских сил.

Во главу угла встала задача создания новых разведывательных возможностей на Американском континенте. Вдохновлял первый успех — вступление в строй нелегальной резидентуры Рида. Возник план открытия легальной резидентуры в Канаде, с которой к тому времени завершались переговоры об установлении дипломатических отношений. На роль резидента была названа моя кандидатура. Началась активная подготовка к тому, чтобы, как было приказано, я к середине года был в Оттаве в первой же группе советских дипломатов.

Глава 3. Отправляюсь в Канаду

К началу июля 1942 года, когда на подступах к Сталинграду шли ожесточенные бои, все формальности для нашей команды молодых дипломатов были завершены. Первая в истории дипломатическая миссия СССР отправилась в Страну кленового листа.

Наш путь лежал через Дальний Восток и Тихий океан на западное побережье Соединенных Штатов, оттуда через всю территорию США до Нью-Йорка и затем в канадскую столицу Оттаву. Отплытие было намечено из Владивостока в начале августа, все сотрудники миссии должны были собраться там.

Поскольку маршрут пролегал через Сибирь, а мою жену еще не видели родители, мы решили заехать в мой родной Барнаул. До Новосибирска, по меркам военного времени, мы доехали довольно быстро — на четвертые сутки. В Барнаул прибыли в разгар сибирского лета.

Родители были рады нашему приезду и встретили молодую жену со всем сибирским радушием, хотя жили очень трудно материально. Отец, которому исполнилось шестьдесят лет, был пенсионером, оставив свою работу из-за большой потери зрения. Он обучил маму бухгалтерскому делу, и она, до замужества сельская учительница, теперь стала счетоводом.

Мы провели в Барнауле три дня. Я успел показать жене дом, где провел детство. До начала войны он принадлежал родителям, но они вынуждены были его продать и перебрались в небольшую избушку на улице, которая именовалась довольно странно — улица Финударника. Вспоминаю об этом, так как с этим названием связан анекдотический случай: жена, отправляя мое письмо в Сибирь, указала адрес «улица Сына Ударника». Так ей послышалось. Но как ни странно, письмо до адресата дошло.

Я сводил жену и на нашу городскую гору — довольно высокий холм на левом берегу Оби. С высоты мы любовались Барнаулом, широкими просторами реки, по которой проплывали белоснежные пароходы, шли длинные плоты.

В 1942 году город еще не имел трамвая, улицы были без твердого покрытия и без тротуаров. Когда начинал дуть не редкий здесь ветер, тучи пыли и песка поднимались в воздух. Так что особого восхищения Барнаул не мог вызвать. Но это был мой родной город.

Уезжая, мы обещали регулярно писать родителям «из-за моря-океана» и просили их держаться и обязательно дождаться нашего возвращения, но, глядя на отца, у меня щемило сердце:

так он состарился и почти уже ничего не видел. Я не думал, что это была моя последняя встреча с ним. В моей памяти со хранился его образ. Уже полуслепой и поседевший, он по-прежнему оставался беспокойным, деятельным и активно мыслящим человеком.

Мы уезжали в тревожную пору, и отец хотел передать нам свою глубокую веру в победу.

— Лишь бы у вас было все в порядке, — повторял он, — а мы справимся!

От Барнаула до Владивостока наш поезд тащился долго, то и дело уступая дорогу идущим в сторону фронта воинским эшелонам и товарным поездам со снаряжением для армии.

В последние дни июля мы были во Владивостоке. Погода стояла замечательная, ясное небо соревновалось голубизной с морем. Бродя среди гористых улочек, мы как-то оказались около здания с вывеской «ЗАГС». Вспомнив, что за делами так и не успели оформить свой брак, мы решили сделать это здесь, закрепив тем самым память о нашем пребывании на далекой российской окраине.

2 августа 1942 года, как было условлено, дипломатическая миссия СССР в Канаде отплыла из Владивостока на грузовом пароходе, полном пушнины и другими товарами для американцев. Но на всех грузах были советские адреса. Как нам пояснили, так сделали на случай, если бы японские сторожевики остановили судно в море. Любой груз, предназначавшийся американцам, был бы конфискован: ведь Япония находилась в состоянии войны с США. Не исключалось, что и все мы в такой ситуации могли быть интернированы или возвращены на Родину. После того как мы миновали опасную зону и вероятность встречи с японскими кораблями исчезла, судовая команда занялась переадресовкой грузов. Мы все ей помогали.

Пароход шел медленно: океан был затянут сильным туманом. Через каждые десять-пятнадцать минут раздавался звук корабельного колокола, чтобы предупредить от столкновения встречные суда. Колокол в то время заменял радар.

В Сиэтле, куда мы прибыли, нам быстро оформили въезд в США. Без задержки мы отправились по железной дороге в Нью-Йорк. Для большинства сотрудников миссии, впервые оказавшихся за границей, все было необычным. Я же, уже по бывавший в Соединенных Штатах, командовал, как говорится, парадом.

Из Нью-Йорка весь состав миссии на другой день отбыл в Оттаву, а я остался, чтобы посетить Вашингтон, встретиться с резидентом, узнать, не было ли для меня указаний из Центра. В

Вашингтоне, едва мы с женой вышли из вагона, нас охватил жаркий и влажный воздух. Мы почувствовали себя как в бане. Клавдия Ивановна сразу же объявила, что не может оставаться в «душной яме» целый день, пока я буду занят, и готова сразу же вернуться в Нью-Йорк.

Действительно, климат Вашингтона, расположенного в котловине, в летние месяцы трудно выносить без привычки. Посадив жену на обратный поезд, я проверил, помнит ли она дорогу в гостиницу. Она отвечала довольно уверенно, но, как оказалось, не все было так просто. Если бы в поезде ей не повезло и она не познакомилась бы с выходцем из России, ей пришлось бы туго. Но земляк помог ей преодолеть возникшие трудности.

В конце августа 1942 года мы добрались до канадской столицы. Начали с поисков квартиры, а мне, как консулу, пришлось заниматься подбором служебного помещения миссии, которая на первых порах разместилась в отеле «Шато Лурье».

Вскоре дипломаты и вспомогательный аппарат приступили к нормальной деятельности — шло установление официальных контактов и освоение страны пребывания. Что касается меня, то положение заведующего консульским отделом создавало благоприятные возможности для развертывания работы резидентуры. Обеспечение безопасности миссии и ее сотрудников оказалось довольно хлопотным делом и отнимало много времени, хотя это было значительно проще, чем организация сбора разведывательной информации. Ряд лиц, представлявшихся мне наиболее обещающими источниками информации, был уже «перехвачен моими военными „соседями“ — работника ми резидентуры ГРУ, получившими конкретную помощь от своих товарищей в США и из Центра. Мне же наша нью-йоркская резидентура не смогла дать ни одной наводки, из Центра я тоже ничего не получил. Пришлось строить агентурный аппарат, что называется, с нуля. К тому же приобретать необходимые связи практически мог только я. Вот и пришлось мне, начинающему разведчику, доказывать себе, а главное, Центру, что „и один в поле воин“.

Учитывая, что это была моя первая самостоятельная работа и в силу сложившихся обстоятельств, о которых читатель узнает из последующего рассказа, она не могла быть успешно завершена, не буду рассматривать ее в деталях. Тем более что она мало что дала мне для будущей карьеры, за исключением, пожалуй, некоторого опыта действий в экстремальной ситуации, возникшей к концу командировки. К тому же последующие дела, богатые интересными событиями, сгладили в моей памяти многое из канадского периода.

Несмотря на объективные трудности, я не стал долго собираться с силами. Вскоре после прибытия в Центр ушла шифровка: резидентура готова вступить в строй. В ответ я получил первое оперативное задание: надо было выехать на запад страны, в Ванкувер, — это более четырех с половиной тысяч километров от столицы. Там надлежало установить связь с агентом, привлеченным из числа лиц, бежавших из Польши после оккупации ее немцами. Никаких других сведений, кроме места обусловленной встречи и пароля для связи, я не получил: ни описания внешности, ни условий опознания.

Местом встречи оказался довольно многолюдный в обычное время перекресток. К сожалению, время было назначено неудачно — в час «пик» после окончания работы, когда на улицах появляется много людей.

Так я получил первый психологический опыт. Предстояло решить задачу, как опознать нужного мне человека, как выделить именно его из многих прохожих. Подобрав удобное для наблюдения место, я решил остановить свой выбор на том, кто будет находиться здесь более длительное время. И вдруг обнаружил еще одно осложнение — встреча была назначена у рекламного щита, где всегда находилось несколько любопытных.

Но неожиданно помогла «психология». Окинув взглядом находившихся поблизости людей, я интуитивно как-то сразу выделил из толпы человека средних лет, поведение которого подсказывало, что он пребывает в напряженном ожидании. Внимательно осмотревшись вокруг и не обнаружив никого другого, кто походил бы на ожидающего встречу, я решил пустить в ход пароль, тем более что его содержание позволяло без труда ретироваться в случае ошибки. Условная фраза начиналась с вопроса:

— Скажите, где здесь галерея Коперника?

Ответ должен был быть необычным для жителя Ванкувера:

— Я знаю только музей Коперника, но он находится в Кракове.

На вопрос к незнакомцу я получил нужный ответ. Мы оба облегченно вздохнули и, обменявшись рукопожатием, направились в заранее подобранное мною кафе.

Хотя это был мой первый самостоятельный выход на незнакомого до этого агента, привожу его только из-за отмеченного «психологического» момента. В последующем, в процессе многих первых оперативных встреч с неизвестными до того лицами, я неоднократно отмечал, что важными признаками ожидающего человека является его поза, выражение лица, жесты. И внимательное предварительное наблюдение за поведением

объекта, чтобы твердо удостовериться в его личности, всегда полезно.

Но в этом явлении «внешнего выражения внутренних чувств» кроется и большая опасность для разведчика. Ведь и он, если не принимать нужных мер маскировки, может быть выявлен наблюдателем противника. Поэтому, идя на встречу, я научился подавлять в себе это чувство «ожидания», настраиваясь на другие мысли, не связанные с ней.

К сожалению, далеко не все разведчики, и особенно наши агенты, учитывают такую опасность. В западных публикациях можно прочитать, что нередко провалы или захваты наших разведчиков происходили после того, как наружное наблюдение противника, не имея заранее данных о внешних признаках или опознавательных знаках, выделяло их как лиц, пришедших на встречу.

После обстоятельной беседы в кафе я убедился, что получил в свое распоряжение надежного агента, который мог стать хорошей опорой для нашего «освоения» канадского запада. Первый визит в Ванкувер оказался успешным, впоследствии довелось еще не раз бывать в этом красивом канадском порту как по консульским делам, так и в связи с решением разведывательных задач.

Выполняя консульские функции, я много разъезжал по Канаде. Наиболее частыми были поездки в крупнейшие города страны Монреаль и Торонто, где были значительные колонии выходцев из России, с которыми шла оживленная переписка по консульским делам. Иногда эти дела требовали личных встреч, и для удобства клиентов я назначал им определенные дни, когда намеревался быть в этих городах, и место, где мог их принять.

Пожалуй, больше всего я бывал в Монреале. Это город с франкоговорящим населением, промышленный центр провинции Квебек. Там у меня появилось много друзей и интересные оперативные связи, развитие которых требовало частых личных встреч. В нем проживало в то время почти 10 процентов населения страны (900 тысяч человек из 11 миллионов 500 тысяч жителей всей Канады). Расстояние до Монреаля от столицы небольшое — около 200 километров. При необходимости съездить туда можно было после окончания рабочего дня и даже успеть вернуться домой до полуночи. Но, обычно выезжая вечером, я не спеша проводил свои оперативные дела там, ночевал в каком-нибудь небольшом отеле или на частной квартире, а рано утром, выехав часов в 6 утра, к началу работы уже был в консульском отделе. В Монреале, где множество небольших ресторанчиков и кафе, я подбирал для оперативных

встреч каждый раз новое место, удобное для разговоров и безопасное с точки зрения возможного наблюдения. Для решения вопросов по консульскому прикрытию, как правило, посещал одни и те же понравившиеся мне кафе.

И вот такой поучительный эпизод. Однажды, имея срочную встречу в Монреале, я в тот же вечер должен был вернуться в Оттаву. После работы, заскочив домой, сменил костюм и отправился в дорогу. В Монреале, поскольку время встречи позволяло хорошо предварительно осмотреться, заглянул перекусить в один из ресторанчиков, где бывал раньше лишь однажды.

Получив заказанное, собирался сразу же расплатиться, но обнаружил, что в спешке забыл переложить в новый костюм бумажник. Официант, заметив мою невольную растерянность, тут же сказал:

— Если, сэр, вы забыли захватить деньги, то можете расплатиться со мной в следующий раз. Я вас знаю, вы уже посещали наше заведение.

Я, естественно, поблагодарил официанта, но про себя подумал: какова же его профессиональная память и как надо остерегаться нам, разведчикам. Припомнил, что когда был в этом ресторанчике пару недель назад, то дал чаевых немного больше обычного. Наверное, это тоже сыграло свою роль. Словом, случившееся было уроком — никогда ничего не делать в спешке.

Побывал я несколько раз и в столице провинции Квебек, которую называют колыбелью Канады. Именно здесь в 1534 году Жак Картье отправился в свое путешествие, в результате которого появились первые французские поселения вдоль реки Святого Лаврентия. В Квебеке, городе и провинции, очень заметно влияние французской культуры, правда, двухсотлетней давности, еще периода до Великой французской революции.

Реже, чем в Монреале, но тоже довольно часто, примерно раз в месяц, приходилось бывать в Торонто. Там были очень близкие связи по консульской линии с Федерацией русских канадцев, редакцией газеты «Русский гудок». Их руководители — мои друзья Окулевич и Ясный, белорусы, но, как и все выходцы из Белоруссии, они считали себя в то время русскими.

В офисе федерации я с разрешения ее председателя Окулевича проводил прием посетителей по консульским делам, а газете передавал материалы консульского отдела посольства о жизни в нашей стране. Иногда друзья организовывали по юбилейным датам встречи с выходцами из Советского Союза, которые всегда проходили очень оживленно и, я бы сказал, не без пользы и для моих разведывательных интересов.

Работая в Канаде практически в одиночку, я испытывал потребность хотя бы изредка перемолвиться словом с более опытным разведчиком. Самым близким на американском континенте был В.М.Зарубин, ставший к концу 1941 года руководителем нью-йоркской резидентуры. Мое давнее знакомство с ним позволяло надеяться на любую консультацию и возможную практическую помощь нашей молодой разведывательной точке. К сожалению, кроме небольших консультаций, эта резидентура не смогла чем-либо существенным помочь, ее сведения о Канаде были очень скудными. Тем не менее, имея разрешение Центра, я пару раз выезжал в Нью-Йорк, где помимо Василия Михайловича и его жены Елизаветы Юльевны встречался со многими ранее известными мне сотрудниками ИНО. Были среди них А.С.Феклисов и А.А.Яцков, работавшие по линии научно-технической разведки, и их начальник А.И.Раина, к моменту моего возвращения в Москву ставший заместителем начальника внешней разведки. Был там и А.Н.Прудников, в дальнейшем работник управления нелегальной разведки, где мы с ним подружились. В меру своих сил они оказывали мне содействие, но в главном — подсказать какие-либо конкретные оперативные возможности, выходившие на Канаду, помочь не смогли.

Общение с Василием Михайловичем и Елизаветой Юльевной, однако, не сводилось только к просьбам с моей стороны. Имея долгое время отношение к руководству из Москвы американской резидентурой, зная ее оперативные возможности, а также агентов Рида, я мог ответить на многие конкретные вопросы из прошлой деятельности резидентуры. Так, мне были известны серьезные замечания Центра в адрес нашей нью-йоркской точки по поводу недостаточной дисциплины и конспиративности, отмечавшиеся в начале руководства В.М.Зарубина. Особенно это относилось к самому Василию Михайловичу, привыкшему в нелегальных условиях к более свободному по ведению среди окружения. Ему было трудно сдерживать свою неукротимую активность, и дело доходило до того, что он сам бросался выполнять задания, с которыми вполне справились бы рядовые сотрудники.

Сразу после измены шифровальщика оттавской резидентуры ГРУ Гузенко в сентябре 1945 года я предупредил Зарубина о возможных неприятных последствиях этого предательства для всей нашей разведывательной деятельности на Американском континенте. Дальнейшее развитие оперативной обстановки в США показало, насколько это было важно и своевременно.

Вскоре в США произошел большой провал в результате предательства одного из агентов нелегальной группы,

руководителем которой был Я.Голос. Американская контрразведка получила в 1946 году возможность раскрыть ряд наших ценных агентов. Однако своевременно принятые Центром и нью-йоркской резидентурой меры, а также крайне неквалифицированное использование предателя американской контрразведкой позволили сохранить наши наиболее эффективные разведывательные возможности. Но и Зарубину, и Ахмерову во избежание неоправданного риска пришлось уехать. Оба они к концу 1946 года оказались в Москве почти одновременно со мной.

«Дело Гузенко». Тут я должен рассказать о событиях, приведших к моему отъезду из Канады. Осенью 1945 года шел четвертый год моего пребывания в этой стране. Я вполне освоился и, как считали в посольстве, успешно выполнял обязанности консула. Благоприятно развивалась и моя основная деятельность в качестве руководителя резидентуры.

Судя по текущей переписке, Центр был удовлетворен работой нашей малочисленной резидентуры. Естественно, наши оперативные результаты не могли сравниться с успехами резидентуры военной разведки, которая вносила весомый вклад в дело победы над Германией и Японией, добывая актуальную информацию. Ведь наши «военные соседи» стали действовать в Канаде гораздо раньше нас.

Уже прогремели победные салюты: вслед за фашистской Германией была повержена милитаристская Япония. Казалось, что открыты пути дальнейшего успешного развития советско-канадских отношений, расширения установившегося во время войны сотрудничества и взаимопонимания. Но такое возможное развитие событий вступало в противоречие с установкой реакционных кругов Запада и нового президента США Гарри Трумэна. Опасаясь сильно возросшего международного авторитета Советского Союза, американская реакция стала провоцировать конфликты, направленные против нашей страны. Одна из таких громких провокаций неожиданно произошла в Канаде.

5 сентября 1945 года, через месяц после того, как американцы сбросили атомную бомбу на Хиросиму, сотрудник советского военного аппарата в Оттаве, шифровальщик лейтенант Игорь Гузенко, как утверждали местные власти, украв «важные секретные документы», обратился с просьбой о политическом убежище. С этого момента в Канаде под руководством британских советников и при негласном сотрудничестве американских спецслужб начала раскручиваться спираль шумной антисоветской кампании.

Должен сказать, что, несмотря на тягостную атмосферу, которую создавали вокруг нас власти и реакционные круги, я всегда верил, что придет время, когда между нашими народа ми исчезнет эта искусственно создаваемая стена отчужденности и враждебности.

Сейчас, критически анализируя «дело Гузенко», не могу поверить в распространенный тогда миф о том, что он самостоятельно принял решение изменить Родине. Сопоставляю этот случай с многочисленными примерами активных попыток западных спецслужб, в первую очередь ЦРУ, склонить к бегству на Запад именно советских шифровальщиков. Шифровальные органы являются, так сказать, приоритетными объектами, к проникновению в которые постоянно устремлены усилия иностранных разведок. В связи с этим представляют несомненный интерес данные американского юриста Уильяма Шэппа, обнародованные агентством Канадиен Пресс в 1978 году, о том, что деятельность ЦРУ в Канаде «сопровождается подкупами и шантажом, стремлением манипулировать мнением канадцев и направлять развитие событий в угодном для США направлении», не считаясь с национальными интересами Канады. В подкрепление этого сообщения агентство утверждало, что в американском посольстве в Оттаве скрывается по меньшей мере «два десятка представителей ЦРУ, занимающихся шпионажем».

В свете этих фактов трудно отделаться от мысли о вполне реальном участии американской разведки в инспирации бегства Гузенко, тем более что твердо установлено: в широком пропагандистском использовании «данного источника» против нашей страны главная роль принадлежала именно ЦРУ.

Что же представлял собой этот дезертир?

Игорь Гузенко был военнослужащим и подлежал отправке в действующую армию. Но в разгар войны каким-то образом ему удалось избежать участия в боевых действиях. В середине 1943 года он приехал в Канаду в составе создававшегося тогда военного атташата во главе с полковником Заботиным. В советской колонии он сразу же отгородился от других стеной равнодушия и замкнутости. Чурался он и своих коллег. Так же вела себя и его жена.

Можно только догадываться, что Гузенко искал пути к выезду за границу с далеко идущими целями. Об этом говорит и скрытый смысл его собственных признаний в «автобиографической» книге под претенциозным названием «Железный за навес», отредактированной хозяевами из канадской контрразведки и изданной в 1948 году.

Поскольку наши читатели вряд ли знакомы с этим опусом,

стоит несколько подробнее остановиться на том, как изменник рисует свою прошлую жизнь в Советском Союзе.

Уже с первых страниц нельзя отделаться от ощущения, что это не собственный рассказ Гузенко, а в большей мере сочинение его кураторов из канадской и английской, а вероятно, и американской спецслужб. Об этом невольно проговаривается в предисловии и сам издатель: «Для опубликования книги оказалось необходимым сотни страниц, написанные Гузенко, привести в читабельную форму. С этой целью А.В.Обрайен из Монреаля, по существу, сделал книгу заново».

Видимо, по недосмотру редактор оставил в книге некоторые эпизоды, которые ярко характеризуют подлинную натуру «автора». Например, Гузенко описывает, как однажды, вернувшись с собрания, на котором незаслуженно исключили из комсомола его подругу, некую Потемкину (наш герой вместе с некоторыми другими соучастниками испугался ее поддержать), он рассказал об этом эпизоде своей матери. Та, женщина, по-видимому, с обостренным чувством справедливости, стала осуждать решение собрания и трусливое поведение сына. Грубо оборвав ее, Гузенко пригрозил «донести куда следует» о «враждебных» высказываниях матери. Тогда он не пошел дальше угроз. А в 1945 году выполнил свой замысел — предал и мать, и сестру, поставив их своей изменой под удар. А всю вину за это сваливал на советские власти, якобы толкнувшие его на этот шаг.

Да, в те времена сталинских указов об ответственности родственников за преступления их близких Гузенко сознательно обрекал и мать, и сестру на тяжелую участь. На фоне такой бессердечности фальшиво звучат «высокие доводы» изменника относительно заботы о благе человечества.

Все, кто знал Гузенко, в том числе и более или менее близко общавшиеся с ним в Канаде коллеги, не имели ни малейшего сомнения относительно его «храбрости». Один из них засвидетельствовал, что, прочитав в газете сообщение о взрыве американской атомной бомбы над Хиросимой, Гузенко побледнел как полотно. Он был смертельно испуган, и можно с полным основанием предположить, как этот трус стал немедленно искать надежное убежище. То, что Гузенко страдал патологической трусливостью, было не новостью для окружающих. Он предпринимал лихорадочные усилия, чтобы не попасть на фронт. В 1944 году начальник военной миссии Заботин получил предписание из Москвы откомандировать Гузенко на Родину для прохождения дальнейшей воинской службы, но он сумел уговорить своего шефа оставить его в Канаде еще на год. Когда же летом следующего года поступил категорический приказ об

откомандировании в Москву, Гузенко всячески оттягивал отъезд, вплоть до момента бегства в сентябре.

Оказавшись по другую сторону баррикады, Гузенко, говоря словами Белинского, стал «мстить за свое ничтожество». Он лгал без зазрения совести, выдумывая «красочные подробности» из жизни военного атташата и советской миссии в Канаде. Желая выслужиться перед новыми хозяевами, клеветал на честных канадцев, когда-либо посещавших наше представительство и искренне стремившихся во время войны чем-либо помочь советскому народу. Всех их предатель безосновательно зачислил в «шпионы Москвы», способствуя тем самым раздуванию антисоветской шумихи.

Дело о «советском шпионаже», начатое на основании показаний Гузенко, разворачивалось властями по подсказке специальных служб Вашингтона таким образом, чтобы не только нанести максимальный ущерб нашим позициям в Канаде, перспективам развития отношений с этой страной, но и ударить по прогрессивным силам как в Канаде, так и в Англии и США.

В феврале 1946 года была создана так называемая «королевская комиссия» по расследованию дел о шпионаже по показаниям Гузенко. Однако еще до того, как она приступила к работе, 4 февраля американский журналист Дрю Пирсон вы ступил по радио с сообщением, что премьер-министр Канады Маккензи Кинг докладывал президенту Трумэну о «канадском шпионаже». По всем данным, это была целенаправленная «утечка информации» для американской администрации, заинтересованной в развязывании широкомасштабной антисоветской кампании.

«Дело Гузенко» получило сильный импульс. В Канаде реакция развернула «охоту за ведьмами» по примеру США. Политические взгляды отдельных лиц стали поводом для увольнений, отказа от приема на государственную службу.

Доклад «королевской комиссии» был представлен в июле 1946 года, а материалы, полученные ею в ходе следствия, опубликованы только в 1981 году — тридцать пять лет спустя.

С 1 по 13 февраля 1946 года комиссия заседала при закрытых дверях, а 15-го были арестованы двенадцать человек. Тогда же премьер-министр выступил с первым публичным заявлением.

Через пять дней, 20 февраля 1946 года, Советское информбюро заявило: проведенным расследованием установлено, что некоторые сотрудники советского военного атташата в Канаде получали от канадских граждан, с которыми они были знакомы, определенную информацию, которая, однако, не представляла большого интереса для советских организаций.

Далее в заявлении отмечалось, что большая часть полученных материалов была почерпнута из открытых работ по радарам и атомной энергии. Сообщалось, что полковник Заботин отозван за неправильное поведение и что советский посол и другие сотрудники посольства никакого отношения к этому делу не имели.

В ходе судебных процессов из всех названных Гузенко двадцати обвиняемых только десять человек были признаны в той или иной мере виновными, а с остальных сняты какие-либо подозрения.

А как обстояло дело с осужденными? Приведу лишь один пример.

Гузенко назвал среди «шпионов» канадского профессора Буайе. Как консул, я встречался с ученым, когда он посещал советское посольство. У него был серьезный повод: он делом хотел помочь нашему народу, несшему основную тяжесть в борьбе против гитлеровской Германии. Буайе изобрел новое, очень эффективное взрывчатое вещество, взятое на вооружение западными союзниками. Узнав через военного атташе, что его изобретение не передано Красной Армии, он стал добиваться, чтобы это было сделано канадскими властями. Но встретил сопротивление местных бюрократов. Тогда ученый проявил инициативу и сам предоставил нам необходимые сведения для производства взрывчатки. Причем он не делал никакого секрета из своего поступка, считая его патриотическим, в чем его поддерживали коллеги-ученые. Беда Буайе со стояла в том, что через руки шифровальщика Гузенко прошло в Центр сообщение о подарке, который профессор сделал Красной Армии.

Не сомневаюсь, что сам факт глубоко патриотического поступка ученого должен был бы заставить менее тенденциозно настроенных судей снять с него любые подозрения, но они предпочли рассматривать это событие глазами Гузенко. Между тем множество объективных людей в Канаде одобрили поступок Буайе, способствовавший ускорению победы над общим врагом человечества — нацизмом. Нечто подобное произошло и с некоторыми другими обвиняемыми.

Несмотря на шумную антисоветскую кампанию, канадская общественность в своем большинстве не поверила клеветническим измышлениям Гузенко. Проведенный перед судебными процессами опрос общественного мнения показал, что 51 процент канадских граждан высказались в пользу СССР и лишь 27 процентов поддались антисоветской пропаганде. Это как раз и пугало реакцию. К тому же расследование «королевской комиссии» проводилось, как свидетельствовала канадская пресса,

с грубыми нарушениями прав человека. «Свидетели», под которыми значились обвиненные Гузенко канадцы, привлекались к показаниям насильно, после предварительного содержания в одиночном заключении в течение четырех-пяти недель, на их допросы не допускались защитники.

Сам премьер-министр Маккензи Кинг вынужден был отметить нарушения гражданских свобод и содержание обвиняемых длительное время под стражей без предъявления обвинений. Но в тот период эта сторона «дела Гузенко» всячески замалчивалась.

Конечно, среди канадского населения, в своем подавляющем большинстве симпатизировавшего нашему народу, были злобные враги Советского Союза. Впрочем, и не только нашей страны, но и самого демократического общества, в котором они жили.

Не случайно многие пособники фашистов, военные преступники, бежавшие от справедливого возмездия после разгрома гитлеровской Германии, нашли укрытие в Стране кленового листа.

Мне пришлось вплотную соприкоснуться с проблемами противодействия деятельности немецких специальных служб во время Великой Отечественной войны на территории Канады и с ее территории против нас. С началом второй мировой войны спецслужбы союзников развернули в Канаде подготовку агентуры из числа бывших жителей Европы для заброски в тыл немецким войскам, на оккупированные гитлеровцами территории. Нашлось немало добровольцев среди выходцев из России, Польши, Чехословакии, Болгарии, Югославии. Были они и в довольно многочисленной немецкой колонии.

Об этом стало известно нам; знала об этой деятельности союзников и немецкая разведка. Она была крайне заинтересована в проникновении своей агентуры в центры обучения добровольцев. И принимала соответствующие меры. Эти происки нацистской секретной службы представляли опасность для западных союзников, а с началом Великой Отечественной войны и для нас.

С продвижением гитлеровцев на Восточном фронте и захватом ими советских территорий такие перевербованные немцами и внедренные ими агенты могли действовать на оккупированных советских землях. А после освобождения этих районов они оставались на важных объектах в нашем тылу. Поэтому мы активно занимались противодействием этой подрывной деятельности нацистской агентуры в Канаде.

Другая немаловажная сторона нашего интереса к подготовке союзниками кадров состояла в том, что создавалась реальная возможность продвижения агентов по этим каналам в их

спецслужбы. Такая перспектива была тем более реальной, что созданное в 1942 году Управление стратегических служб, как нам стало известно, зачисляло в свой аппарат наиболее способных агентов. Скажу только, что наши усилия не прошли даром. А если учесть, что значительное число кадров УСС в последующем, при создании ЦРУ, перешло на работу в это важное разведывательное ведомство США и другие спецслужбы, то станет ясно, что игра стоила свеч.

Проводя эту работу во время Великой Отечественной войны, мы ни в коем случае не нарушали суверенитета Канады, стремились избежать каких-либо действий наших агентов, которые могли быть истолкованы в этом смысле.

Именно поэтому, как бы ни чернил Гузенко наших военных коллег, все, что они делали, было направлено исключительно на дело скорейшей победы над нашим общим с Канадой врагом — гитлеровской Германией. И изменнику это было хорошо известно. Не случайно уже после победы он выкрал тенденциозно подобранные материалы, которые можно было бы трактовать по-иному.

Завершая страницы самых неприятных для меня воспоминаний о канадском периоде разведывательной работы, хочу коснуться того, как сложилась дальнейшая судьба Гузенко.

Через двадцать лет после измены, в июле 1965 года, канадская газета «Оттава джорнэл» выступила со статьей о «плачевной судьбе Гузенко». Он оказался полным банкротом, моральной развалиной. Он не мог вести какие-либо дела, изучать иностранный язык, не мог что-либо делать кроме того, как бояться, бояться и бояться. Поистине, как говорил Сенека, «преступник может иногда избежать наказания, но не страха перед ним».

«Ситуация вокруг Гузенко такова, — писала далее та же га зета, — что премьер-министр, министр юстиции и другие канадские деятели заняты более важными делами, чтобы уделять внимание жалобам несчастной жены человека, который спас свободный мир от катастрофы». Если отбросить ложный пафос газеты, то становится видна ничтожность этого «клерка-изменника», от которого отвернулись не только канадское общество, но и сами канадские власти. Недаром каждый раз, когда реакция поднимала на щит его затасканное имя, а он, паразитируя на антисоветизме, заявлял о своих претензиях, в редакции канадских газет сыпались многочисленные письма читателей, возмущавшихся поддержкой изменника.

Однако реакционные круги регулярно, примерно раз в четыре года, поднимали на страницах прессы шумную кампанию

шпиономании, используя для этого очередную провокацию контрразведки и вытаскивая на свет Божий «дело Гузенко». Так было и в 1965-1966 годах, когда королевская конная полиция (контрразведка), спровоцировав так называе мое «дело Спенсера», а затем «дело Герды Мусинджер», вызвала бурный скандал в парламенте, чуть не завершившийся отставкой правительства либералов. В своих неуемных поисках советских «шпионов реакционеры дошли до обвинений бывшего консервативного премьер-министра Дифенбейкера и одного из его министров, якобы связанного с Гердой Мусинджер, подозревавшейся в связи с разведкой ГДР. По поводу этого шумного скандала газета „Телеграмм“ сообщала в мае 1966 года из Нью-Йорка, что „дело Мусинджер“, возможно, превзошло все другие канадские дела со времен войны 1812 года, которым уделила внимание американская пресса. Настолько вздорными были обвинения в адрес Советского Союза, что на них даже откликнулся известный американский фельетонист Арт Бухвальд. В своем фельетоне он едко высмеял „сексуальный скандал“, поднятый в канадском парламенте вокруг „дела Герды Мусинджер“. „Теперь, — писал Бухвальд, — Канада встала в один ряд с великими державами, такими как Англия, в которой был скандал с «делом Профьюмо“[25], и США с их «делом Бейкера».

Не прошли эти факты и мимо советской прессы. В декабре 1965 года в статье «С поводырем из ЦРУ» «Известия» обратили внимание мировой общественности на то, как США стремились распространить антисоветскую кампанию на другие страны, в частности и на Канаду. В статье отмечалось также, что во время строительства здания посольства СССР в Оттаве канадские спецорганы под руководством советников из ЦРУ вмонтировали в его стены присланные из США микрофоны для подслушивания.

Канадские власти отрицали это, но П.Райт[26] в книге «Ловец шпионов» описал участие английских спецслужб в установке микрофонов в советском посольстве. По его словам, выяснив через Гузенко расположение служебных комнат резидентов политической и военной разведок, контрразведчики заложили подслушивающую технику. В этом конкретном случае усилия канадцев, сокрушается Райт, пропали даром. Наши службы обезвредили технику противника, а когда сочли это целесообразным, продемонстрировали ее канадской общественности. Впечатление было потрясающим. Западные спецслужбы стали подозревать, что у них произошла утечка информации. Они не допускали и мысли, что у нас есть новейшие средства обнаружения подслушивающей техники, так как сами тогда еще не имели таких возможностей. Замечу, кстати, что эта

операция, которая, по словам Райта, получила кодовое название «Земляной червь», шаблонно повторяла ранее проведенную в Австралии. Там другой изменник, резидент внешней разведки КГБ в Канберре Владимир Петров, перебежавший в 1954 году на сторону ЦРУ, подсказал, где должны быть вмонтированы «жучки». Но и тогда мы обвели противника, заставив его впустую тратить деньги и время.

Конечно же, как разведчик, я понимал, что до тех пор, пока существуют и действуют силы, которые видят в США «устроителя мирового порядка», мы должны оставаться бдительными и следить за развитием событий. Но следить вовсе не значит вмешиваться во внутренние дела страны, в чем, однако, американская разведка, даже в государствах, образовавшихся на территории бывшего СССР, себя пока не намерена ограничивать. Что касается российско-канадской дружбы, то опасность для нее состоит как раз в том, что специальные службы союзников Канады всячески подталкивают канадскую контрразведку на опасное взаимодействие в так называемых тайных операциях.

Итак, еще в 1965 году Гузенко использовался как «эксперт» по делам «советского шпионажа», хотя и с сомнительными результатами. Да другого и нельзя было ожидать. П.Райт писал, что на запрос английской разведки в середине 60-х годов о возможности повторного собеседования с Гузенко по интересовавшим ее проблемам канадцы ответили, что «у них есть сложные проблемы с Гузенко из-за его алкоголизма и постоянного требования денег».

Как показывает анализ ряда дел изменников, судьбу Гузенко разделило большинство предателей. Интересно, что бывший английский разведчик Чепмен Пинчер в книге «Их ремесло — предательство» приходит к заключению, что каждое предательство неизбежно сопровождается отчаянием и депрессией в результате чувства вины и панического страха ожидания возмездия. Изменники, как правило, пытаются заглушить алкоголем эти чувства, а нередко дело кончается и самоубийством.

Нельзя не согласиться с Пинчером в том, что чувство неполноценности обуславливает мелкую мстительность большинства перебежчиков по отношению к бывшей Родине.

Руководящий работник ЦРУ Полгар, занимавшийся специально проблемами перебежчиков и ушедший в отставку в 1981 году, говорил, что независимо от ценности информации, которую доставляет перебежчик, он несет с собой также тяжкий груз психологических проблем — одиночество, ощущение потери и незащищенности, физические и эмоциональные срывы,

неуверенность в будущем.

Выступавший на этом слушании в качестве свидетеля, изменивший своей родине бывший работник чехословацкой разведки Л.Биттман со знанием дела утверждал, что перебежчик знает, что совершил акт измены, и должен преодолеть чувство вины. Если ему это не удается, он становится кандидатом в самоубийцы, алкоголиком, наркоманом или в конце концов может решить вернуться на родину, что, конечно, является психологической формой суицида.

Пример Гузенко — подтверждение правильности этих выводов. После почти тридцати шести лет постоянного страха за свою жизнь он внезапно умер в июне 1982 года. Его смерть, как писали газеты, «похожая на естественную, была в определенном смысле такой же таинственной, как и его жизнь с сентября 1945 года».

Летом 1946 года из канцелярии премьер-министра Маккензи Кинга раздался телефонный звонок в посольство СССР в Оттаве. Глава правительства приглашал поверенного в делах Н.Д.Белохвостикова на прием. На вопрос поверенного, какой может быть причина приглашения, я однозначно ответил, что речь пойдет об объявлении меня и еще ряда сотрудников посольства «персонами нон грата», и предложил Белохвостикову взять меня к премьеру в качестве переводчика.

Из этого визита, завершавшего мою командировку в Канаду, сохранилось в памяти что-то вроде смущения и растерянности премьера в первые мгновения нашего появления. Чтобы разрядить атмосферу, Белохвостиков пояснил, представляя меня, что, так как он испытывает затруднения в языке, его сопровождает первый секретарь.

Премьер объяснил, что его правительство не желает ничем омрачать канадо-советские отношения, но вся пресса выступила с обвинениями в адрес ряда сотрудников посольства, и он не видит иного пути, как удовлетворить требования общественности и объявить о нежелательности дальнейшего пребывания в Канаде этих лиц. Он назвал меня, моего шифровальщика и еще двух дипломатов, сотрудничавших, по утверждению Гузенко, с нашей военной разведкой.

— Канадские власти, — добавил премьер, — ожидают отъезда в течение сорока восьми часов.

При этих словах я с возмущением сказал Белохвостикову, что мало того, что власти ни в чем обвинить меня не могут, но еще и лишают возможности спокойно собраться. И посоветовал: надо добиться, чтобы выдворяемым дали на сборы хотя бы неделю. Получив согласие Белохвостикова, я передал эту позицию

поверенного в делах, с чем премьер после некоторого раздумья согласился…

Последняя неделя в Канаде. Теперь уже десятки моих личных друзей звонили из разных уголков страны, прощаясь и заверяя, что не верят в выдвигаемые против нас обвинения. Это было настоящей наградой за четыре года общения с канадцами.

За это время в нашей семье произошли радостные перемены. В 1943 году родился сын Александр. Его появление скрасило нашу беспокойную жизнь вдали от Родины. Каждую свободную минуту я стремился проводить вместе с сыном. Естественно, рядом с большой радостью возникли и новые заботы.

Клавдия Ивановна была в резидентуре единственной машинисткой и секретарем. Решили прибегнуть к помощи няни. Сначала появилась пожилая женщина, полька по происхождению, очень заботливая, но изъяснявшаяся на каком-то странном польско-английском языке. Так, она говорила: «Заклозувайте виндову щеку, а то ребенок захорует»[27]. Поскольку Саша рос и перенимал такую речь, пришлось с няней расстаться. Нам помогли найти более молодую и, что важнее, образованную канадку. Под ее руководством ребенок стал быстро набирать английские слова и, к нашему удивлению и радости, вскоре заговорил сразу на двух языках — на русском с нами и на английском с няней. Что поражало с самого начала и до отъезда, когда Саше было уже три года, он твердо знал, к кому на каком языке обращаться.

Развитию его английской речи способствовало и то обстоятельство, что на втором этаже нашего особняка в Оттаве проживала супружеская пара пожилых канадцев, которые привязались к нашему сыну и охотно проводили с ним время.

Когда Александр подрос, я стал брать мальчика в свои поездки по окрестностям столицы. Весной 1945 года я решил показать Клавдии Ивановне Ниагарский водопад, где сам был лишь однажды проездом в США.

Вместе с Сашей мы отправились с утра пораньше. Нам пред стояло проехать 750 километров до городка Ниагара-Фолс, где уже все благоухало цветами, хотя в столице снег еще не стаял. Погода выдалась замечательная. Водопад, к которому мы подъехали что-то около полудня, выглядел величественно, особенно в солнечном сиянии, окрашивавшем всеми цветами радуги водяные брызги.

Мы захватили с собой недавно приобретенный киноаппарат фирмы «Кодак», который и зафиксировал все красоты этого чуда природы. На его фоне красовались мама с сыном. Особенно эффектны кадры, когда они отважились пересечь водопад по

висячему мосту. Этот фильм сохранился до сих пор. Мы часто его просматривали, и это доставляло нам огромное удовольствие, возвращая в годы нашей молодости.

Осматривая водопад, я обратил внимание на существовавший в его районе облегченный режим пересечения канадо-американской границы. Дело в том, что одна сторона берега при надлежит Канаде, а другая — США. Зрителям разрешается беспрепятственно переходить с одной стороны на другую. Впоследствии этим обстоятельством мы пользовались в разведывательных целях.

Обратный путь из Канады в Советский Союз глубоко не отложился в моей памяти. Я находился в каком-то расслабленном состоянии. Видимо, сказалось непрерывное напряжение, в котором я пребывал после измены Гузенко. На мне тяжким грузом лежала ответственность за безопасность дипломатической миссии, ее сотрудников и членов их семей. А в пути я душевно и физически отдыхал, хотя мысль о «деле Гузенко» продолжала тревожить меня: как Центр отнесется ко всей этой истории? И все же сейчас я был простым пассажиром грузопассажирского судна, шедшего из Нью-Йорка в Ленинград с заходом в Южную Америку.

В колумбийском порту Баранкилья мы приняли экзотический груз — бананы для ленинградцев, отвыкших за время изнурительной войны и голодной блокады от заморского лакомства. Наше возвращение было вдвойне приятно, будто мы сами доставляли гостинцы многострадальному городу на Неве…

В Москве у нас не было квартиры, и я не питал иллюзий относительно возможности ее получения. Нам еще долго пришлось ютиться у родственников. Мы устроились у сестры Клавдии Ивановны Анастасии Ивановны Гусевой, занимавшей с мужем, полковником в отставке, двадцатиметровую комнату в коммунальной квартире на Котельнической набережной. Там мы и жили в одной комнате около года — их двое и нас трое. Однако это не удручало, мы были уверены, что в перспективе устроимся более основательно. Действительно, поскитавшись еще несколько лет по чужим квартирам, мы в 1949 году получили собственные две небольшие комнаты в коммунальной квартире на Песчаной улице. Отдельную трехкомнатную квартиру на проспекте Мира нам дали (уже на четверых) только в 1956 году.

Глава 4. Отстойник делу не помеха

Когда после возвращения из Канады я пришел на службу, мало кто проявил интерес к делам оттавской резидентуры. Спрашивали больше об обстоятельствах измены Гузенко — все-таки очень шумное дело, но и тут мало кого интересовало мое мнение. Первоначально такое отношение мне показалось следствием возможной негативной оценки результатов работы в Канаде. Но вскоре я столкнулся с явлением, которое не могло не поразить. И понял — дело не во мне.

По коридорам штаб-квартиры внешней разведки бродили десятка полтора таких же «возвращенцев» из долгосрочных командировок. Некоторые уже «нагуляли» сотни километро-дней, не ведая своей дальнейшей судьбы. Центр жил какой-то особой жизнью, установившийся ритм которой наше появление вроде бы нарушало. От нас отмахивались. Это не только обижало. Было очевидно, что такая практика обедняет разведку, вместо того чтобы обогащать ее свежим опытом, пусть не всегда положительным, но бесспорно полезным для тех, кто руководил закордонной «периферией».

Встречал я среди вернувшихся многих товарищей, с которыми служил в штабе внешней разведки до отъезда. Мы вспоминали, что в предвоенные и первые военные годы как-то по-другому смотрели на тех, кто уже побывал на «переднем крае», по-хорошему завидовали им.

Выяснив, что постоянный участок работы получить сразу не удастся, и не желая бездельничать, я попросил дать мне любое временное занятие. В информационном отделе предложили обрабатывать залежи материалов, поступивших с Американского континента в годы войны. Получив разрешение привлечь к этой работе жену, которая печатала на пишущей машинке, мы засели за работу.

Предстояло разобрать многие сотни пачек фотокопий документов различных ведомств США, добывавшихся, что называется, в поте лица и с огромным риском в основном нелегальной резидентурой Рида и частично легальной В.М.Зарубина. Так, мне пришлось соприкоснуться с результатами многотрудной работы этих двух замечательных разведчиков. Вот когда я почувствовал всю сложность организации разведывательной работы с нелегальных позиций, искусство руководства ценными агентами, способными добывать важные документальные материалы.

Беря в руки очередную фотокопию, я мог представить себе,

как агент, назовем его «Икс», приносил Риду секретный документ, скажем, Управления стратегических служб США объемом в 300-400 страниц с анализом состояния экономических ресурсов Германии. Как Рид брал документ, мчался на конспиративную квартиру, фотографировал его сам или с помощью Веры. Получалось 10-15 непроявленных пленок. Как через несколько часов документ возвращался источнику с краткими инструкциями о том, что нас интересует на будущее. И так всю неделю. От нескольких источников набиралось 50-70 таких непроявленных пленок. Этот «багаж», упакованный в чемоданчик, резидент или его связник передавал по специальному каналу связи в легальную резидентуру. В условиях строгой конспирации военного времени у легального резидента не было достаточно ни возможностей, ни времени, чтобы проявить фотопленки и изучить полученные данные. «Багаж» направлялся в Центр. Там же сотрудники, не зная содержания полученной почты, проявляли пленки обычным порядком, не спеша. В результате материалы становились «несрочными» и оседали в «запасниках».

Мы обработали с Клавдией Ивановной несколько тысяч документов, просматривая пачку за пачкой пленки на английском или французском языке, я отбирал те, которые, на мой взгляд, заслуживали полного перевода, а по остальным диктовал краткие аннотации с предложением, как можно было бы использовать данную информацию. По ряду материалов были подготовлены спецсообщения для различных государственных инстанций или для других подразделений нашего министерства.

Помнится, что однажды я натолкнулся на несколько документов спецслужб западных союзников, где сообщалось о выявленных ими немецких шпионах, сумевших внедриться в советские внешнеполитические и экономические организации. Судите сами, какую огромную ценность они представляли, мы немедленно перевели их и послали в контрразведывательное управление. А ведь это нужно было сделать давным-давно. И невольно подумалось, как из-за нашей неорганизованности немецкие агенты получили возможность столь долго действовать против нас.

Наконец меня назначили на должность начальника отделения американо-английского отдела Информационной службы. При оформлении в отделе кадров вдруг узнал, что я вовсе не майор, как мне сообщили в свое время в Канаду, да еще с поздравлениями по случаю присвоения очередного звания, а по-прежнему числюсь капитаном. Естественно, я попросил объяснений, и мне сказали, что при подготовке тогдашнего приказа произошла ошибка: меня не внесли в список

представленных к очередному званию. Извинились и обещали при первой же возможности ошибку исправить, что и было в скором времени сделано.

Возвратился из США В.М.Зарубин. Возник вопрос о работе в разведывательном аппарате его жены Елизаветы Юльевны. Руководство инфослужбы от имени начальника разведки обратилось ко мне с просьбой согласиться временно стать заместителем начальника отделения. На мое место нужно было определить Е.Ю.Зарубину. Меня заверили, что максимум через несколько месяцев я буду восстановлен в прежней должности. Человек более тщеславный счел бы такое предложение за оскорбление, но я, слава Богу, не страдал такой болезнью и согласился уступить место Елизавете Юльевне, тем более что уважал ее как человека и ценил как опытную разведчицу. Работать с ней было одно удовольствие. Она свободно владела пятью иностранными языками, хорошо знала не только США, где проработала четыре года, но и многие страны Европы, в том числе и фашистскую Германию, где ей довелось быть совместно с Василием Михайловичем на нелегальной работе. Она делилась со мной своим большим опытом, рассказывала о рискованных и опасных ситуациях, из которых ей с супругом приходилось выкручиваться.

Хочу заметить, что на моих путях и перепутьях в разведке встречались разные люди. Когда в начале 1947 года я еще корпел над обработкой информационных «залежей» времен войны, в Первом управлении состоялось собрание актива. Обсуждались итоги работы за прошедший год и предстоявшие задачи. Начальником внешней разведки уже был П.В.Федотов, занимавший до недавнего времени пост руководителя Второго управления (службы контршпионажа). После его доклада на трибуне появилась дама, занимавшая одну из руководящих должностей информационно-аналитического подразделения. Среди прочих вопросов, которые излагались ею с большим апломбом, она взялась оценивать деятельность внешней разведки за рубежом, где сама, кстати, работала мало. И тут я, один из многих малозаметных рядовых участников собрания, превратился в фигуру, оказавшуюся в центре внимания. Руководящая дама заявила, что «такие работники заваливают работу в резидентурах, бездельничают, допускают грубые ошибки, ведущие к серьезным провалам». Она явно намекала на «дело Гузенко».

Подобное безапелляционное заявление человека, не посвященного в разведывательные дела по американской и канадской линиям, не знающего сути истории изменника Гузенко, могло создать ложное впечатление о моей роли в ней.

Это меня до крайности возмутило, и я тут же попросил слова. Начал не с опровержения заявления моей оппонентки, а с резкой критики ненормального отношения к возвращающимся из-за границы разведчикам, имея в виду не себя лично, а многих своих товарищей. В коридорах внешней разведки, говорил я, бродят без дела десятки «ПБМ» (так этот контингент разведчиков окрестил себя), и никто даже не пытается выслушать их. Им месяцами не определяют конкретные участки работы, где они могли бы приносить пользу, применить практический опыт, полученный за кордоном.

При упоминании «ПБМ» П.В.Федотов, сидевший в президиуме, стал интересоваться у соседей, что означает эта аббревиатура? Услыхав его вопрос, я сказал, что с удовольствием расшифрую ему это сокращение, широко известное в разведке, если Петр Васильевич найдет возможным принять меня.

Далее я высказал возмущение демагогическим выступлением руководящей дамы, берущейся «судить выше сапога». Что же касается «безделья» за границей, то хотел бы сказать, что в такой «бездельной» обстановке за кордоном наши разведчики добывают с риском секретные сведения, а некоторые работники из информационно-аналитической службы Центра, вроде этой дамы, сваливают их в шкафы на долгие месяцы и годы. И это не голословное заявление, сообщил я собранию. Сразу же после возвращения я занялся обработкой ценных разведывательных материалов, скопившихся в «запасниках» информационно-аналитической службы, которые на протяжении войны добывали нелегалы. И среди этих «завалов» оказались документы, требовавшие срочных решений, в том числе данные о немецких агентах, внедренных в советские учреждения. Во время перерыва Федотов просил передать, что примет меня на следующий день. Утром я был у него. Он сказал, что ему понятно мое настроение. Когда я расшифровал ему «ПБМ» — «по башке метелкой», — генерал сказал, что уже распорядился навести порядок и дал указание отделу кадров срочно рассмотреть вопросы, касающиеся этой категории сотрудников, так, что бы никто не остался неустроенным и каждому было оказано необходимое внимание. Что касается меня, то руководство не имеет ко мне никаких претензий и в ближайшие дни я получу постоянную работу. Действительно, вскоре мне предложили место начальника отделения. Моей жене также представили штатное занятие.

Я испытывал удовлетворение от того, что помог ликвидировать контингент «ПБМ», и, хотя оказался в одном подразделении с той самой дамой, был доволен, что она не имела никакого отношения к моему участку, занимаясь только Европой.

Вскоре ее отправили в отставку.

Этот эпизод с попыткой наказать меня за «дело Гузенко» я вспомнил позже, в 1957 году, когда знакомился с материалами американского суда над Р.Абелем. В показаниях Вика, помощника Абеля, предавшего своего руководителя, упоминалось и мое имя. Подробно я вернусь к этому делу позже. Сейчас же коснусь того, что говорил обо мне Вик. На допросе в американской контрразведке предатель сообщил, что ко времени его выезда в США в 1952 году я был руководителем американского отдела нелегальной разведки. Это вызвало удивление у фэбээровцев: они были уверены, что после измены Гузенко меня должны были наказать, а вместо этого я преуспевал. Как видно, и они, подумал я, недалеко ушли от стереотипного мышления руководящей дамы, считавшей, что за каждый провал должен нести ответственность какой-нибудь «стрелочник». Впрочем, и во внешней разведке были люди, разделявшие ее мнение. Более того, как мне значительно позже, уже после разоблачения Берии, доверительно рассказывал А.М.Коротков, вопрос стоял не просто о наказании, а о моем аресте. Думаю, что до этого не дошло благодаря стараниям П.М.Фитина и его заместителя В.М.Зарубина, хорошо знавших меня. Мысль о моем наказании созрела не без участия Г.Б.Овакимяна, который к этому времени стал заместителем начальника внешней разведки. Правда, вскоре его (не скрою, к моему удовлетворению) тоже отправили в отставку.

Начался новый этап моей деятельности в разведке, незаслуженно считающийся многими коллегами своего рода ссылкой или, в лучшем случае, нахождением в своеобразном «отстойнике», когда я был отстранен от активной оперативной работы.

Но это не так. Опыт двухлетнего пребывания в информационной службе оказался очень интересным и к тому же исключительно полезным с точки зрения критической оценки моих предыдущих дел. Информационно-аналитическая работа значительно расширяла разведывательный кругозор: ведь довелось анализировать и оценивать достоверность многочисленных материалов и даже опровергать некоторые содержавшиеся в них сведения. Все это помогало оперативным работникам разведывательных подразделений правильно ориентировать периферийные точки, повысить надежность и эффективность руководства агентурой.

После окончания Великой Отечественной войны к руководству НКГБ, преобразованного в марте 1946 года в Министерство государственной безопасности, пришел

В.С.Абакумов. Он начал реорганизацию аппарата, в том числе внешней разведки. Первое управление было преобразовано в Первое главное управление (ПГУ), возглавил его уже упоминавшийся мною П.В.Федотов. Начальниками оперативных управлений ПГУ были выдвинуты опытные разведчики П.М.Журавлев, И.И.Агаянц, А.М.Коротков и другие. В.М.Зарубин был назначен заместителем начальника одного из управлений.

Не застал я в управлении П. М. Фитина. Было жаль, что он, вынесший на своих плечах все трудности руководства внешней разведкой во время военного лихолетья, должен был с понижением отправиться на периферию.

Впрочем, скоро я узнал, что гонениям Павел Михайлович подвергся по указанию Берии, который не простил начальнику внешней разведки, что тот перед войной настойчиво отстаивал достоверность данных наших ценных источников, своевременно сообщавших о скором нападении гитлеровской Германии на Советский Союз. Льстивый царедворец, чтобы потрафить своему правителю, считавшему, что военный конфликт начнется не ранее середины 1942 года, объявил такие сведения злостной дезинформацией английской разведки. Фитин с этим не был согласен. Вспыхнувшая германо-советская война доказала правоту начальника разведслужбы. Берия отступил, но затаил злобу и после победы сразу нашел случай отомстить неугодному подчиненному.

Павел Михайлович хорошо запомнился мне по 1942 году. Как сейчас, вижу его быстро шагающим по коридору дома два на Большой Лубянке. Походка у него была оригинальная — он раскачивался из стороны в сторону, как лыжник или моряк. Очень доступный, простой в обращении с подчиненными. По обычно доброму выражению лица его трудно было отнести к властным людям. Но воля у него была крепкая, судя даже по тому, что привередливое, непредсказуемое бериевское начальство терпело его в начальниках внешней разведки шесть лет. Павел Михайлович разговаривал всегда спокойно, при докладах подчиненных вел себя доброжелательно, поощряя к инициативным предложениям. Решения принимал быстро, смело брал на себя ответственность. Его чем-то напоминал другой начальник внешней разведки, А.М.Сахаровский, занявший этот пост в середине 50-х годов. Сходство было не только внешним, но и в характерах.

Теплые воспоминания сохранились у меня о начальнике европейского управления того периода Павле Матвеевиче Журавлеве. Он начал работать во внешней разведке в 1924 году. Был резидентом в Каунасе, затем возглавлял резидентуры в

Праге, Стамбуле и Риме, откуда в 1938 году по указанию Берии был отозван. Впервые он встретился мне на том памятном «совещании», на котором нарком внутренних дел подверг опытных разведчиков унизительному разносу. Успешно пройдя «проверку», Павел Матвеевич оказался на небольшой должности заместителя начальника отделения. Но в 1942 году его уже в пятый раз направили за кордон резидентом. Это был Каир.

Обладая огромным опытом, Павел Матвеевич держался в коллективе очень скромно, с ним было легко решать все возникавшие вопросы. Он никогда не уклонялся от принятия конкретных решений.

Другим руководителем после П.М.Журавлева на европейском участке был И.И.Агаянц, интеллигентный, вежливый, человек совсем другого склада. От него труднее было добиться четких, определенных ответов; он, как правило, адресовал нас к своим подчиненным. Злые языки шутили, что Иван Иванович «мягко стелет, да жестко спать», намекая на недостающую ему искренность. Действительно, были случаи, когда сотрудники уходили от него с положительными заверениями, а затем узнавали, что по этому же вопросу приняты негативные решения. Вскоре И.И.Агаянц выехал в резидентуру в Париже, а вернувшийся оттуда Н.П.Лысенков возглавил европейское управление.

Николай Петрович был высококвалифицированным профессионалом и замечательным человеком и товарищем. Во Франции он, несомненно, оставил такой заметный след, что плодами его деятельности там пользовалась не одна смена наших разведчиков, работавших в этой стране. Лысенков лично приобрел ценных агентов, во внешней разведке его уважали за доброжелательность, внимание к людям. Жаль, что он рано ушел из жизни. Это случилось в 1956 году.

В мае 1947 года на базе внешней разведки МГБ и разведслужбы Министерства обороны создали Комитет информации (КИ), председателем которого был назначен тогдашний министр иностранных дел В.М.Молотов. Позже его на этом посту сменяли А.Я.Вышинский, В.А.Зорин, Я.А.Малик — заместители главы дипломатического ведомства Кремля. Практической работой руководил П.В.Федотов — первый заместитель председателя КИ. Комитет просуществовал до 1952 года, когда обе разведки вернулись в свои прежние ведомства — МГБ и МО.

Объединение двух разноплановых служб — политической разведки и разведки военной — оказалось нежизненной затеей. Резкое различие в стиле работы двух составных частей новой

организации быстро привело к тому, что деятельность новой разведывательной структуры оказалась малоэффективной. Наши военные коллеги долгое время не могли привыкнуть к тому, что возникающие проблемы можно с начальством обсуждать, высказывать свои оценки, расходящиеся с точкой зрения руководства. У них же все было поставлено на свой лад: начальник дает указание, подчиненный выполняет без рассуждений, не говоря уже о возражениях. Так, их планы вербовки агента звучали для нашего уха по меньшей мере странно: «Приказываю осуществить вербовку „имярек“. Далее предписывались сроки, назначались исполнители и так далее. А главное — все безапелляционно. В таких условиях нашим военным коллегам выполнять свою работу и легче, и труднее. Легче, поскольку ответственность за правильность и успех плана-приказа ложилась не только на исполнителя, но и на человека, отдавшего приказ; труднее потому, что это как бы исключало для оперативного работника возможность психологического маневра. Между тем в разведывательной деятельности приходится учитывать многие факторы, которые проявляются либо постфактум, либо, в лучшем случае, в процессе выполнения операции. А это несовместимо с жесткими рамками приказа.

Нам первое время нелегко было контактировать с военными разведчиками: на наши соображения они, как правило, отвечали «так точно», если эти соображения высказывались от имени начальства, или ожидали от нас беспрекословного принятия к исполнению установок, когда те исходили от должностных лиц, стоявших выше в табели о рангах.

Но скоро военные убедились в преимуществах нашего стиля, почувствовали свободу для проявления собственной инициативы, ощутили и реальную пользу от расширения возможностей разведывательного творчества. Когда стало известно о расформировании Комитета информации, многие из сотрудников ГРУ сокрушались по поводу того, что им придется возвращаться к прежним военным стереотипам, снова отвечать «так точно» даже тогда, когда решение, принимаемое начальником, явно грешило ошибками.

Допускаю, что и у наших военных коллег, в свою очередь, возникали критические замечания по поводу того, что у нас, сотрудников внешней разведки МГБ, не всегда было все в порядке с исполнительской дисциплиной, точностью в реализации планов и решений.

Период существования КИ был отмечен снижением уровня четкости и оперативности в решении возникавших проблем внешней разведки. Особенно, если они, эти решения, относились

к компетенции руководства, которое было далеко от специфики разведывательной деятельности и многого просто не могло понять. Молотов, Вышинский, Зорин, Малик мало вникали в дела этой важной для государства структуры и передоверяли практическое руководство своим заместителям — профессионалам разведки, которые, однако, не всегда обладали нужными полномочиями.

Поэтому все мы, оперативные работники, были рады возвращению, так сказать, на исходные позиции — одни в органы госбезопасности, другие в Генштаб вооруженных сил.

После победного завершения Великой Отечественной войны, казалось, должен был наступить период мирного восстановления разрушенного войной хозяйства страны. Создание ООН в апреле 1945 года и Потсдамская конференция в июле-августе создавали необходимые внешние условия для этого.

Но не так судили некоторые реакционные силы на Западе. В результате второй мировой войны Соединенные Штаты резко увеличили свой экономический и военный потенциал, фактически стали хозяйственным, финансовым и политическим центром мира. Они никак не желали примириться с потерей своего влияния в странах Восточной Европы, возникновением Китайской Народной Республики на Дальнем Востоке. США тешили себя тем, что наша страна, истощенная войной, не сможет противостоять их экономическому давлению. Кружило голову послерузвельтовской администрации и монопольное обладание ядерным оружием.

Действительно, Советский Союз понес в Великой Отечественной войне тяжелые потери не только в людях. Немцы разрушили 1710 городов, более 70 тысяч сел и деревень лежали в руинах. Были выведены из строя около 30 тысяч промышленных предприятий, 1876 совхозов и более 98 тысяч колхозов.

На Западе считали, что на восстановление хозяйства Москве потребуются многие десятки дет, но энтузиазм нашего народа опрокинул все эти оценки. К 1948 году, всего за тридцать месяцев, объем промышленного производства был не только восстановлен, но и превзошел довоенный уровень. Укреплялись, а не ослаблялись и международные позиции Советского Союза, расширялся фронт борьбы за прочный мир, против гонки вооружений.

Внешней разведке предстояло с максимально возможным опережением вскрывать намерения Запада по отношению к нам и в целом против международных прогрессивных сил. Если судить по содержанию материалов, поступавших в англо-американский отдел информационного управления ПГУ, эта за дача решалась

успешно. Внешняя разведка регулярно информировала руководство страны по наиболее актуальным вопросам мировой политики и международных отношений.

В основном это была информация с Американского континента от надежных агентов, не затронутых предательством Бентли (о котором речь впереди) из Великобритании, где успешно вели разведку члены «пятерки» во главе с К.Филби и ряд других наших ценных агентов; из Франции, где эффективно действовала резидентура под руководством Н.П.Лысенкова. Не менее результативно решала информационные задачи внешняя разведка и в Западной Германии, хотя американцы широко использовали против нас кадры бывших фашистских спецслужб. Особенно актуальной наша работа в Германии стала после того, как в сентябре 1949 года образовалось сепаратное западногерманское государство.

Создание в апреле 1949 года НАТО потребовало концентрации усилий внешней разведки на выявлении планов и замыслов этой организации Запада. Возникновение СЭВ в 1949 году выдвинуло другую достаточно сложную задачу: защиту экономических интересов государств Восточной Европы.

На фоне этих международных событий и напряженной борьбы двух противостоящих мировых политических систем многие события внутренней жизни страны не привлекали внимания нашей службы. Нас, разведчиков, интересовало прежде всего то, что находило отражение на международной арене. Например, постановления ЦК КПСС о творческой интеллигенции (в 1946 году о журналах «Звезда» и «Ленинград», о репертуарах театров; в 1948 году об опере «Великая дружба» Мурадели), совещания и дискуссии (по философии в 1947 году, биологии в 1948 году, филологии и языкознанию в 1950 году, политэкономии в 1951 году), поскольку все они вызывали бурную реакцию на Западе и отражались на оперативной обстановке в капиталистических странах. Но должен признаться, что мы как-то спокойно реагировали на события внутри страны (может быть потому, что не знали всей их подноготной). Разумеется, в свете нынешней информации эти события воспринимаются совершенно по-иному. Для меня лично было большим откровением то, что всплыло сейчас в области биологических наук, и особенно было горько узнать о трагической участи гениального ученого Николая Ивановича Вавилова.

Припоминаю, что в то время недоумение вызвало у нас вторжение Сталина в область языкознания. Вероятно, потому, что хотя мы и не были профессионалами-филологами, но, изучая иностранные языки, знакомились и с этой наукой. Понимая, что

Сталин мог опираться в своих суждениях на знания экспертов-ученых и использовать результаты их научных изысканий, мы не особенно вдавались в тонкости державной критики, тем более что она не затрагивала нас практически, мы видели свою задачу лишь в том, чтобы давать объективную информацию о реакции в мире на события нашей внутренней жизни.

Несмотря на потерю в первые послевоенные годы некоторых важных информационных возможностей, в частности, из-за консервации резидентуры Рида и других ценных источников в США, поток разведывательных данных не уменьшался, а возрастал. Было видно, как объем сведений, растущий во всем мире и ведущий к «взрыву информации», неизбежно увеличивает и долю ее секретной части. А это уже объект интересов всех спецслужб мира, так же как и нашей внешней разведки. Только в 1960 году на Западе вышло более 60 тысяч названий периодики, многие из которых содержали секретные данные, требовавшие нашего внимания.

Важным разделом информационно-аналитической работы являлось разоблачение дезинформации Запада. Еще в первые послевоенные годы, когда внешняя разведка МГБ не имела специального подразделения для так называемых активных мероприятий, наши западные оппоненты вели широкомасштабную дезинформационную деятельность. Это не помешало им позднее, в 60-е и последующие годы, кричать об угрозе советской дезинформации. Между тем родоначальниками этой ветви психологической войны против Советского Союза были именно спецслужбы ведущих капиталистических стран. О масштабах этой работы можно судить по появлению серии таких капитальных «научных трудов», как «Пропаганда, средства передачи информации и общественное мнение» Смита, Ласуэлла и Кази, «Пересмотренная психологическая война» Спайера или «Стратегические психологические операции и американская внешняя политика» Холта и фон де Велде.

В чем состояла стратегия американских пропагандистов психологической войны? Ее авторы выделяют четыре вида механизмов и четыре доступные тактики.

К механизмам относятся: пропаганда, распространение слухов, прямое сообщение «от лица к лицу» и, наконец, символические акты. Доступные тактики: обман, разъяснение, террор и ободрение.

Тут есть все: от обмана до террора, и говорится об этом от крыто. На поддержку такой тактики были призваны перебежчики Голицын, Левченко и Биттман, причем Голицын так заврался, что хозяева поручили Левченко и Биттману немного скорректировать

его, дабы продемонстрировать свою «объективность». Но, как говорит польский писатель-юморист Станислав Ежи Лец, «всегда найдутся эскимосы, которые разработают для жителей Конго инструкцию, как вести себя во время жары».

Разветвленный пропагандистский аппарат создавал мощную психологическую базу «холодной войны». Для ее разжигания требовался все новый и новый горючий материал. С одной, особенно вонючей, порцией «масла в огонь», подброшенной ФБР, мне довелось столкнуться в ту пору, когда с образованием Комитета информации я возглавил американское отделение информационно-аналитической группы.

В 1948 году начался большой судебный процесс над «советскими шпионами» в США. Их назвала властям наш бывший агент Элизабет Бентли. История же этого провала такова. Еще в предвоенные годы, когда руководитель нелегальной группы Джекоб Голос стал сотрудничать с легальной резидентурой, он привлек к работе большое количество американцев, служивших в различных ведомствах США. Наиболее ценных агентов легальная резидентура брала к себе на связь и после необходимой проверки самых надежных передавала в нелегальную резидентуру Рида.

Голос был перегружен работой. Поэтому он решил часть агентов, которые не требовали постоянного руководства, переключить на свою связную Бентли. Поначалу он не раскрывал перед ней личных данных и род занятий своих секретных помощников, передававших свои сообщения в запечатанных пакетах. Но постепенно стал больше доверять этой женщине. И это неудивительно: они вступили в любовную связь. Так Бентли узнала многое о нелегальной группе. К тому же еще Г.Б.Овакимян, а затем В.М.Зарубин иногда встречались с этой женщиной как с курьером Д.Голоса. Таким образом для нее перестало быть секретом, кто в США возглавлял легальную резидентуру советской внешней разведки. Когда же Голос тяжело заболел, он вынужден был еще больше прибегать к помощи Бентли, и она смогла узнать некоторых из его агентов. Ей стали известны и фамилии тех американцев, которые в какой-то мере интересовали нашу службу, хотя и не сотрудничали с ней.

После смерти Голоса резидентура пыталась получить у Бентли оставшиеся после него материалы, но она тянула время и даже пыталась нас шантажировать. Приняв предварительно все необходимые меры к защите агентов, сотрудничавших в свое время с Голосом, связь с Э.Бентли полностью прекратили в декабре 1944 года. Эта мера оказалась своевременной.

Спустя год Бентли добровольно явилась с повинной в ФБР, рассказала о себе как о курьере советской разведки, густо

переплетая известные ей факты с ложью и фантастическими вы думками.

Как только нам стало известно о явке Бентли в американскую контрразведку и еще до придания этого факта гласности, все дела, имевшие отношение к группе Д. Голоса, пришлось вновь тщательно проанализировать. Поскольку не было полной уверенности в том, что Бентли не расшифровала некоторых ценных агентов, связь с ними была прекращена. Нам надо было внести ясность в то, как идет расследование в ФБР.

По громкой шумихе дело Бентли во многом напоминало «историю с Гузенко». Что же касается конкретных доказательств, то у Бентли, в отличие от Гузенко, на руках не было ни одного документа или других улик. Внешняя разведка по своим каналам внимательно следила за ходом дела в ФБР и на каждое намечавшееся там мероприятие реагировала заранее, чтобы блокировать любую провокацию.

Так, было известно, что директор ФБР Эдгар Гувер придает особое значение показаниям Бентли и списку названных ею более чем ста американцев, будто бы причастных к «советскому шпионажу». В большинстве это были прогрессивно настроенные люди, демократы и антифашисты, к нашей агентуре никакого отношения не имевшие, но в этом списке, конечно, оказались и агенты внешней разведки. Нам удалось своевременно предупредить их об опасности.

Поскольку один из агентов, руководящий сотрудник госдепартамента, был привлечен к работе еще Н.М.Бородиным, а во время войны входил в резидентуру Рида, было признано целесообразным отозвать из США Рида, а его резидентуру законсервировать. Решили, чтобы уехал и В.М.Зарубин.

Между тем «дело Бентли» было использовано Вашингтоном, чтобы организовать шумную кампанию против тех американских граждан, которых Бентли одним махом зачислила в шпионы только потому, что от Д.Голоса ей были известны их антифашистские настроения. Из названных ею более ста человек пятьдесят один американец, как говорилось в официальном документе ФБР, представили «большой интерес» для этого ведомства, а двадцать семь человек являлись сотрудниками правительственных учреждений. По указанию Гувера бюро бросило свои наиболее квалифицированные кадры на получение изобличающих доказательств. Пытались использовать в этих целях и саму Бентли. Ей присвоили псевдоним «Грегори» и подсылали с провокационными целями к названным ею лицам. Два года безуспешных попыток в этом направлении так ничего и не дали. Американская контрразведка не могла и заподозрить,

что мы имели возможность с помощью агентуры внимательно следить за каждым шагом ФБР. Подавляющее большинство подозреваемых, естественно, никак не реагировало на «подходы» провокаторов, в том числе и самой Бентли, так как действительно не сотрудничало с нами.

На помощь ФБР поспешила и комиссия конгресса по расследованию антиамериканской деятельности. Она вызывала каждого подозреваемого и подвергала унизительным и изнурительным допросам. Насколько нам известно, никто из них так и не признал своего участия в «советском шпионаже».

Хочу сказать, что большинство ценных источников информации, сотрудничавших с внешней разведкой на идейной основе, были истинными американскими патриотами. Свою помощь Советской России в борьбе с гитлеровской Германией они рассматривали как долг перед демократической Америкой, поскольку США и СССР сражались вместе против общего врага.

Навязывая миру «холодную войну», известные силы в Соединенных Штатах заимствовали многое из гитлеровского арсенала психологических подрывных акций. Дело в том, что немецкая разведка многие годы активно поддерживала пронацистские настроения в США и Англии. Своими происками в руководящих кругах Лондона она стремилась удержать Великобританию от выступления против Германии, именно поэтому нам важно было активизировать работу известной «пятерки» агентов, возглавляемой К.Филби, с тем чтобы знать об этих происках и вовремя предупреждать советское правительство о возможных маневрах реакционных кругов Альбиона.

Еще с большим размахом психологическую войну немецкая разведка вела в США. По документальным данным известного американского исследователя разведслужб Ладислава Фараго, в 1938 году гитлеровцы располагали за океаном десятками опытных шпионов — больше чем в любой другой стране, за исключением Польши и Франции.

Нацистская разведка завербовала президента Конгресса производственных профсоюзов Джона Л. Льюиса, игравшего главную роль в проведении трех крупных акций:

— в 1938 году благодаря его стараниям было налажено снабжение Германии мексиканской нефтью;

— в 1939 году Льюис помогал безуспешным тайным усилиям немцев привлечь Рузвельта к участию в кампании по установлению «мира» в Европе на условиях, продиктованных Гитлером;

— в 1940 году Льюис принимал самое активное участие в закулисных интригах с целью не допустить избрания Рузвельта

президентом на третий срок. Это была самая крупная операция нацистов в Соединенных Штатах. Попутно хотел бы привлечь внимание читателя к некоторым соображениям Ладислава Фараго. Он считал, что «ни одна разведка, какой бы разветвленной и эффективной она ни была, не в состоянии предугадать неумолимый ход событий». И приводит такой пример: абвер — немецкая военная разведка и контрразведка — располагали сотнями агентов в районе, прилегающем к западной части Средиземного моря, однако не смог предупредить о времени высадки союзных войск в Северной Африке осенью 1942 года. Тем не менее, отмечает Фараго, разведывательные службы оказывают «гораздо большее влияние на ход истории, нежели на историков. За любым крупным событием, за спиной каждого государственного деятеля, причастного к этим событиям, стоят разведчики, однако авторы научных хроник то ли из-за высокомерия, то ли из чувства брезгливости игнорируют их вклад и редко называют их имена».

Можно только поддержать такую позицию американского исследователя. Примеры тому — Зорге и некоторые другие наши разведчики, предупреждавшие об угрозе нападения Германии на Советский Союз и даже называвшие точную дату начала агрессии. Другой пример — вскрытие крупных подрывных акций Запада Блейком и Филби, между тем как роль этих разведчиков игнорировалась в нашей исторической литературе. Правда, виной во многом была и чрезмерная секретность, но чаще такое отношение диктуется желанием присвоить чужие лавры. Иногда умолчание о действительных инспираторах операций внешней разведки объясняется желанием контрразведки приписать себе побольше заслуг. Сошлюсь на разоблачение шпиона Пеньковского. Первоначальный сигнал получили сотрудники внешней разведки. Все остальное, как говорится, было «делом техники». Или обнаружение подслушивания и перехвата советских стратегических линий связи американцами приписывается внутренним органам госбезопасности, в то время как об этом советской разведке дал исчерпывающие материалы ее агент Рональд Пелтон, сотрудник Агентства национальной безопасности США[28].

В работе по анализу информации мой, тогда еще не большой, опыт уже подсказывал немало соображений, проверенных в беседах с такими опытными коллегами, как В.М.Зарубин и И.А.Ахмеров. Считается, что приблизительно 50 процентов разведывательной информации поступает из открытых источников, 40 процентов добывается с помощью технических средств: через спутники, авиаразведку, подслушивание,

радиоперехват и так далее. Остальные 10 процентов приходятся на человеческий фактор — на добытчиков информации. Но, как показывает жизнь, именно эти 10 процентов самые ценные.

Не случайно бывший директор ЦРУ Уильям Уэбстер назвал человеческие ресурсы «наиболее жизненно важной частью разведывательной деятельности — только с их помощью можно вскрывать намерения».

А раз речь идет о человеке, то вступают в силу закономерности психологии, надо сказать, достаточно эффективно использованные поджигателями «холодной войны». Учитывая страх людей перед опасностью возникновения нового мирового вооруженного конфликта, Запад изображал инициатором «холодной войны» Советский Союз, несмотря на то, что с первых послевоенных дней наша страна на всех встречах своих руководителей с западными лидерами неустанно вносила все новые мирные предложения и шла на компромиссы. Так, в начале 1949 года, когда североатлантические союзники решили создать сепаратное западногерманское государство, Советский Союз выступал за объединение Германии и старался предотвратить бессмысленную гонку вооружений, а западные союзники следовали курсу конфронтации. Они, в частности, начали широко практиковать похищения советских людей, в том числе и сотрудников внешней разведки. Сейчас трудно сказать, сколько из тех так называемых «добровольных» переходов к американцам и англичанам людей, фигурировавших в числе перебежчиков, были действительно добровольными и сделаны по собственной инициативе. Судя по выявленным внешней контрразведкой фактам насильственного захвата, а затем обработки известными и неизвестными, в том числе фармакологическими средствами, во многих случаях это были прямая провокация и насилие. Одно лишь «дело Гузенко» и то, как вокруг него западные средства массовой информации раскручивали спираль дезинформации, многому нас научило.

Настораживали и приходившие к нам из разных источников сведения о том, что в интересах формирования общественного мнения США в духе «холодной войны» ЦРУ и ФБР использовали тот же метод провокаций и дезинформации против собственных граждан. Но так как всё тайное непременно становится явным, в 80-е годы такая деятельность спецслужб взбудоражила американское общество. Когда ФБР пошло на прямую провокацию против членов конгресса и сотрудников других властных органов, подставляя им свою агентуру с соблазнительными предложениями незаконных заработков, скандал вышел наружу.

Глава 5. Нелегальная — самая совершенная

В созданном в 1920 году Иностранном отделе (ИНО) ВЧК грани между разведывательной работой с легальных и нелегальных позиций практически не существовало. Преобладал подход: есть конкретная задача — под нее и подбираются необходимые силы и средства. За кордон по нелегальным каналам направлялись и кадровые сотрудники ИНО, и агенты-иностранцы. Надо сказать, что в этот период разведка с нелегальных позиций активно использовала опыт дореволюционного большевистского подполья.

В дополнение к заброске нелегалов, решавших, так сказать, конкретные разовые поручения, в некоторых странах создавались постоянные разведывательные точки. Уже в 1922 году небольшая нелегальная резидентура возникла во Франции, в следующем году — в США. И в ту, и в другую входили надежные агенты из числа иностранных граждан.

Дальнейшее упрочение внутреннего и внешнего положения Советского Союза сопровождалось расширением внешней разведки в значительной мере с использованием нелегальных средств и методов. Так, в 1926 году в Скандинавские страны направили В.М.Зарубина. Это была его первая поездка за кордон. Созданная им нелегальная резидентура начала действовать уже через год. До войны такие точки возникли в Австрии, Германии, Англии и Китае.

В Англии, когда с этой страной у СССР еще не было дипломатических отношений, особенно активно действовала группа нелегалов во главе с Б.Я.Базаровым. В ней были люди, имевшие доступ в правительственные и политические круги. Они добыли немало важной политической информации и военно-технической документации. Позднее, в 1939 году, там начала работать еще одна нелегальная резидентура — известная теперь пятерка К.Филби. Она переправила в Центр около 20 тысяч важных информационных материалов, из которых более 90 процентов составляли документы.

В Италии в 1934 году нелегальную резидентуру возглавлял М.М.Аксельрод. С ним мне довелось познакомиться в 1938 году во время учебы в ШОН. Тогда он был заведующим учебной частью школы и читал очень интересные лекции.

До установления дипломатических отношений между СССР и США в ноябре 1933 года разведывательная работа в этой стране

проводилась главным образом с нелегальных позиций. Началась она, как я уже упоминал, в 1923 году.

Франкистский мятеж в Испании в 1936 году и вооруженная интервенция в эту страну Германии и Италии, политика поощрения этой агрессии Англией и Францией под лицемерным лозунгом невмешательства сделали остро необходимым проникновение в стратегические планы и военные приготовления Лондона и Парижа, равно как и гитлеровского руководства, открыто провозгласившего программу расширения жизненного пространства за счет Советского Союза.

В связи с обострением обстановки в Германии туда в 1934 году был направлен В.М.Зарубин.

Короче говоря, в предвоенный период был создан эффективно действовавший нелегальный аппарат — до полутора десятка точек в различных странах.

Решение задачи облегчало наличие кадров, имевших опыт подпольной борьбы с царским самодержавием, в том числе в условиях эмиграции, а также патриотов, закаленных в ходе гражданской войны и борьбы с контрреволюцией в первые годы советской власти. Благоприятствовало и то обстоятельство, что за рубежом было немало патриотически настроенных выходцев из России.

Если же говорить о слабой стороне организации нелегальной разведки в 20-е и 30-е годы, то это была несовершенная связь между нелегалами и Центром. Сказывались и отсутствие необходимого числа легальных резидентур, и недостаточная активность уже созданных.

Но, несомненно, огромный, если не сказать чудовищный, ущерб внешней разведке, особенно ее нелегальному аппарату, нанесли во второй половине 30-х годов сталинские репрессии, проводимые Ежовым и Берией, которые оказались в руководстве органов государственной безопасности. Не менее сложным для нелегальной службы был период, предшествовавший смерти Сталина и разоблачению Берии. В эти годы на грани уничтожения оказались многие зарубежные нелегальные структуры.

С 1939 года нелегальной разведкой руководил 5-й отдел ГУГБ НКВД СССР, который в феврале 1941 года был преобразован в Первое (разведывательное) управление. Растущая угроза германской агрессии выдвинула перед внешней разведкой главную цель — обеспечить получение сведений о планах и намерениях Гитлера и его союзников, помешать им создать военные и разведывательные плацдармы на Американском и Азиатском континентах.

В начале войны в Латинской Америке нам удалось

задействовать нелегальную разведывательно-диверсионную группу во главе с Максимовым, который прибыл в Аргентину в канун 1941 года. Он имел опыт подпольной работы в буржуазной Литве, сражался за республиканскую Испанию в 1936-1937 годах, действовал в нелегальных условиях в других странах. Перед ним поставили задачу организовать диверсии на морских путях снабжения Германии стратегическим сырьем из латиноамериканских стран. За два с половиной года на судах, шедших в германские порты, было заложено более 150 мин, многие транспорты пошли ко дну. Удалось также уничтожить несколько складов в портах Аргентины. Я еще вернусь к рассказу об этом выдающемся разведчике.

В США — я уже об этом говорил — всю войну успешно действовала нелегальная резидентура Рида. В октябре 1943 года в Италии развернула работу нелегальная точка, возглавлявшаяся Боевым. С этим замечательным разведчиком я познакомлю читателей ниже.

Упоминаю о всех этих событиях, в которых мне довелось участвовать на разных этапах моей службы потому, что с той поры, когда я попал в ШОН, именно работа с нелегальных позиций привлекала меня больше всего. Видимо, судьба с самого начала определила мне этот путь в разведке как главный. Ведь еще в 1938 году меня стали готовить на роль нелегала, и только неблагоприятное стечение обстоятельств увело на несколько лет на другие тропы. А жаль. Ведь нелегальная разведка — это самый совершенный вид секретной службы.

Встречи с И.А. Ахмеровым и В.М. Зарубиным вновь укрепили меня в убеждении, что нелегальные формы разведки — это то, к чему следует стремиться. И когда во второй половине 1949 года начальник нелегальной разведки А.М.Коротков предложил мне перейти в его службу, я без колебаний согласился. Так я стал старшим помощником начальника американского отдела нелегального управления внешней разведки.

Здесь жизнь свела меня со знаменитым Рудольфом Абелем (его настоящее имя Вильям Фишер) и его семьей, а также с его коллегами по работе в США супругами Питером и Хелен Крогерами (Моррис и Леонтина Коэны). Я привлек на нелегальную стезю Конона Трофимовича Молодого, ставшего впоследствии резидентом в Англии Гордоном Лонсдейлом, и руководил его подготовкой, а также переброской к нему Крогеров.

Мне довелось заниматься выводом за рубеж многих сотрудников нелегальных резидентур, руководить их работой. Среди них были и ставшие известными широкой общественности

Сеп и Жанна, Халеф и Бир, Патрия и Боевой и многие другие, о ком пока говорить еще не время — их разведывательный ресурс далеко не исчерпан. Но о некоторых разведчиках, тех, кто попал в поле зрения иностранных спецслужб, я намерен рассказать ту правду, которую наши противники либо скрыли, либо преднамеренно исказили.

И пусть читателя не смущает тот факт, что в большинстве случаев рассказ мой коснется именно таких сотрудников, ибо о других, успешно действующих, я, по понятным причинам, говорить не могу. Многих моих славных коллег, о ком я собираюсь рассказать, к сожалению, уже нет в живых, но всей своей жизнью они заслужили добрую память.

Начался один из самых интересных периодов моей разведывательной карьеры. Он продолжался до 1961 года. Двенадцать лет я активно участвовал в организации работы нелегальной разведки. Большую часть этого времени моим начальником был А.М.Коротков. Поэтому мне хотелось бы представить подробнее этого выдающегося разведчика. Он занимал в разведслужбе какое-то особенное место. Способность быстро и без колебаний принимать ответственные решения, стремление не уклоняться от ответственности за порою рискованные ходы заметно выделяли его среди других руководителей. Напомню, как вел себя Коротков на совещании у Берии в 1940 году. Тогда он отвечал наркому твердо и уверенно, без тени смущения. И, наверное, за такое смелое поведение буквально через несколько недель его направили в Берлин.

После почти девяти лет совместной работы с Александром Михайловичем я могу сказать, что он был очень схож с В.М.Зарубиным. Оба они прошли непростой путь, хотя Коротков был моложе Василия Михайловича на пятнадцать лет; оба имели опыт нелегальной работы в фашистской Германии (правда, Коротков был там не так долго, как Зарубин).

Но главное, что сближало этих необыкновенных людей, — готовность к оправданному риску, решительность, умение под держать каждого сотрудника, если он представлялся им человеком, искренне стремящимся хорошо делать порученное дело. В то же время А.М.Короткова отличала от В.М.Зарубина нетерпимость к тем, кто манкировал своими обязанностями, бездельничал или проявлял нерешительность, в чем Александр Михайлович справедливо усматривал недостойную разведчика трусость. С другой стороны, он не был зашорен: внимательно выслушивал возражения коллег, спокойно их анализировал и, признав правоту оппонента, смог изменить свое первоначальное решение.

Как я убедился, он охотнее работал с теми сотрудниками, кто отстаивал свои взгляды и оценки, чем с теми, кто безропотно принимал любое указание. Сказывалось его расположение к тем, кто готов был противопоставить твердым и решительным позициям начальства такие же твердые, аргументированные возражения.

А.М.Коротков родился в Москве в 1909 году. После средней школы начал в 1928 году работать электромонтером по обслуживанию жилых домов. Осенью того же года был принят на работу в ОГПУ монтером по лифтам хозяйственного отдела, а затем делопроизводителем в одно из отделений ИНО. Природные способности, острый ум и прекрасная память позволили Александру Михайловичу за короткое время освоить азы разведывательной работы, достаточно хорошо изучить немецкий язык. В 1933 году его направили в первую командировку по австрийским документам во Францию, и он хорошо справился с заданием. Свою поездку Коротков использовал для совершенствования иностранного языка и успешной обкатки в роли нелегала. В 1937 году в краткосрочной нелегальной командировке он весьма удачно провел в фашистской Германии вербовку крупного ученого-химика. А через год ему довелось выполнять за кордоном еще более ответственные и рискованные задания.

В начале 1940 года Коротков был командирован в Берлин. К тому времени многие сотрудники легальной резидентуры были отозваны, оставалось всего два оперативных работника. Надо было практически самому обеспечивать связь с действовавшей агентурой, восстанавливать работу с законсервированными агентами. И это при том, что условия работы советских разведчиков в стране, готовившейся к нападению на СССР, все более осложнялись. Тем не менее на связи у Короткова находились самые ценные источники — Харро Шульце-Бойзен, Арвид Харнак, Грета Кукхоф, возглавлявшие разветвленную агентурную организацию, которая после войны стала известна как Красная капелла.

Сейчас мы знаем о печальной судьбе полученной от этих ценных агентов информации: Сталин ее игнорировал. Короткова очень беспокоило отсутствие какой-либо реакции Центра на важные сведения. Поэтому он в конце марта 1941 года смело обратился с письмом к Берии, убедительно доказывая, что нападение Германии на СССР намечено на ближайшие недели. Но и эту информацию постигла та же участь, что и со общения других наших разведчиков.

После нападения Гитлера на Советский Союз Коротков вместе

с сотрудниками посольства покинул Германию в июле 1941 года. Но еще не раз ему пришлось работать в этой стране. В годы Великой Отечественной войны он возглавил отдел, ведавший разведкой в фашистской Германии и на оккупированных ею территориях. Трудное это было время. Надо было непоколебимо верить в победу, чтобы хладнокровно руководить подготовкой и заброской агентуры в глубокий немецкий тыл, на территорию самой Германии и ее сателлитов, осуществлять связь с нелегальными группами.

Вскоре после окончания войны, в 1946 году, становится одним из руководителей внешней разведки. На этом посту ярко проявились его выдающиеся способности. Забегая вперед, скажу, что скончался А.М. Коротков, занимая важный пост Уполномоченного КГБ СССР в Германии. В июне 1961 года он находился в командировке в Москве, там с ним случился острый сердечный приступ, и спасти его не удалось.

Переход в нелегальную разведку резко изменил режим моей работы. В англо-американском отделе не было ни начальника отдела, ни его заместителя. Все замыкалось на помощнике начальника отдела и мне. На нас легла тяжесть многообразных обязанностей по руководству уже созданными резидентурами и отдельными нелегалами, выведенными за кордон по подбору, подготовке и направлению за границу новых сотрудников. Все шло в стремительном темпе — одно дело накладывалось на другое, разные по характеру задачи требовали быстрых решений. Ко всему добавлялись трудности из-за слабой ориентированности легальных резидентур в специфике нелегальной работы; были срывы в организации связи с подпольщиками.

Встреча с отъезжающим нелегалом тут же сменялась беседой с новым кандидатом или с необходимостью подбодрить товарища, который начинал хандрить из-за затяжки с отправкой за кордон. Ориентироваться в таком калейдоскопе забот, находить оптимальные решения в трудных ситуациях очень помогли мне беседы с такими экспертами, как В.М.Зарубин и И.А.Ахмеров. Хотя Василий Михайлович уже в 1949 году находился в отставке, я продолжал поддерживать добрые отношения с ним и его женой, и это порою помогало мне прояснить некоторые сложные проблемы, возникавшие в работе. Что касается Исхака Абдуловича, то он еще продолжал работать, и это облегчало возможность получить ценный совет выдающегося разведчика.

Ежедневно из легальных резидентур шел поток телеграмм, в том числе были срочные депеши в ночное время, требовавшие немедленного ответа. Например, поступало сообщение о

полученном нью-йоркской или иной легальной резидентурой срочном вызове на встречу с нелегалом. На самом же деле, как часто оказывалось, нелегал сигналом лишь подтверждал получение радиопередачи. Но это выяснялось позже, а пока…

Учитывая, что телеграммы сначала читало руководство ПГУ, а иногда и министерство госбезопасности, если приходило особо тревожное сообщение, то станет понятно, почему почти каждую ночь меня будили звонком из секретно-шифровального отдела. Первоначально по неопытности я сразу вызывал дежурную машину и мчался разобраться с такой депешей. Позже, прибегая к заранее разработанному коду, выяснял по телефону, о чем идет речь, и прямо из дома переадресовывал такие срочные сообщения другим работникам либо откладывал решение до утра.

Анализ появления многих ложных тревог привел нас к выводу, что в легальных резидентурах нужно иметь работников нашей службы, специально подготовленных к обеспечению связи с нелегалами и проведению других особых операций. Подбором и подготовкой таких сотрудников мы и занялись, что, конечно же, не способствовало уменьшению забот.

Первое время моей работы в нелегальной разведке вплоть до 1953 года проходило в условиях частой смены организационных структур и их руководителей.

В 1947 году, как я уже упоминал, по чьей-то фантазии внешняя разведка МГБ СССР была выведена из этого министерства и сведена с военной разведкой, изъятой из Министерства обороны СССР. Возник Комитет информации, в нем было создано несколько подразделений, одним из которых было Управление нелегальной разведки. Однако в ноябре 1951 года разведывательные службы были выведены из состава КИ и вернулись в свои ведомства. В этот период вплоть до смерти Сталина в марте 1953 года МГБ руководил С.Д.Игнатьев. А потом Министерство госбезопасности и внутренних дел были объединены в одно ведомство. Это объединенное Министерство внутренних дел возглавил Берия. Огромный монстр пережил своего хозяина, после смещения Берии в конце июня 1953 года и до марта будущего года МВД командовал С.Н.Круглов.

Тогда из него вновь выделились службы государственной безопасности и было образовано отдельное ведомство — Комитет государственной безопасности при Совете министров СССР, у руля которого встал И.А.Серов.

Внешняя разведка в период этих реорганизаций прошла через ряд болезненных пертурбаций. После выхода из состава КИ в 1952 году ее возглавил С.Р.Савченко, затем в следующем году появился П.Н.Кубаткин. Потом откуда-то возникла фигура В.С.Рясного, не

имевшего никакого понятия о разведке и быстро получившего за свое профессиональное невежество прозвище Василий Темный. Он процарствовал всего один месяц. Кадровая свистопляска закончилась только с разоблачением Берии, после чего временно руководил внешней разведкой Е.П.Питовранов, высококвалифицированный профессионал, который за короткое время сумел оставить заметный след в ее деятельности. Вскоре он выехал на работу в ГДР, где успешно руководил представительством КГБ СССР. После него временно исполнял обязанности начальника разведки А.М.Коротков, пока в начале 1954 года на этот пост не назначили А.С.Панюшкина.

Помимо изменений в руководстве разведкой Берия за время своего хозяйничанья в органах безопасности провел реорганизацию аппарата министерства. В мае 1953 года он произвел ломку всей структуры внешней разведки, переименовав ПГУ во Второе (разведывательное) управление (ВУ) и значительно сократив штаты. Нелегальное управление было ликвидировано. Его отделы слили с соответствующими географическими отделами. Личный состав, естественно, сократили почти вдвое. Подразделения ВУ должны были вести разведку как с легальных, так и с нелегальных позиций.

При реорганизации Берия дал указание вызвать в Центр многих сотрудников легальных и нелегальных резидентур, чтобы провести очередную чистку. Помня об огромном ущербе, нанесенном аналогичным вызовом нелегальным кадрам в 1938-1939 годах, я на свой страх и риск под разными предлогами оттягивал исполнение этого указания. Думаю, что это во многом помогло сберечь многие ценные кадры и сохранить завоеванные нами позиции за кордоном.

13 марта 1954 года решением правительства ПГУ было восстановлено в составе КГБ. Вновь образовали нелегальное управление, которым стал руководить А.М.Коротков. Я же был назначен его заместителем.

Читатель, полагаю, уже достаточно знаком с Александром Михайловичем. Мне хочется лишь сказать о том, что я глубоко признателен ему за возможность проявить свои способности в этой сложной разведывательной профессии. Хотя наши взаимоотношения не всегда были безоблачными, это никак не отражалось на главном — на работе по организации эффективного разведывательного аппарата.

Совершенно другим был сменивший Короткова в 1956 году А.А.Крохин. Если А.М.Коротков, также будучи одновременно заместителем начальника всей разведки, никогда не уклонялся от решения сложных вопросов по нашей линии, Алексей Алексеевич

предпочитал при малейшей возможности перекладывать все на меня — своего заместителя. Я не был против, охотно брался за дело, и чем сложнее оно было, тем интереснее мне было найти оптимальное решение. Что меня не устраивало, так это стремление А.А.Крохина все уже решенные мною дела снова подробно рассматривать, и не только со мною, но и с привлечением тех сотрудников, с которыми я уже все обсудил самым тщательным образом. Была неприятна не столько эта своеобразная форма недоверия, как то, что обычно повторное рассмотрение сводилось лишь к редакционным, чисто стилистическим поправкам подготовленных документов и указаний.

А.А.Крохин оставался начальником нелегальной разведки всего около трех лет, одновременно являясь заместителем начальника ПГУ. По единодушному мнению сотрудников, он не оставил заметного следа в нашем подразделении. Хотя, справедливости ради, надо отметить, что Алексей Алексеевич был опытным разведчиком и контрразведчиком и до прихода к нам успешно руководил резидентурой в Париже.

В 1950 году А.М.Коротков временно отключался от руководства нелегальной службой, в этот период вплоть до его воз вращения в конце 1952 года ее начальником был Арсений Васильевич Тишков. Родился он в 1909 году. В органах государственной безопасности служил с 1935 года. Во время Великой Отечественной войны был нашим офицером связи при главном штабе Югославской национально-освободительной армии. После двухлетнего с небольшим руководства нелегальной службой он стал начальником Высшей школы КГБ, затем начальником разведывательной школы ПГУ. Человек вдумчивый и в высшей степени эрудированный, мягкий в обращении с подчиненными, он слабо ориентировался в проблемах нелегальной разведки. Чувствуя себя не на месте, А.А.Тишков не стеснял нас, руководителей подразделений, своими указания ми и предоставлял нам большую свободу действий, что нас вполне устраивало.

Не буду касаться тех кадровых перемен, которые происходили в службе нелегальной разведки после моего ухода оттуда в 1961 году. Но о некоторых сотрудниках, составлявших с самого начала ее костяк, хочу сказать хотя бы коротко. Это опытнейшие профессионалы полковники Р.А.Агамалов и Н.М.Горшков и генерал-майор В.Я.Барышников, занимавшие должности заместителей начальника управления в 40-60-х годах. Это начальник отдела документации полковник Г.А.Соколов, сам в прошлом нелегал, ставший в 60-х годах заместителем

руководителя управления. Это начальник отдела безопасности полковник Д.П.Тарасов, под руководством которого проводились операции по вызволению Р.И.Абеля, К.Т.Молодого и других попавших в беду кадровых разведчиков и агентов. Это и один из старейших сотрудников службы нелегальной разведки полковник Н.А.Корзников, занимавший должность заместителя начальника управления в 70-80-х годах. С Николаем Алексеевичем и его семьей меня связывала дружба с 1940 года. Он участвовал в подготовке почти всех молодых сотрудников к нелегальной работе и знал всех наших ветеранов. Это он выезжал в Берлин в 1962 году для встречи вызволенного из американской тюрьмы Р.И.Абеля. Это он отвечал за операции по обмену Г.Лонсдейла и четы Крогеров, попавших в английские тюрьмы.

Я бы мог сказать немало добрых слов и о других моих сослуживцах по нелегальной разведке, но просто боюсь злоупотребить вниманием и временем читателей. А те, кого я не упомянул, пусть поймут меня правильно и не считают, что я их не ценил и не считаю нужным помнить о них. Мои коллеги по службе в нелегальном управлении всегда со мной.

Прощаясь в 1961 году с подразделением нелегальной разведки, я понимал, что не только получил здесь многое для служебного роста, но и достиг, так сказать, разведывательной зрелости, узнал немало до того неизвестного, глубоко проник в специфику настоящего разведывательного дела.

Сейчас я могу с полной уверенностью утверждать: нет профессии, требующей большей самоотверженности, безграничной преданности своему долгу, чем профессия разведчика-нелегала.

Глава 6. Такие разные подпольщики

Вначале 1950 года А.М.Коротков, внимательно следивший за нашей работой, предложил мне возглавить отдел. Перед этим, еще в 1949 году, Александр Михайлович взял меня на встречу с Р.И.Абелем, завершавшим подготовку к отъезду в Соединенные Штаты. С этого момента я занялся работой с Рудольфом Ивановичем, ставшим впоследствии всемирно известным разведчиком.

Абель. О Р.И.Абеле написано очень много. Вряд ли я могу добавить что-нибудь существенное о нем. Но все же я много лет вел его дело, направлял его работу в США, жил его забота ми и тревогами, успехами и радостями. Переживал, когда он попал в американский застенок. Вместе с другими коллегами ломал голову, как вызволить его оттуда. Поэтому я должен рассказать все, что мне кажется важным, о Рудольфе Ивановиче Абеле, а точнее — полковнике внешней разведки Вильяме Генриховиче Фишере. Ибо таковы настоящие имя, отчество и фамилия нашего выдающегося разведчика-нелегала.

В.Г.Фишер родился в 1903 году в Англии в семье рабочего, политического эмигранта из России. В органах государственной безопасности служил с 1927 года. Через четыре года он попадает в нелегальную разведку. Пробыл за кордоном в общей сложности двадцать лет, из них до 1938 года семь лет в Европе и с 1949 по 1962 год, то есть почти тринадцать лет, в США.

В годы сталинских репрессий увольнялся из органов госбезопасности: его отозвали из нелегальной командировки в 1938 году.

С началом Великой Отечественной войны вновь был призван на работу в разведку. Готовил радистов для заброски в тыл немцев. После войны А.М. Коротков привлек его к нелегальной разведывательной работе. По этой линии он выехал за океан в 1949 году.

Выглядел Вильям Генрихович типичным англичанином или американцем. Все же скорее американским фермером из средних штатов США. Худощавый, с подтянутой фигурой, острыми умными глазами. Он обладал обширными познаниями во многих областях науки и техники, прекрасно разбирался в радиоделе и фотографии, был неплохим художником. Работа с ним доставляла большое удовольствие.

Очень внимательный, В.Г.Фишер уверенно решал практические вопросы, связанные с документацией поездки, знал назубок тщательно отработанную легенду-биографию, условия

связи с Центром и теми агентами, которых мы собирались передать под его руководство. Перед отъездом он ввел меня в свою семью, познакомив с женой Еленой Степановной и дочкой Эвелиной. Подружившись с ними, я не оставлял их без внимания все время, что Фишер находился за кордоном, особенно после его ареста в 1957 году и вплоть до возвращения на Родину через пять лет.

А откуда Абель? Эта фамилия принадлежит другу Вильяма Генриховича, тоже бывшему сотруднику органов безопасности, уволенному в отставку в 1947 году и вскоре умершему. Фишер назвался Абелем после того, как его арестовали американские контрразведчики, чтобы скрыть от них свои подлинные данные и известить нас, что перешел на запасной вариант своей биографии и будет его придерживаться до конца.

Вот как это было.

В конце июня 1957 года мы получили из вашингтонской точки срочную шифровку, в которой со ссылкой на нашего надежного источника, внедренного в ЦРУ, сообщалось, что в резидентуру этой спецслужбы в Париже явился некто Хейнанен, который заявил, что он сотрудник советской внешней разведки, действующий уже несколько лет в США, и попросил политического убежища. Все данные, сообщенные нашим источником, свидетельствовали: речь идет о помощнике Абеля, кадровом сотруднике нашей службы Вике, который встал на путь измены.

Мы немедленно сообщили о случившемся Абелю и предложили ему по получении нашей шифротелеграммы сразу покинуть Нью-Йорк, перейти на запасные документы, перебраться на юг Соединенных Штатов и ждать там наших дальнейших указаний. Немного позже ушла вторая шифровка, в которой говорилось, что в известной ему стране (вряд ли есть необходимость даже сейчас называть, какой именно) для него имеется подготовленный в Центре запасной заграничный паспорт. Абелю нужно получить его и, не задерживаясь, направиться в Европу. Категорически рекомендовалось не посещать ни в коем случае места своего проживания в Нью-Йорке, которые могли быть известны Вику.

Получив подтверждение Абеля о приеме телеграмм, мы обеспечили все необходимое для его безопасного возвращения в Москву. Уверенный в том, что сделано как надо, я выехал в от пуск в Гагры, оставив дело Абеля на попечение начальника американского отдела.

И вот, находясь на отдыхе, в один из июльских дней я включил радиоприемник и стал слушать новости,

передававшиеся, кажется, по «Голосу Америки». Передача шла на английском языке, и вдруг диктор прочитал сообщение: «Сегодня ФБР арестован советский разведчик полковник Рудольф Иванович Абель». Эта новость ошеломила меня. Я сразу понял, что речь идет о нашем нелегальном резиденте Марке (это оперативный псевдоним Вильяма Генриховича Фишера), и бросился к телефону. Начальник американского отдела подтвердил самое худшее. Я попросил выяснить у А.А.Крохина, не нужен ли я в Москве? Мне было сказано, что все возможное для внесения ясности в обстоятельства ареста Абеля делается, я могу не прерывать отпуск и продолжать спокойно отдыхать. Но о каком спокойствии можно было говорить? Все оставшиеся дни до отъезда в Москву я терзался мыслью: где была допущена ошибка? Все известные нам обстоятельства говорили о том, что Абель должен был благополучно выехать из США и вернуться домой, тем более что он сам подтвердил, что надежно укрылся и готов следовать нашим указаниям.

Позже выяснилось, что Абель вопреки нашему совету не появляться по месту своего постоянного проживания в Нью-Йорке на пути за границу решил все же заглянуть в свою квартиру-фотостудию, чтобы — я привожу его слова — «уничтожить возможно оставшиеся там следы своей разведывательной деятельности, какие-либо улики, особенно проверить, не сохранились ли какие-либо сведения о других сотрудниках резидентуры и их связях, то есть гарантировать их безопасность». В этом весь Марк: он, как всегда рискуя собой, прежде всего беспокоился о своих боевых товарищах.

А по этому адресу ФБР организовало засаду. Так Абель попал в руки американских контрразведчиков.

Судебный процесс подтвердил, что наш резидент не оставил ни одного существенного доказательства, которое компрометировало бы кого-либо из связанных с ним лиц. Кроме него самого, фэбээровцы нашли его личную переписку с семьей на русском языке, которую он хранил в тайнике, и ряд пустых контейнеров[29].

В связи с судом над Абелем хочу упомянуть о двух эпизодах.

Первый касался меня лично, я уже обещал к нему вернуться. В книге «Разведывательное сообщество» ее авторы Д.Уайз и Т.Росс пишут, что Вик на допросе сообщил: перед выездом в США в 1952 году он был в багажнике автомашины переброшен через границу из Финляндии в Советский Союз для последнего инструктажа. На вопрос, встречал ли он в Москве В.Г.Павлова, Вик ответил утвердительно и сообщил, что тот в то время был заместителем начальника американского отдела в нелегальной разведке и

давал ему указания.

По этому поводу Д.Уайз и Т.Росс с явным сожалением заметили, что, как оказалось, Павлов не понес наказания из-за «первого большого шпионского провала Советов» в Канаде. Более того, он занял ответственную должность в американском от деле нелегальной разведки Кремля.

О втором эпизоде упоминалось в канадской печати в связи с сообщением о награждении Абеля в 1966 году орденом Ленина. В интервью с одним из корреспондентов Рудольф Иванович подтвердил, что во время ареста в 1957 году ему удалось обвести сотрудников ФБР и уничтожить часть материалов, которые могли быть использованы в качестве важных улик. Он сказал, что сумел также избавиться от микроточки, спрятанной в головке булавки, заколотой в галстук. В этой микроточке содержались очень важные сведения.

Я могу подтвердить, что у Рудольфа Ивановича во время ареста действительно была микроточка, но он сумел хладнокровно уронить ее на пол под носом у фэбээровцев. Таким об разом удалось сохранить важные секреты.

Не следует забывать, что Абелю были переданы супруги Питер и Хелен Крогеры, которые имели отношение к так называемому «атомному шпионажу» и поддерживали связь с несколькими источниками, поставлявшими важную информацию. Правда, работали Крогеры с Рудольфом Ивановичем не долго, так как в 1950 году для них возникла опасность в связи с арестом американской контрразведкой одного из наших агентов, не входившего в их группу, но знавшего, что они связаны с советской разведкой. Поэтому Центр принял решение о срочном выводе супругов-нелегалов из США.

Поскольку о характере разведывательной работы Абеля американской контрразведке так ничего и не стало известно, я, естественно, не собираюсь говорить что-либо более конкретное ни о группе агентов, которыми руководили Крогеры, ни о других агентурных возможностях резидентуры. Могу лишь подтвердить, что мужественное поведение Рудольфа Ивановича после ареста — он не выдал американской службе контршпионажа никаких секретов — позволило нашей разведке сохранить ценную агентуру в США.

После возвращения в 1962 году на Родину Абель продолжил службу во внешней разведке, передавая свой богатый опыт и обширные знания молодым разведчикам.

Умер он 15 ноября 1971 года.

С отъездом Абеля в США у отдела появилась новая нелегальная точка, требовавшая особого внимания, прежде всего

надо было думать о формировании штата резидентуры, подбирать помощников Рудольфу Ивановичу.

Одним из наиболее вероятных кандидатов был молодой разведчик Гарольд, закончивший подготовку. Вторым по рекомендации А.М.Короткова мог быть также завершавший подготовку Вик. Обоих отобрали еще до моего прихода в отдел.

Гарольд — молодой человек, ранее не работавший в органах государственной безопасности, но рекомендованный своим братом, сотрудником контрразведки. Характеризовался он как человек исключительной смелости. Спортивного склада, красивый, темноволосый юноша быстро ориентировался в обстановке. Это я заметил, когда впервые встретился с ним в Москве, куда мы вызвали его из Польши, где он проходил легализацию и языковую практику.

Надо сказать, что к моменту моего прихода в отдел помимо Гарольда и Вика готовились к закордонной работе супружеские пары Патрия и Боевой, Каро и Аэлита, Анри и Мария, а также Фирин и Гарт. Называю тех, о которых можно сейчас написать. Были и другие, но о них пока еще говорить рано. Итак, по порядку.

Дело Гарольда после относительно легкого варианта выезда Абеля явилось, по существу, моей первой серьезной работой по созданию новой нелегальной резидентуры в США. Если в случае с Абелем пришлось иметь дело с опытным разведчиком, уже не один год проработавшим в нелегальных условиях, и зрелым человеком — в 1949 году ему было сорок девять лет, совсем иначе обстояло с Гарольдом. Это был молодой сотрудник, без оперативного опыта. Его выезд в Соединенные Штаты строился на основе документов родившегося там человека польского происхождения. После соответствующей подготовки в Центре мы отправили Гарольда в Польшу, где он довольно быстро легализовался по документам двойника, который перед второй мировой войной с родителями вернулся в эту страну и во время войны погиб.

Сложной оказалась проблема выезда Гарольда из Польши. Официально обращаться к американцам за въездной визой и к польским властям за выездной он не мог из-за опасности расшифровки. Но молодой человек проявил большую находчивость и сумел завязать такие связи, через которые неофициально обратился в американское консульство и получил разъяснение, что может легально въехать в США, если обратится в Представительство Соединенных Штатов в любой капиталистической стране.

Было принято решение организовать тайное «бегство»

Гарольда из Польши, но так, чтобы его путь полностью подтверждался при проверке, если ее захотят устроить соответствующие заокеанские учреждения. Нелегал самостоятельно вошел в круг польских контрабандистов. Завел среди них таких знакомых, которых мог назвать американцам, зная, что они известны в США, где у них проживали родственники. Опасность для жизни Гарольда состояла в том, что люди, бравшиеся организовать его нелегальную переброску за границу, были отъявленными бандитами, жестоко расправлявшимися со всеми, на кого падало их подозрение о возможной связи с властями.

На одной из моих с ним встреч в Польше молодой нелегал высказал опасение только в одном: как бы он не выдал себя во сне. Ведь для завоевания полного доверия контрабандистов ему пришлось участвовать в каких-то их операциях, и иногда они все вместе оставались на ночлег. Гарольд боялся заговорить по-русски во сне. Во всех других отношениях он был спокоен. Контрабандисты не стеснялись обсуждать при нем свои дела и предстоящие операции. Кроме того, они были заинтересованы получить за его переброску определенную сумму в долларах.

Мы обсудили вопросы будущего устройства Гарольда в Нью-Йорке, отработали условия связи на все возможные случаи, и я дал согласие на его выезд по контрабандному каналу.

Теперь нам оставалось ждать. Считалось, что весь путь до США займет пару недель с момента получения сигнала о дне выезда. Но не прошло и десяти суток, как из Нью-Йорка при шло сообщение: появился условный сигнал о благополучном прибытии Гарольда. Можно представить, какое облегчение испытал я. Ведь это была моя первая самостоятельная операция.

Первое серьезное испытание для Гарольда, а вместе с ним и для меня, прошло успешно. Началась подготовка к включению его в практическую работу. До полного закрепления легализации было решено не передавать новичка под руководство Абеля, уже вовсю работавшего в Соединенных Штатах.

К этому времени обострилась проблема обеспечения надежной связи с находившимся в США Кимом Филби. Нужно было подбирать тайники, куда тот закладывал бы информацию, и изымать его закладки, чтобы оперативно переправлять их в Центр. Решили поручить все это Гарольду. Но прежде он должен был в короткий срок найти подходящую работу и получить все необходимые документы. Поскольку нелегал въехал в страну как реэмигрант, родившийся в ней, эта процедура не была сложной.

Месяца через два Гарольд доложил, что готов выполнять порученное задание.

Вскоре канал Филби-Гарольд-Центр начал действовать. Правда, не обошлось и без срывов. Одну из информаций Филби заложил в тайник, устроенный в выемке кирпичной стены нью-йоркского Центрального парка. Место закладки четко обозначалось двенадцатым деревом от начала отсчета. Однако Гарольд сначала не смог обнаружить указанную в стене нишу, где должна была находиться почта, а после нашего повторного описания тайника сообщил, что ниша оказалась пустой. Естественно, в Центре появилось опасение, не обнаружила ли тайник контрразведка. О случившемся был немедленно поставлен в известность Филби, который отреагировал спокойно, хотя и не исключал, что если информация попадет в руки контрразведчиков, то они смогут выйти на него. Сведения, которые он передал, касались англо-американского сотрудничества в работе против Советского Союза и его спецслужб.

Чтобы оградить Филби от возможных неприятностей, пользование этим каналом было приостановлено, а Гарольда переключили на выполнение других дел.

В следующем, 1952 году Гарольд получил американский заграничный паспорт для поездки в Европу. Учитывая, что он нуждался в серьезном лечении из-за обнаруженной болезни сердца, мы разрешили ему приехать в Москву. Маршрут про ходил через Италию. Будучи по легенде поляком-католиком, Гарольд считал необходимым посетить Ватикан. Там вместе с другими туристами-американцами он был на приеме у папы Римского и получил «отпущение грехов». Потом Гарольд шутил, что стал, наверное, первым советским разведчиком, которому папа простил все грехи.

В Москве нелегал впервые увидел своего сына, который родился вскоре после его отъезда в командировку.

К нашему общему огорчению, медицинское обследование выявило необходимость неотложной операции на сердце. Мы предлагали сделать ее в Соединенных Штатах, но врачи настаивали на немедленном вмешательстве. Гарольд согласился прооперироваться в Москве. Но сердце не выдержало, и на операционном столе наш молодой сотрудник скончался. Его жена и ребенок были взяты на государственное обеспечение.

Так печально закончилось одно из первых моих дел в нелегальной разведке.

Философ. В начале 50-х годов из Праги пришло сообщение о том, что в наше посольство обратился молодой американец и попросил разрешения переехать в СССР, чтобы работать на родине предков. Он происходил из семьи русских эмигрантов и

только что успешно окончил Массачусетский технологический институт. В то время я находился в командировке в Берлине, и А.М.Коротков по телефону предложил мне съездить в Прагу, побеседовать с американцем и определить наше к нему отношение.

В посольстве по нашему совету ему было предложено вновь зайти через пару дней. К указанному сроку я был уже в консульском отделе и принял посетителя (назовем его Философом). Это был по внешности типичный американец, уверенно державшийся, высокий молодой человек с приятным открытым лицом.

Он повторил свою просьбу, заявив, что, хотя родился в США, считает себя русским и хотел бы работать на пользу нашего государства. Я объяснил ему, что мне нужно подробно узнать о нем, прежде чем решить этот вопрос, и предложил продолжить беседу в более подходящем месте, скажем в кафе. Он ответил согласием, и мы отправились в расположенное в парке тихое заведение, которое я заранее подобрал.

Разговор наш продолжался более пяти часов. Философ оказался интересным собеседником. Он не только хорошо знал Соединенные Штаты, но и был начитан о нашей стране, русской истории и культуре и, я бы сказал, разбирался в современных философских теориях, в том числе марксизме-ленинизме. Виден был его глубокий интерес к жизни в Советском Союзе, и хотя чувствовался откровенно критический подход к ней, но с доброжелательных позиций.

После успешного окончания института Философ получил несколько предложений на престижную работу. Учитывая, что его родители занимали в США высокое общественное положение, он мог рассчитывать на хорошие перспективы.

Из длительной беседы с ним становилось все более ясно, что молодой человек не одобрял политики Вашингтона, затеявшего «холодную войну», осуждал участие американцев в Корейской войне, симпатизировал движению за мир, хотя пока и не участвовал в нем, будучи всецело поглощен учебой. В его высказываниях о родине предков чувствовались патриотические нотки. Как он рассказывал, родители, вынужденные эмигрировать из России в 1917 году, сохранили любовь к этой стране и активно поддерживали меры по оказанию помощи Советской Армии в войне против Германии, принимавшиеся правительством и общественностью Соединенных Штатов.

В результате беседы у меня сложилась твердая уверенность, что Философ — неплохой кандидат в агенты и в будущем может стать полезным источником интересующей нас научно-

технической информации. Эта уверенность подкреплялась тем, что на сотрудничество с нами его толкают патриотические мотивы. В конце концов я получил от него твердое обещание защищать интересы его прародины от недругов. Мы условились, что пока он отложит посещение СССР и ни в коем случае не будет афишировать факт своего пребывания в Чехословакии. Я порекомендовал ему вообще скрыть это обстоятельство и заявить об утере паспорта, где имелись отметки о его пребывании в этой стране.

Договорились мы и о том, что Философ постарается устроиться в интересное для нас учреждение и примерно через полгода начнет раз в месяц выходить на условленную с ним явку.

В Москве А.М.Короткое одобрил мой доклад. Вербовка нового агента была оформлена, дальнейшую работу с ним предстояло вести соответствующему географическому отделу. Время показало, что встреча в пражском парке оставила добрый след: Философ передал внешней разведке много полезной ин формации.

Вик и Гарт. Кроме Гарольда для резидентуры Абеля готовились еще двое оперативных сотрудников — Вик и радист Гарт. Как оказалось впоследствии, оба они нанесли большой ущерб нашему делу, особенно Вик.

Когда я появился в отделе, они проходили активную подготовку. Оба были рекомендованы местными органами контрразведки: Вик — в Карелии, а Гарт — в Москве.

Вик, карел по национальности, владел финским языком как родным, чем главным образом и заинтересовал наше подразделение. Находился на подготовке уже более года, завершал отработку своей легенды-биографии. По ней он родился в США в семье финнов-эмигрантов, которые перед войной вернулись на родину.

Несколько встреч, проведенных с Виком, оставили у меня какое-то неясное впечатление. Это был невзрачного вида, мрачноватый человек, неразговорчивый и необщительный, с довольно ограниченным кругозором. Но он вел себя довольно уверенно и заверял, что справится с предварительной легализацией в Финляндии.

Было решено перебросить его в эту страну и в зависимости от результатов первого этапа работы окончательно решить вопрос о дальнейшем использовании. Об Абеле мы Вику ничего не говорили, а Рудольфу Ивановичу подробно рассказали о его будущем помощнике, причем условились, что он, Абель, сам будет решать вопрос о включении Вика в свою резидентуру.

Хотя в Центре не было каких-либо убедительных оснований

сомневаться в Вике, но некоторые шероховатости, отмеченные в его семейных отношениях, и крайняя замкнутость побудили нас настойчиво рекомендовать Абелю внимательно присмотреться к нему.

Вик имел жену и сына, которые по его просьбе были переведены из Петрозаводска в Москву, где семье предоставили квартиру.

В начале 1952 года я организовал нелегальную, переброску Вика в Финляндию через Выборг. В США он прибыл в 1953 году. По завершении легализации Абель внес предложение взять его под свое руководство.

Вплоть до 1957 года Абель прилагал много усилий, чтобы включить Вика в активную разведывательную работу, но добиться ощутимых результатов так и не сумел. Поэтому ни к одному серьезному делу он его, к счастью, не привлек.

В 1955-1956 годах Абель стал отмечать пристрастие Вика к спиртному. После того как Рудольф Иванович установил, что Вик пропил 5 тысяч долларов, которые предстояло передать через тайник агенту, он поставил вопрос об отзыве Вика домой. Это и было сделано в 1957 году.

Вик, опасаясь, что растрата обнаружится, на пути в Москву явился во Франции в американское посольство и признался, что он сотрудник советской внешней разведки. Остальное читатели уже знают.

Теперь о Гарте. Он готовился в качестве радиста в резидентуру Абеля и был вывезен в Канаду в 1952 году, с тем чтобы после оседания там и надежной легализации перебраться в Соединенные Штаты.

Однако к 1954 году нам стало ясно, что Гарт не сумеет перебазироваться в США. Такая переброска, учитывая его не очень высокие личные качества (инертность, некоммуникабельность) заняла бы много времени. Тогда мы приняли решение оставить его в Канаде радистом для резидентуры Фирина, который был на пути в эту страну, завершая свою легализацию в Бразилии (о Фирине я расскажу ниже).

Нам пришлось в известных рамках сообщить Гарту о Фирине и привлечь его к подысканию подходящего прикрытия для резидента в Канаде. Личные данные Фирина мы Гарту не раскрывали.

А дальше события развернулись следующим образом. В июле 1954 года, когда я исполнял обязанности начальника нелегальной разведки (А.М.Коротков находился в краткосрочной командировке в Женеве), в Центр поступила срочная телеграмма из резидентуры в Оттаве. В ней сообщалось, что некий

«доброжелатель» из числа сотрудников канадской контрразведки установил контакт с одним из работников резидентуры и предложил нам важные сведения о советском разведчике, осевшем в Канаде, который изменил Москве и согласился сотрудничать с местной службой контршпионажа. За подробную информацию он запрашивал не такую уж крупную сумму — речь шла о нескольких тысячах долларов.

Мы сразу решили, что, судя по всему, изменником оказался Гарт. Исполнявший обязанности начальника внешней разведки А.М.Сахаровский сказал мне, что надо послать Короткову телеграмму и спросить его мнение. Однако, учитывая, что сроки ответа «доброжелателю» нас поджимали, а кроме того, по моему убеждению, затрагивалась безопасность резидента Фирина, о предстоявшем приезде которого в Канаду знал Гарт, я настойчиво высказался за то, чтобы немедленно дать согласие резидентуре в Оттаве купить предложенную информацию. Помня об измене Гузенко, я считал, что мы должны сделать все, чтобы локализовать провал и лишить реакционные круги Оттавы возможности использовать дело Гарта для подрыва канадско-советских отношений.

Сахаровский был согласен со мною, но дать санкцию на выплату такой суммы мог только председатель КГБ. Поэтому он предложил мне лично доложить дело заместителю председателя Комитета П.И.Ивашутину, в то время исполнявшему обязанности отсутствовавшего главы ведомства. При этом Александр Михайлович подчеркнул, что я беру на себя большую ответственность, и в случае, если «доброжелатель» обманет нас, мне придется держать ответ.

Зная недоверчивость А.М.Короткова к любым «доброжелателям», я решил не дожидаться ответа и попросил П.И.Ивашутина срочно принять меня. Петр Иванович согласился с моим предложением, и я, не дожидаясь ответа от Короткова, послал телеграмму резиденту в Оттаву с разрешением уплатить деньги за информацию.

Поздно ночью пришел ответ от Короткова. Как я и ожидал, он был предельно категоричен: «доброжелатель» — жулик, верить ему нельзя, денег не выдавать.

Настаивая на своем предложении о выплате пяти тысяч долларов, я понимал, на какой риск иду. В случае, если мнение моего непосредственного начальника оказалось бы верным и выдачу довольно-таки порядочной суммы в инвалюте сочтут неоправданной, мне пришлось бы возместить ее из своего кармана. По действовавшим в то время положениям подлежащие возвращению в казну денежные средства в рублях увеличивались

в двадцатипятикратном размере, то есть в данном случае мне пришлось бы внести 125 тысяч рублей. Для меня это была огромная сумма. Я мог погасить ее только в конце своей службы в разведке, да и то при условии, если бы я ежемесячно отдавал почти всю свою зарплату в течение не менее 20 лет. Но об этом я не задумался, ведь речь шла об интересах дела, перед которым мои личные интересы должны были отступить.

Резидент из Оттавы передал подробное сообщение канадской контрразведки о Гарте. Как же провалился наш нелегал?

Все оказалось довольно просто. Гарт установил интимные отношения с одной замужней женщиной. Но ее муж вскоре обнаружил измену и решил объясниться с человеком, который наставил ему рога. Он явился на квартиру к Гарту, между ними произошло бурное объяснение. Но это не помешало ревнивцу заметить, что у соперника на столе стоит радиоприемник специального назначения, используемый обычно в служебных целях. На этот аппарат Гарт устойчиво принимал передачи из Центра.

Что-то еще показалось обманутому мужу не совсем обычным в поведении Гарта. Он решил ему отомстить и обратился в полицейский участок, где поделился своими подозрениями. Короче говоря, эта информация попала в контрразведку. Ее сотрудники решили опросить Гарта. Тот испугался, признался, что он советский разведчик, и согласился сотрудничать с канадскими охотниками за шпионами.

Нам нужно было, во-первых, обезопасить Фирина, о котором Гарту было известно, что он находится в Бразилии и собирается в тамошнее канадское посольство за визой для въезда вместе с семьей в Канаду, а во-вторых, заставить канадскую контрразведку не торопиться с использованием случая Гарта в пропагандистском плане — для раздувания антисоветской кампании.

Обсудив положение, создавшееся в результате измены Гарта, мы приняли следующее решение:

— Фирину отказаться от обращения к канадским властям за визой;

— через Гарта затеять с канадской контрразведкой оперативную игру, чтобы создать условия для его поездки в СССР, то есть заманить изменника под благовидным предлогом на советскую территорию, а затем задержать и разоблачить. Чтобы срочно передать наши указания Фирину, мы быстро направили к нему специального курьера. Им была Патрия, проживавшая в другой латиноамериканской стране. Легальных возможностей связаться с Фириным у нас не было: Советский Союз в то время не имел с Бразилией дипломатических отношений.

Как Патрия выполнила наше поручение, можно прочитать в ее отчете о командировке (о самой Патрии я расскажу не много позже). «В 1954 году в конце августа, — докладывала она, — я получила из Центра по радио указание срочно выехать в Рио-де-Жанейро и по данному мне адресу установить контакт с советским разведчиком Ф., чтобы предупредить его об опасности. Он, в частности, не должен был обращаться к канадцам за визой и не выходить на старую постоянную явку. Мне надлежало помочь Ф. в налаживании приема радиопередач из Центра и оговорить новые условия связи».

Далее Патрия писала: «15 ноября я приехала в страну, где находился Ф. Утром на другой день, проходя по улице, где он живет, я случайно встретилась с его женой, которую знала по работе в Центре, и дочкой. Увидев меня, жена Ф. перешла на другую сторону улицы, а я направилась следом за ней. Когда мы поравнялись, она остановилась и сказала, чтобы я пришла к ним в полдень, когда муж будет дома. Это, по ее словам, не вызовет никаких подозрений, так как в настоящее время их посещает большое количество людей в связи с тем, что они поместили в газете объявление о распродаже имущества из-за материальных затруднений.

Когда я пришла на квартиру Ф., он уже ждал меня. Но мой разговор с Ф. сложился весьма трудно. Он поначалу с подозрением отнесся ко мне, не хотел верить, что я послана к нему Центром (вы не смогли предупредить его о моем приезде). Только после того, как я сослалась на Короткова и Павлова, которых он хорошо знал, была устранена завеса недоверия, и я смогла выполнить поручение в полном объеме».

Фирин был предупрежден, и мы немного успокоились. Но оставался Гарт. Как обезвредить изменника? В затеянной с ним игре нам удалось убедить его в том, что мы довольны проделанной им работой и считаем, что он успешно завершил легализацию в Канаде.

Для того, чтобы усыпить бдительность Гарта и дирижировавших им канадских контрразведчиков, мы запросили, считает ли он возможным направить к нему его жену, и предложи ли ему разработать план вывода ее в Канаду.

Через некоторое время мы сообщили Гарту, что намерены активизировать его работу. Но для этого он предварительно должен овладеть новой техникой. Сейчас Центр вводит в эксплуатацию более надежные быстродействующие радиопередатчики. Мы планируем обучить Гарта работе на таком аппарате. Затем, дав время канадской контрразведке заглотить приманку, мы запросили Гарта, сможет ли он, под предлогом

туристской поездки, выехать на несколько недель в Европу? Оттуда он будет переброшен в Москву и пройдет подготовку на радиопередатчике. Тогда же окончательно решим вопрос о выводе к нему жены.

Ловцы шпионов в Оттаве довольно потирали руки, считая, что они провели блестящую операцию, внедрившись в советскую разведку. Они приказали Гарту ответить согласием. Остальное было, как говорят шахматисты, делом техники. Прибыв в Москву в августе 1955 года, Гарт на первой же беседе признался в измене и был передан следственным органам. Суд приговорил его к пятнадцати годам тюремного заключения.

Читателю, наверное, было бы интересно узнать, кто же был тот «доброжелатель», который выдал нам изменника? Сейчас я могу сказать об этом. Дело в том, что в 1986 году в канадской печати промелькнула небольшая сенсация. Пенсионер королевской канадской конной полиции — мы знаем, что такое опереточное название по традиции носит канадская контрразведка, — Джеймс Моррисон сделал признание властям, что это он выдал КГБ важного советского агента, завербованного службой контршпионажа Оттавы, и получил за это мизерную сумму в 5 тысяч долларов, которую потратил на приобретение нового автомобиля и кутежи. Бывает такое не только на Востоке, но и на Западе!

Удивительно только, что побудило Моррисона самому донести на себя тридцать лет спустя? Необычен также и сам факт осуждения за такое давнее преступление, вроде бы срок давности истек.

Но так или иначе, если бы Моррисон не решился на такой в общем-то странный шаг, я не смог бы рассказать этот, надеюсь, поучительный эпизод из моей разведывательной практики.

Нам удалось уберечь от расшифровки резидента Фирина. В результате он еще несколько лет вел активную разведывательную деятельность за рубежом и только в 1960 году вернулся в Москву. Далее, мы помешали реакционным кругам Канады использовать измену Гарта в антисоветских целях, извлекли уроки из этого неприятного для нас дела и убедились в необходимости ужесточить требования к отбору кандидатов на нелегальную разведывательную работу.

Анри. В 1951 году я был назначен начальником отдела. В то время мы активно использовали для подготовки и выезда нелегалов на Запад благоприятные условия, сложившиеся в странах Восточной Европы. Так, кроме Гарольда, успешно легализовавшегося в Польше, там же готовилась супружеская пара Зет, в дальнейшем успешно достигшая страны назначения; в

ГДР завершили подготовку Каро и его жена Аэлита; в Чехословакии закрепил легенду-биографию и проследовал по намеченному маршруту через Дальний Восток Фирин с женой.

Но, к сожалению, были срывы, впрочем неизбежные в таком сложном деле, как превращение молодых, малоопытных в жизни людей в профессиональных нелегалов, призванных «раствориться» в иностранном окружении и вести активную разведывательную работу.

В начале 50-х годов мы подобрали показавшегося нам очень перспективным Анри. Он окончил Московский институт международных отношений, знал английский и немецкий языки. Его жена Мария преподавала немецкий язык. Оба по самым строгим критериям подходили к работе в нелегальных условиях и изъявили согласие на это.

После индивидуальной подготовки в Центре они были направлены в ГДР, главным образом чтобы попрактиковаться в диалекте той области Германии, откуда они «происходили» по легенде. Подготовка завершилась успешно, и Анри первым отправился на Запад. Там, в другой стране временного пребывания — ФРГ, он принял свою «невесту» Марию и оформил с нею брак.

Продолжая готовить условия для дальнейшего продвижения на Американской континент, Анри и Мария выполняли в Западной Германии отдельные разведывательные задания.

Примерно через год Мария должна была стать матерью, и ей было разрешено выехать на роды в ГДР. Вскоре мы поздравили Анри с рождением сына, но он на это никак не отреагировал. Не отвечал он и на другие наши запросы. Возникло опасение, не случилось ли что-либо с ним? Чтобы ввести ясность, Мария настояла на поездке к Анри с грудным ребенком. Это было настоящим подвигом с ее стороны. Приехав в ФРГ, она застала Анри — привожу ее слова — «в ужасном состоянии запоя». Как оказалось, он был подвержен алкоголизму, недугу, при котором ни о каком использовании его в разведке не могло быть и речи. Мария попросила разрешения ликвидировать в Германии все дела и привезти мужа домой. Не могу не отметить ее хладнокровие и умелые действия в условиях, когда у нее на руках был ребенок и не менее беспомощный муж.

Анри уволили «по состоянию здоровья» и помогли устроиться на работу. Мария же осталась в органах госбезопасности, где успешно трудилась многие годы. Анри также преуспел на службе, где активно использовал свои знания иностранных языков, и хотя он избавился от алкоголизма, тяжелая болезнь рано свела его в могилу.

Эта неудача была очень неприятной. Мы пытались найти ответ на вопрос, что явилось причиной срыва Анри. Исследовали более тщательно жизнь его близких родственников, но и это не внесло ясности. Очевидно, недуг Анри развился, когда он остался без присмотра Марии, а на своей работе по прикрытию получил более чем свободный доступ к спиртному. В этом проявилась слабость его воли, что рано или поздно могло не благоприятно сказаться на его дальнейшей службе в разведке с наверняка более тяжелыми последствиями. Так что, как говорится, нет худа без добра.

Каро. Более тяжелый срыв произошел с другим молодым разведчиком. Примерно в то же время (речь идет о начале 50-х годов) подготовку к работе в нелегальных условиях проходил Каро, недавний выпускник одного из институтов. Вместе с ним изъявила согласие работать в разведке его жена Аэлита, окончившая институт иностранных языков. Оба прилично знали немецкий и чешский.

Их вывод на Запад для последующего продвижения в США планировался через Чехословакию. По подобранному нами документальному варианту они выдавали себя за судетских немцев, родившихся в Соединенных Штатах.

После усиленной языковой практики, позволившей им довести знание чешского языка до достаточно высокого уровня, супруги были переброшены в ГДР. Для предварительной тренировки мы решили послать Каро в пробную нелегальную поездку по Европе. Снабдили его «липовым» швейцарским паспортом, но строго предупредили: ни в коем случае не ездить в Швейцарию, так как его документ, хотя и был подделан безупречно, однако не выдержал бы более основательной проверки.

Перед отправкой Каро я оказался в служебной командировке в ГДР и вместе с ним предпринял поездку на автомашине по местам его легенды-биографии. «По живой карте» еще раз тщательно проверил, как Каро ее знает, и убедился, что он полностью готов к поездке, уверен в себе и не сомневается в благополучном исходе вояжа с фальшивым паспортом. Когда мы возвратились в Берлин, я дал согласие перебросить его в ФРГ.

Поездка должна была продлиться две недели, и мы стали ждать первого сигнала о появлении Каро в одной из тех стран, что ему предстояло посетить. Но он молчал. Это вызвало беспокойство, ведь Каро в последней беседе со мною не только четко повторил все условия связи, но и твердо обещал неукоснительно их соблюдать.

Как гром среди ясного неба пришло сообщение, что в

Швейцарии задержан человек, невразумительно и путано говоривший о себе. Не помню, писала ли об этом швейцарская печать, но по разведывательным каналам нам стали известны некоторые подробности. Мы поняли, что речь идет о Каро. В одной из швейцарских церквей священник обратил внимание на странного посетителя и, разговорившись с ним, никак не мог взять в толк, кто он и откуда, зачем приехал. Незнакомец нес какую-то несусветную чушь. Священник позвал полицейского, н дальнейшие сведения по этому делу, в том числе и о проверке документов Каро, мы узнали из полицейских источников. Полиция быстро установила, что имеет дело с явно ненормальным человеком, от которого невозможно ничего добиться. Кстати, в протоколах отмечалось, что Каро называл разные фамилии, в том числе Короткова и мою, но без какой-либо связи и логики.

Полицейские пришли к выводу, что Каро приехал из Чехословакии, и связались с чешским посольством. Последнее, будучи заблаговременно ориентировано через наших чешских коллег, согласилось вывезти Каро в Прагу для «лечения», тем более что швейцарские психиатры полностью подтвердили подозрения полицейских и поставили диагноз —душевнобольной.

Как стало известно впоследствии, в полиции у Каро отобрали паспорт и провели тщательную проверку, кто же его выдал. Примечательно, что полицейские не подвергали сомнению подлинность документа, так хорошо он был изготовлен. Даже чиновник, чья подпись значилась на паспорте, признал ее своею, но никак не мог вспомнить, когда он его выдал.

Словом, этот случай вновь подтвердил высокое качество работы нашей документальной службы.

В Москве Каро был направлен в психиатрическую больницу. После лечения его вернули в нормальное состояние. Было установлено, что шизофрения, которой он страдал, наследственного характера. Действительно, проведенная нами тщательная проверка выявила, что один из близких родственников Каро тоже имел такой недуг. Это было уроком для нас: в дальнейшем мы стали больше внимания уделять выявлению возможных отклонений в состоянии здоровья родственников подбираемых кандидатов для работы в нелегальной разведке.

Каро и Аэлита были отчислены по состоянию здоровья.

Неудачи с Анри и Каро хотя и были неприятными эпизодами, но особой роли в оценке нашей деятельности не сыграли. Они произошли на фоне успехов Абеля, Гарольда, Патрии и Боевого и других нелегалов.

Фирин. В начале 1954 года возник вопрос о завершении вывода на Американский континент Фирина с женой. Направлялся он через Дальний Восток, а в дальнейшем через Бразилию в Канаду.

Поскольку к этому времени выяснилось, что посланному в Канаду радисту Гарту не удастся перебраться в США, где он предназначался для работы в резидентуре Абеля, было решено создать в Канаде нелегальную резидентуру под руководством Фирина.

К тому времени Фирин уже оформил через Гонконг выездные документы в страну первого назначения, но просил перед отъездом встретиться с кем-либо из руководства для обсуждения накопившихся вопросов, в том числе и принципиальных — о разведывательных задачах и сроках пребывания с семьей на нелегальном положении. Надо сказать, что за время подготовки у него родилось двое детей, которых легализовали по подготовленному варианту документов. А.М.Коротков предложил мне выехать в КНР, где находился Фирин, тем более что я был лично знаком с женой Фирина Аней еще по 1939 году: она была одной из упоминавшихся мною подруг моей жены. Почти четыре года Аня была уже, по существу, на нелегальном положении, хотя и в дружественных странах — ЧССР и КНР, и стала матерью двоих детей. Я мог представить себе трудности — материальные и моральные, которые выпали на ее долю. Мы были рады встрече, особенно с Аней, которая благожелательно отрекомендовала меня своему мужу. Он же знал меня заочно и был доволен, что именно мне Коротков поручил решить все возникшие вопросы.

Должен сказать, что Фирин был человеком большого мужества. В начальный, самый драматический период войны он партизанил в тылу у немцев, был несколько раз ранен. Особенно сильно досталось правой ноге, и он стал прихрамывать. Хотя здоровьем Фирин похвастаться не мог, я не услышал от него ни одной жалобы. Напротив, он был твердо уверен, что выполнит задание. Мы обсудили вопрос: не стоит ли оставить детей в Советском Союзе? Однако Фирин и его супруга отклонили это предложение, ведь возникли бы новые сложности: нужно было менять легенды-биографии, а в Гонконге уже были получены на всю семью въездные визы. Словом, оба были решительно настроены преодолеть все препятствия.

Прощаясь с ними, я выразил надежду, что мы еще встретимся на Американском континенте. И это произошло через четыре года. В Центре решили, что необходимо увидеться с Фириным, работавшим в нелегальных условиях в Бразилии, чтобы обсудить ряд важных вопросов, отрегулировать связь, в том числе по радио,

которая почему-то не ладилась у него, и определить сроки его возвращения домой. Последнее вызывалось тем, что он часто болел. Кроме того, с ним находилась семья — жена и теперь уже трое детей, дальнейшее воспитание которых в духе католической религии, господствовавшей в Бразилии, родители не хотели продолжать слишком долго.

Встретиться с Фириным поручили мне в Уругвае. Фирин прибыл ко мне в Монтевидео из Рио-де-Жанейро. Сразу бросилось в глаза, что выглядит он неважно, еще больше хромает, на его лице лежала печать глубокой усталости. Он пожаловался, что чувствует себя плохо, постоянно мучает боль в раненой ноге. Но жена и дети здоровы.

Сев за столик в удобном кафе на открытом воздухе, мы подробно обсудили многие проблемы, но времени не хватило, и мы договорились встретиться еще раз на следующий день.

Вторая беседа состоялась в тенистом парке, мы обсудили с Фириным сроки его возвращения в Москву, маршрут следования через Европу и условия связи во время этой поездки.

Все наши договоренности были точно выполнены. В 1960 году Фирин вместе с семьей благополучно вернулся на Родину.

Питер и Хелен. Так звали по паспорту супругов Крогеров. И фамилии, и имена, конечно, вымышленные. Под ними наши выдающиеся разведчики, Герои Российской Федерации, действовали в составе лондонской резидентуры Бена (полковник Конон Трофимович Молодый, по легенде, канадец Гордон Лонсдейл). А настоящие фамилия и имена этих бывших американских граждан — Коэны Моррис и Леонтина. Они прибыли в Лондон в начале 1955 года, чтобы создать там нелегальный пункт двусторонней связи с Центром.

Для их легализации пришлось преодолеть немалые трудности. Дело в том, что они были сильно засвечены на разведывательной работе в США во время войны и в первые послевоенные годы.

Коротко о Крогерах. Питер, 1910 года рождения, в 1935 году окончил университет и работал преподавателем средней школы. В составе интернациональной бригады он участвовал в борьбе с фашистами в Испании в 1937-1938 годах, был ранен. Там, в Испании, в 1938 году его привлекли к сотрудничеству с нашей разведкой и в ноябре того же года направили в США в качестве агента. С начала 1940 года он был курьером— связником с несколькими источниками, а затем их групповодом-руководителем. Успешно выполнял и некоторые другие разведывательные задания.

В начале 1941 года Питер оформил брак с Хелен,

американкой польского происхождения, которая была моложе его на три года. Еще раньше по рекомендации Питера она была привлечена к сотрудничеству с нашей разведкой и фактически являлась помощницей своего будущего мужа.

Во время войны, в 1942 году, Питера призвали на военную службу. С 1944 года он был в действующей американской армии в Европе, участвовал в боях против немцев. В ноябре 1945 года его демобилизовали, а в декабре с ним встретился в Нью-Йорке сотрудник нашей разведки А.А.Яцков. Вскоре, однако, работу с Питером и Хелен пришлось прекратить: резко осложнилась оперативная обстановка в результате предательства Элизабет Бентли. Только в августе 1948 года появилась возможность восстановить связь, и супруги вновь начали активно действовать. Они обеспечивали надежную нелегальную связь с несколькими агентами, поставлявшими особо ценную информацию.

В 1949 году Питер и Хелен были переданы в распоряжение Абеля, который только что прибыл в США. Правда, работать с ними ему довелось недолго. Впоследствии они с юмором вспоминали свою первую встречу с резидентом. Дело в том, что из-за не очень удачно обусловленной связи они вынуждены были не раз появляться около обезьянника в зоопарке, пока не встретились со своим новым руководителем. Они шутили, что надоели даже обезьянам.

Потом Питер и Хелен говорили мне, что Абель оказался опытным, вдумчивым и внимательным другом. Он отдавал им много времени, обучая новым методам работы. В нем им особенно импонировали широта кругозора, глубокие знания в разных областях человеческой деятельности, творческий подход к решению даже самых, казалось бы, простых задач. С новым руководителем было легко работать, несмотря на его высокую требовательность и даже, как им иногда казалось, излишнюю дотошность. Когда они впервые встретились с Абелем, перед ними предстал фермер из Новой Англии: одет в легкую летнюю рубашку, на голове мягкая соломенная шляпа. Словом, его нельзя было отличить от простого американца.

Хелен сожалела, что им пришлось поработать с Абелем всего десять месяцев. Питер, вспоминая о нем, говорил:

— Прежде всего это был очень терпеливый человек и относился к людям с большим уважением. Он никогда не пытался поставить себя выше других. Он мог говорить с Хелен о новых веяниях в моде и женской психологии так же свободно, как со мной об искусстве и истории. Он был точен и объективен в оценке информации. Самое главное его достоинство — умение понять человека. Мы относились к нему как к старшему брату…

Сотрудничество Питера и Хелен с Абелем было прервано из-за ареста американской контрразведкой в начале 1950 года двух наших ценных источников информации. С одним из них Хелен некоторое время поддерживала связь. Оба знали Питера и Хелен как агентов внешней разведки, им известен был даже их домашний адрес, что ставило под удар всю группу, с которой работали супруги, и могло привести к захвату американской контрразведкой самих Крогеров.

30 июня 1950 года они покинули Нью-Йорк (как позже оказалось, навсегда). Маршрут в Москву проходил через Мексику, Голландию, Швейцарию и Чехословакию. Крогеры благополучно добрались до Цюриха и должны были самолетом лететь в Прагу. Но рейса в ближайшие дни не было, и они, стремясь поскорее попасть в Москву, решили ехать поездом. И тут получилась накладка. Для американских граждан, следующих по железной дороге из Западной Германии в Чехословакию, требовалось разрешение оккупационных властей. Но Питер и Хелен об этом не знали. И серьезно обеспокоились, когда западногерманские пограничники, обнаружив отсутствие соответствующей отметки в паспортах, хотели снять их с поезда и передать американской комендатуре. Спасло то, что они ехали в праздничные дни, в комендатуре никого не оказалось. Тогда Питер и Хелен решили разыграть из себя наглых, спесивых и богатых американцев, которых осмеливаются задерживать какие-то «фрицы». Особенно эта роль удалась Хелен, которая разбушевалась вовсю. Немцы в конце концов решили не связываться с важными янки и отстали.

К середине ноября 1953 года в Центре был разработан план дальнейшего использования Питера и Хелен. К этому времени они хорошо отдохнули, подлечились и неплохо освоились с жизнью в Москве. Спустя несколько дней мы познакомили их с будущим руководителем Беном — Кононом Трофимовичем Молодым, который впоследствии стал широко известен на Западе как Гордон Лонсдейл.

Правда, тогда мы не раскрывали перед Питером и Хелен все свои планы. Объяснили, что они и Бен окажут друг другу «взаимную помощь» — супруги должны шлифовать английский язык Бена, а он займется их разведывательной подготовкой.

Такое тесное общение помогло Бену изучить своих будущих помощников, их личные и деловые качества. «Прежде всего, — характеризовал он супругов, — Питер и Хелен серьезно и добро совестно подходят к изучению материала и выполнению заданий. По своей натуре Питер очень педантичен. Он стремится вникать в мельчайшие, зачастую ненужные подробности. Новый материал осваивает медленно, однако запоминает твердо. Для него

характерно тщательное обдумывание своих высказываний и поступков.

Хелен по своему характеру и темпераменту полная противоположность Питера. У нее быстрая реакция, она легко схватывает новый материал, но не любит вникать в мелочи. Хелен приветлива по натуре, легко сближается с людьми».

К ноябрю 1954 года подготовка Крогеров закончилась. Учитывая, что они в США были «засвечены», мы решили превратить их в новозеландцев, подданных британской короны. С этой целью подобрали для них документальные «корни», дававшие право на получение заграничных паспортов и беспрепятственный въезд в Англию. По легенде-биографии, в составлении которой участвовали сами Питер и Хелен, они должны были выступать как супруги, проживавшие за рубежом своей страны по общему семейному паспорту.

Чтобы провести операцию по выводу их на Альбион, в начале 1954 года я поехал с ними в Вену. Там супруги сняли дачный домик в Зиммеринге, окраинном районе австрийской столицы, связались с местным адвокатом и, заручившись его помощью, обратились по почте в новозеландское посольство в Париже с просьбой выдать им раздельные паспорта на основании имеющегося у них семейного. Вскоре два новеньких настоящих паспорта на имя Питера и Хелен Крогеров были у них в руках. Можно было смело выезжать в Англию. 3 декабря 1954 года они покинули Москву и, миновав несколько европейских государств, въехали в Англию. В Лондоне Питер избрал в качестве прикрытия занятие антиквара-букиниста. Хелен, естественно, была домашней хозяйкой. Вскоре лондонские книготорговцы познакомились с симпатичным новозеландцем, часто появлявшимся на аукционах редких книг.

После успешного оседания в Англии мы провели с Питером и Хелен встречу в Париже, куда они прибыли как туристы в феврале 1955 года. Им сообщили, что в дальнейшем они будут работать радистами и содержателями радиоквартиры вместе с кадровым разведчиком, создающим в Лондоне нелегальную резидентуру. Встретиться со своим руководителем супругам предстояло в Париже. Они еще не знали, что это будет хорошо известный им Бен, которого они ласково называли «Джонни». Нужно ли говорить, сколь радостной была эта встреча 30 марта 1955 года.

Первое время контакты Бена с Питером и Хелен ограничивались обоюдной визуальной проверкой, пока шло создание радиоквартиры. Вскоре они приобрели подходящий дом в двух километрах от штаба американских ВВС в Англии.

Круглосуточная работа операторов этого штаба на длинных и коротких волнах впоследствии надежно маскировала передачи быстродействующей рации резидентуры.

Бен и Питер в доме оборудовали надежную радиоквартиру для работы на портативной рации, передававшей депеши со скоростью до 600 слов в секунду. В течение ряда лет с ее помощью успешно поддерживалась устойчивая двусторонняя связь с Центром. Бен подучил возможность использовать два опорных пункта: у себя дома около Нилжент-парка и на квартире Крогеров.

Кроме обеспечения связи Питер и Хелен обрабатывали разведывательные материалы, добываемые в большом количестве Беном через своих агентов.

Вот что писал Бен в Центр о Крогерах: «Это люди, безусловно преданные нам, идейно и морально устойчивые во всех отношениях. Опыт разведывательной работы у них большой, они могут самостоятельно работать». И далее: «Сотрудники Центра безусловно понимают, что в идейном и духовном отношениях разведчики-нелегалы, несмотря на наличие сотен знакомых и на то, что они живут в больших городах, где жизнь бьет ключом, чувствуют себя одинокими и, конечно, тоскуют, скучают. Лично мне было бы гораздо труднее переносить все эти трудности, если бы мы с Крогерами не оказывали друг другу такой моральной, дружеской поддержки, если бы не было рядом со мною людей, с которыми можно обсудить, скажем, новости из Советского Союза, политические и экономические перемены в стране, мире и поговорить о семье, своих близких, доме».

Читая этот «неслужебный» фрагмент из делового письма Бена, я хорошо понимал резидента, так как часто задумывался над тем, как неимоверно тяжела нашему человеку, решившему стать разведчиком-нелегалом, роль, которую он должен все время играть за кордоном, играть без перерыва, без возможности расслабиться хотя бы на минуту.

Ведь не случайно прославленный мастер шпионского жанра в литературе, английский писатель Ле Каррэ, сам в прошлом разведчик, в романе «Шпион, который вернулся с холода» хотя и уподобляет нелегала профессиональному лицедею, но считает, что актеру все-таки живется легче. Очень верное наблюдение! Оговорюсь, правда, что Ле Каррэ заблуждался, когда считал, что главными стимулами для сотрудников разведки являются не идейные убеждения и патриотизм, а прежде всего деньги, карьеризм и личные амбиции. История нашей службы свидетельствует: у нас эти побудительные мотивы не главные для подавляющего большинства разведчиков-нелегалов, в том числе и

для агентов-иностранцев. Напротив, мой пятидесятилетний опыт работы в разведке убеждает, что всегда, когда у человека на передний план выходит меркантилизм и карьеризм, разведчик становится ненадежным. Это подтверждают и те случаи предательства, с которыми мне пришлось столкнуться.

Питер и Хелен исправно выполняли обязанности радистов и содержателей радиоквартиры. Они оказали большую помощь Бену в получении и обработке разведывательных материалов, количество которых все время возрастало.

Бен. В начале 1951 года я встретился с новым кандидатом на службу в нелегальной разведке. Это был симпатичный молодой человек, жгучий брюнет с подвижным лицом и живыми темны ми глазами. Они, казалось, постоянно искрились в улыбке.

— Конон Трофимович Молодый, — представился он и добавил: — Есть желание попробовать свои силы на вашем труд ном поприще.

Ему было 28 лет. Он заканчивал Академию внешней торговли, куда поступил после демобилизации из армии. Всю Великую Отечественную войну Конон Трофимович находился в действующей армии, служил в артиллерийской разведке.

Мы проявили интерес к нему в связи с его совершенным знанием английского языка и некоторым опытом жизни в США. Он провел там свои первые школьные годы у родной тетки, взявшей его на воспитание. В двенадцать лет Молодый вернулся в родной дом. За почти семилетний период обучения в американской школе он приобрел те глубокие знания языка, которые так необходимы каждому разведчику-нелегалу, если он выдает себя за англосакса.

Разговор с ним как-то сразу заинтересовал меня. В моей памяти всплыл образ Нормана Михайловича Бородина, с которым я познакомился еще в 1938 году. В детстве он тоже находился в США с родителями, а его знания языка и американского образа жизни позволили впоследствии успешно работать в нелегальной резидентуре Ахмерова.

В нашей службе К.Т.Молодый получил оперативный псевдоним Бен. Я часто встречался с ним и всякий раз отмечал быстрый прогресс в том, как он осваивал основы разведывательного мастерства. С ним легко было работать. У него всегда было хорошее настроение, ко всему он относился со здоровым юмором.

К 1954 году Бен был готов к выезду за кордон, уверенно ориентировался в разработанной вместе с ним легенде-биографии: под видом канадца он должен был осесть в Англии. Для легализации его сначала направили в Канаду. Оттуда он

собирался перебраться в Англию уже с настоящими документами человека, родившегося в Канаде. Этот этап молодой разведчик прошел успешно и в 1955 году оказался на берегах Темзы. Оформление постоянного жительства прошло благополучно. Он занялся бизнесом, создал фирму по продаже и обслуживанию игральных аппаратов. Это было удачное прикрытие для разведывательной деятельности и легализации средств, получаемых из Центра.

Подробности главных разведывательных операций Бена в Англии я вынужден оставить, как говорится, за кадром, так как английской контрразведке даже после ареста и суда над ним об этих операциях не удалось ничего узнать. Исключение составляет дело двух провалившихся агентов — Хаутона и Джи, потащивших за собой Бена, а также Крогеров.

Потеря Бена и его верных помощников была для нас очень чувствительной. Известным утешением послужил тот факт, что разведывательное мастерство Бена, его мужество и стойкость обеспечили сохранение большей части резидентуры. Это позволило нам в дальнейшем успешно выполнять в Англии важные задачи.

Что же произошло? Как удалось английской контрразведке выйти на Бена и его сотрудников?

Резидентура за пять лет деятельности вплоть до конца 1960 года добыла большое количество важных секретных материалов, получивших в Центре и в научных кругах нашей страны высокую оценку. Положение Бена было весьма надежным, и, привыкнув к своим успехам, он, видимо, несколько ослабил бдительность, в частности, в общении с Крогерами, обосновавшимися прочно и действовавшими в высшей степени осмотрительно.

Но в свое время Хаутон был завербован внешней разведкой в Варшаве. Так как происходило это на территории дружественной страны, наши люди прибегли к небольшой технической помощи польских коллег. Тогда Хаутон служил в военно-морском атташате британского посольства в Польше. Вот эта техническая помощь и сыграла впоследствии роковую роль. В конце 1958 года, как стало известно позже, начальник отдела оперативной техники польских органов безопасности полковник Голеневский, имевший некоторое отношение к операции по вербовке Хаутона, встал на путь измены. По собственной инициативе он установил контакт с ЦРУ и сотрудничал с ним под кличкой «Снайпер». Голеневский не замедлил сообщить американцам известные ему сведения о Хаутоне, правда, изменник переврал его фамилию, но указал, что этот человек служит в военно-морских силах Англии. Американцы информировали британскую контрразведку, которая

быстро установила Хаутона и взяла его под наблюдение. Вскоре англичанам удалось выйти на любовницу Хаутона, сотрудницу архива военно-морской базы в Портлен де Джи. Как позже убедились контрразведчики, она была основным источником информации, которую Хаутон передавал нашей внешней разведке.

К середине 1960 года английские «охотники за шпионами» зафиксировали одну встречу Джи с Беном, когда та передавала очередной пакет с документами. К концу года англичане смогли установить и Крогеров: Бен однажды воспользовался их автомашиной. Однако все усилия контрразведки выявить других агентов Бена успехом не увенчались.

7 января 1961 года у вокзала Ватерлоо в Лондоне контрразведка захватила Бена, Джи и Хаутона в момент, когда Джи передавала резиденту свою хозяйственную сумку, в которой находились секретные материалы. В тот же день были задержаны и Крогеры. При обыске в их доме контрразведчики обнаружили рацию, специальную фотоаппаратуру и документы из английского военно-морского ведомства, которые Бен не успел отправить в Центр.

Бен, Питер и Хелен во время следствия и на суде держались стойко и построили свою защиту очень умно. В своих мемуарах тогдашний руководитель британской контрразведки Райт засвидетельствовал, в частности, что Бен вел себя исключительно мужественно. Он стремился взять всю вину на себя, утверждая, что Крогеры ничего не знали о его разведывательной деятельности.

Хочу также привести отзыв Джорджа Блейка, который, отбывая свой срок заключения, одно время находился в одной тюрьме с Беном: «Гордон Лонсдейл нес свой крест с несгибаемой стойкостью и неизменно пребывал в хорошем настроении». Блейк вспомнил об одном разговоре, происходившем за несколько дней до того, как Бена внезапно перевели в другую тюрьму.

— Ну, что же, — сказал Бен Блейку в своей оптимистической манере, — я не знаю, что произойдет, но в одном уверен: мы с вами будем в Москве на большом параде в день пятидесятой годовщины Октябрьской революции.

Это звучало фантастично, ведь они только что начинали отбывать длительные сроки тюремного заключения.

— Но оказалось, — подчеркнул Блейк, — Лонсдейл был прав. И в самом деле, пятидесятилетие Октября Бен и Блейк встретили в советской столице. Бена в 1964 году обменяли на осужденного у нас английского агента Винна. А Блейк через два года совершил удачный побег из тюрьмы Уормвуд-Скрабс в Лондоне.

Крогеры не выдали противнику никаких секретов. Воспользовавшись краткой встречей во время предварительного слушания дела у судьи, Бен произнес запомнившуюся Крогерам фразу: «Будем помнить Абеля и следовать его примеру». Этой фразой Бен подсказал своим помощникам линию поведения. Крогеры полностью отрицали свою причастность к делам Бена. Несмотря на изнурительные допросы, они решительно отметали утверждение, будто им принадлежали предметы шпионского обихода, найденные в их доме. Питер и Хелен отказывались дать отпечатки пальцев. Силой их заставили это сделать. В результате американское происхождение супругов было установлено с помощью ФБР. Это обстоятельство в дальнейшем значительно осложнило их освобождение.

Открытый судебный процесс, получивший впоследствии название «портлендское дело», по месту службы Хаутона и Джи, начался 13 марта 1961 года в знаменитом Олд Бейли — уголовном суде высшей инстанции.

На седьмой день процесса Бен сделал заявление, в котором всю вину взял на себя, всячески стремясь доказать, что Питер и Хелен ни в чем не виноваты.

— Я считаю нужным сделать это заявление, — сказал он, — так как не хочу, чтобы Крогеры пострадали из-за меня. Это я оставил свои вещи в их доме.

Я знаю Крогеров с 1955 года. Вскоре я стал их близким другом и в течение последних двух или трех лет часто бывал у них. Когда супруги уезжали, они оставляли мне ключи от своего дома и просили бывать там, поскольку у них были старинные книги и антикварные предметы, имевшие большую ценность. Я жил в гостинице, номер там был тесный, и мне пришлось часть своих вещей хранить в доме Крогеров.

Однажды в отсутствие хозяев я оборудовал в подвале дома тайник, обнаруженный при обыске. В нем я спрятал радиопередатчик и другие предметы. Я прекрасно понимал, что если тайник и его содержимое будут обнаружены, у моих друзей возникнут большие неприятности. Поэтому я решил добыть для них фальшивые паспорта, которые они могли бы использовать, чтобы в случае необходимости бежать из Англии…

Последняя фраза относилась к обнаруженным контрразведкой запасным документам Крогеров, изготовленным для них в Центре.

Несмотря на заявление Бена и категоричное отрицание Крогерами выдвинутых против них обвинений, суд приговорил их к тюремному заключению. Этому, конечно, способствовало то, что ФБР передало англичанам доказательства, что на самом деле

подсудимые являются американскими гражданами, которых власти давно разыскивают по подозрению в шпионской деятельности против США.

Однако все попытки служителей Фемиды доказать вину Бена и Крогеров в шпионаже не имели успеха, так как ни контрразведка, ни суд не смогли доказать факта передачи подсудимыми секретной информации какому-либо иностранному государству. Их судили «за заговор с целью совершения шпионажа» и тем не менее приговорили к наказанию, превышавшему даже сроки, назначаемые в Англии за шпионаж: Бена — к двадцати пяти годам каторжной тюрьмы, Крогеров — к двадцати.

Приговор они выслушали спокойно. В тюрьме их несколько раз пытались склонить к сотрудничеству с английскими спецслужбами, соблазняя сокращением сроков наказания и другими посулами, но все безрезультатно.

Интересны некоторые подробности, связанные с делом Лонсдейла и Крогеров, полученные из английских источников. Так, известный журналист Чепмен Пинчер в книге «Их ремесло — предательство» пишет, что только с помощью двух своих агентов, впоследствии выявленных британской контрразведкой (речь идет о Хаутоне и Джи), русские получили важные данные о подводных лодках типа «Дредноут». Другую агентуру английским охотникам за шпионами выявить не удалось. Вообще-то они собирались вести наблюдение за Беном еще три месяца, но им пришлось поторопиться, так как Голеневский, испугавшись разоблачения, 5 января 1961 года бежал из Польши. Опасаясь, что мы сможем предупредить Бена, английские контрразведчики решили срочно арестовать и Крогеров. Впоследствии Скотленд-Ярд сетовал, что информация об этом слишком быстро просочилась в печать, из-за чего «Бог знает сколько участников советской агентурной сети смогли беспрепятственно бежать из Англии». Теперь можно сказать, что благодаря стойкости и находчивости Бена многие наши ценные агенты в Англии уцелели и спустя некоторое время смогли возобновить там свою деятельность. Это, в частности, подтвердил, как пишет Пинчер, «один из советских перебежчиков к англичанам», сообщивший, что Лонсдейла сменил другой разведчик-нелегал, которого контрразведчики так и не сумели раскрыть.

Более того, как свидетельствует Райт, ЦРУ заподозрило, что Голеневский — агент КГБ, которого русские перевербовали незадолго до его бегства из Польши. Вероятно, это явилось одной из причин, что тот помешался. Он стал выдавать себя за одного из наследников дома Романовых и отказывался от бесед с

американскими контрразведчиками, требуя, чтобы ему предоставили возможность иметь дело только с президентом США.

Ожидая появления Бена на месте встречи с Джи, английские оперативники в разговоре между собой, по словам Райта, комментировали это дело в уважительном для нашего разведчика духе. Они высказывали мнение, что он — не чета Хаутону, которого они считали обыкновенным предателем, и делал свое дело так же, как они, офицеры контрразведки, выполняют свое. Они понимали, что он добровольно избрал свой путь, хотя мог бы быть легальным разведчиком, но пошел на риск нелегальной работы, прекрасно сознавая, чем это может грозить ему.

Следуя принципиальной установке не оставлять в беде своих кадровых сотрудников и агентов-иностранцев, наша служба проводила активные мероприятия по освобождению Абеля, осужденного в США в 1957 году, а затем и Лонсдейла с Крогерами. Этим участком ведал начальник отдела обеспечения безопасности разведывательной работы нелегального управления полковник Д.П.Тарасов, опытный оперативный работник, успешно освоивший специфику разведки в особых условиях.

К 1962 году были созданы предпосылки для вызволения Абеля, и в том же году его успешно обменяли на осужденного в СССР пилота самолета-шпиона «У-2» Френсиса Пауэрса. Нет смысла описывать, как проходила эта операция, поскольку о ней подробно писали в мировой печати.

В 1964 году удалось освободить и Бена. Его обменяли на осужденного у нас английского агента Гревилла Винна, проходившего по нашумевшему делу изменника полковника Пеньковского, сотрудника ГРУ Генштаба, ставшего английским, а затем и американским шпионом. Бену вместо отмеренных ему судом двадцати пяти лет пришлось отсидеть в английской тюрьме три года с небольшим.

Сложнее складывалось дело с освобождением Крогеров. Американцы требовали, чтобы английские власти передали их в руки ФБР. Но последним было выгоднее держать их у себя, чтобы обменять на кого-либо из своих ценных агентов, которые провалятся в СССР. Такая оказия случилась лишь в 1969 году.

Вот как описывали свое освобождение Питер и Хелен.

В апреле 1964 года в тюрьме они узнали радостную весть: вышел на свободу их руководитель Бен. Крогеры не сомневались, что недалек и их час. В истории советской внешней разведки еще не было случая, чтобы наш разведчик полностью отбыл наказание, определенное ему судом. Так произошло и с ними. В связи с требованиями американцев передать их ФБР Крогеры

утверждали, что давно отказались от американского гражданства и являются гражданами Польши. В подтверждение этой легенды переписка с ними велась с польской территории.

25 июля 1969 года Крогеры узнали о предстоявшем освобождении. Примечательно, что Питер пользовался в тюрьме таким уважением, что все заключенные, находившиеся вместе с ним, устроили ему торжественные проводы.

— Впервые в истории британских тюрем, — рассказывал Питер, — группа заключенных села за банкетный стол под присмотром надзирателя. Это было в воскресенье, 1 сентября 1969 года. Позади меня на стене повесили красный флаг с серпом и молотом, изготовленный одним из узников. Перед каждым лежала красиво написанная карточка с его кличкой, меня заключенные звали «дон Педро», признавая мое старшинство, как это принято в Испании, где я когда-то воевал…

После объявления о предстоявшем выходе Крогеров на свободу один заключенный, убежденный противник коммунизма, сказал Питеру:

— Должен признать, что, несмотря на противоположность наших взглядов, я восхищен той борьбой, которую вела ваша страна, чтобы освободить вас.

Интересна реакция американской печати на конец дела Крогеров. В августе 1969 года, когда стало известно, что британские власти согласились обменять советских разведчиков, в США началась шумная кампания, чтобы помешать этому. На прошлой неделе, писали заокеанские газеты, британское правительство пошло на сделку, которая нарушает правила обмена шпионами. Оно согласилось обменять осужденных русских шпионов Питера и Хелен Крогеров на Джералда Брука, английского учителя, который нарушил советский закон в 1965 году, когда его поймали при контрабандном провозе антисоветской литературы и зашифрованных инструкций по приему радиосигналов в Москве для членов НТС. Русские на этот раз отдали пешку и получили в обмен пару ладей, сетовала американская пресса.

И все же, несмотря на противодействие ЦРУ, обмен состоялся. Англичане получили за Крогеров Д.Брука, эмиссара НТС. В октябре 1969 года Питер и Хелен прибыли в Москву, а примерно через месяц, в конце ноября, им вручили ордена Красного Знамени.

Немного отдохнув, Крогеры в домашней обстановке встретились со многими своими коллегами. Тут были и Конон Трофимович Молодый, и Рудольф Иванович Абель, и сотрудники Центра, которые имели отношение к нашей лондонской

резидентуре. Жаль, что мне не довелось в тот вечер быть с ними: я находился в зарубежной командировке.

Хотя в 1969 году Питер и Хелен стали пенсионерами, они не прекратили работу в разведке и сделали немало для подготовки молодых нелегалов. В день своего семидесятилетия Питер был награжден орденом Дружбы народов.

Дело Лонсдейла и Крогеров широко освещалось на Западе. Но авторы статей и книг не без подачи английских и американских спецслужб нередко грешили против истины, расписывая «бесчеловечное отношение» советских властей к вызволенным из неволи разведчикам. Например, Джон Баррон в книге «КГБ сегодня» утверждал, что после возвращения Лонсдейла в Москву с ним обращались плохо и не поручали ответственных дел в разведке. Он, мол, очень нервничал, сильно переживал и в конце концов стал алкоголиком. В результате — тяжелый инсульт и смерть в возрасте сорока семи лет.

В этом лживом, клеветническом пассаже правдой является только преждевременная смерть разведчика. Несчастье случилось во время прогулки с друзьями в лесу, где, к сожалению, трудно было оказать немедленную квалифицированную медицинскую помощь. Кстати, медики утверждают, что он был на следственно предрасположен к такому финалу: его отец тоже умер от инсульта в возрасте сорока восьми лет.

Баррон писал, что Лонсдейл оказался в одиночестве. Но это неправда, Бена окружала молодежь, его очень часто навещали друзья. Многие сотрудники Центра считали за честь знаться с ним. Он бывал у них дома, заходил к ним в служебные помещения. Я готов клятвенно засвидетельствовать, что Лонсдейл никогда не был алкоголиком, об этом же говорят и официальные медицинские документы.

— Зачем же все эти клеветнические домыслы? — спросит читатель.

Думаю, делались они для того, чтобы не только как-то бросить тень на Бена, но и очернить внешнюю разведку. Не случайно многочисленные публикации на Западе под покровом псевдообъективности использовались и используются для принижения успехов нашей разведслужбы, замалчивания ее успешных операций и выпячивания неизбежных в острой борьбе неудач и просчетов. Но не зря говорится, что у лжи короткие ноги. Даже тот же Баррон вынужден признать достоинства многих советских разведчиков-нелегалов и высокую эффективность ряда разведывательных операций Москвы. Он пишет: для того чтобы стать «гражданином западного мира», нашему разведчику требуются неимоверный труд, упорство и глубокое понимание

образа мыслей народа и особенностей страны, где ему придется действовать. Мало суметь найти хорошую службу и трудиться так, как это делает, скажем, средний американец, если речь идет о США. Нужно еще настойчиво и целеустремленно выполнять свою главную обязанность — добывать секретную информацию. А это дело, как признает Баррон, полное нервного и физического напряжения. Но непрестанное воздействие стресса не должно понижать уровень мышления и быстроту реакции нелегала. Ему нужны не только физическое здоровье и высокий интеллект, коммуникабельность и способность иметь дело с людьми из любой социальной среды, не только упорство, целеустремленность и смелость, энергичная инициатива и богатое воображение. Требуются, как в данном случае верно уловил Баррон, беспредельная преданность своей стране и народу, готовность посвятить всю свою жизнь делу разведки, а если потребуется, то и умереть за это.

Французские историки Роже Гейзен и Жак де Люне написали в 1970 году книгу «История психологической и тайной войны 1939-1963 годов». Справедливо критикуя деятельность западных разведок в годы второй мировой войны, авторы дают достаточно объективную оценку того, что удалось сделать в этот период советской разведке. Они выступают против тех, кто на основе сообщений о провале отдельных советских разведчиков высказывает сомнения в эффективности всей шпионской службы Кремля. В разведывательном деле — и в этом с авторами трудно не согласиться — большую роль играют случайности, неизбежны провалы, что, однако, не дает оснований для негативной оценки всей деятельности той или иной разведслужбы. Они подчеркивают, что в то время, как западные разведки до 1943 года испытали много неудач, советская разведка в канун войны и в ее ходе добилась «блистательных успехов». Это результат мастерства ее сотрудников, которым в большинстве случаев удавалось уходить из сетей, расставленных контрразведчиками гитлеровской Германии, Англии, Франции, США и других западных государств.

Смело могу подписаться под этим. Ведь тут, по существу, речь идет и о деятельности резидентуры Бена. Английской контрразведке помогла чистая случайность, когда изменник, польский полковник Голеневский, оказался в курсе некоторых данных о Хаутоне. В то же время, несмотря на все усилия британских джеймсбондов, им не удалось выявить и десятой доли деятельности, которую Бен вел в течение более чем пяти лет в туманном Альбионе.

Вот почему провал Бена и Крогеров мы рассматривали не

только и не столько как горькое поражение, но и как нашу моральную и профессиональную победу над английскими спец службами.

Зёнхен (Сынок). Это первое кодовое имя выдающегося советского разведчика Кима Филби, которое было присвоено ему в 1934 году, когда он стал сотрудничать с нашей службой. За тридцать — подумать только: за долгие три десятка лет непрерывной работы за границей в особых условиях (это, наверно, рекорд в истории всех разведок) он пользовался не одним оперативным псевдонимом. Но нет необходимости перечислять их здесь.

О знаменитом мастере разведывательного дела написано много. Вышла и книга его воспоминаний. И все же мне хоте лось бы рассказать немного о нем. Надеюсь, что мои заметки дополнят портрет нашего большого друга новыми штрихами.

С Филби я впервые встретился в 1963 году, когда он окончательно вернулся в Москву. Нужно было вручить ему советский паспорт, что я и сделал с удовольствием. Встреча была короткой, тем не менее он произвел на меня неизгладимое впечатление. Это был необыкновенно цельный, глубоко эрудированный человек. Мне особенно импонировало то, как он с большим чувством юмора воспринимал, скажем так, некоторые неудобства нашего быта.

Когда мне довелось соприкоснуться с практической деятельностью Филби, я убедился в его замечательных профессиональных качествах. Это произошло в тот период, когда он стал представителем Сикрет интеллидженс сервис в США по связи с ЦРУ и ФБР (октябрь 1949 — июнь 1951 года). Такое везение нечасто выпадает на долю разведки. Для нас же это стало первой возможностью действовать сразу против двух наших тогдашних главных противников — британской и американской спецслужб. Вряд ли стоит напоминать, что за почти два года нахождения на этом посту К.Филби сумел добыть очень много важнейшей информации о деятельности американских спецслужб во взаимодействии с СИС, раскрыл многие сокровенные тайны ЦРУ и частично ФБР, заметно обогатил наше ведомство пониманием методов этих спецслужб. Все это значительно облегчило агентурное проникновение нашей внешней разведки в разведывательное сообщество Вашингтона.

Но еще более важная часть проделанной Филби работы состояла в передаче подробнейшей информации, характеризующей личный состав американской разведки и контрразведки. Особенно ценными оказались исчерпывающие оценки личных качеств и психологических особенностей более

двух десятков сотрудников ЦРУ, наиболее перспективных в плане дальнейшего продвижения в этой службе. При этом он не только дал оценку их объективным данным, но и проинформировал о том, как их характеризовал главный контрразведчик ЦРУ Джеймс Энглтон.

Об отношениях Филби с этим опаснейшим для нас противником следует сказать подробнее. Здесь же хочу отметить, что наш замечательный разведчик произвел на меня впечатление как непревзойденный мастер психологического анализа, способный глубоко оценивать людей и их поведение. Изучив данные на выбранных им сотрудников ЦРУ, он пришел к убеждению о возможности их «разработки» с целью дальнейшей вербовки. Филби подобрал возможные пути и средства склонить их к сотрудничеству, но не с нашей внешней разведкой, а с западными спецслужбами, в частности, английской, французской и западногерманской. В отношении двух кандидатов он высказал уверенность, что сам сумеет привлечь их к сотрудничеству с СИС, чем и занялся весьма успешно. Жаль только, что к 1963 году, когда Филби окончательно провалился и вернулся в СССР, эти «агенты СИС» были выведены нами в резерв до лучших времен.

Что касается Энглтона, то в его отношениях с Кимом Филби проявилась необыкновенная способность нашего разведчика вызывать к себе полное доверие как раз со стороны наиболее недоверчивых людей, каким был ловец шпионов № 1. Филби искусно использовал англофильство Энглтона, буквально привязал его к себе и добился того, что у американского контрразведчика не стало секретов от представителя СИС.

Филби характеризовал Энглтона как самого информированного в ЦРУ человека. Он знал все слабые стороны практической деятельности этой службы, все ее наиболее засекреченные источники информации, в том числе и по нашей стране. Полностью доверяя представителю СИС, Энглтон часто советовался с ним по конкретным делам и людям. Иногда нам казалось, что автором переданных в Центр шифровок был не Филби, а главный контрразведчик ЦРУ, так как их текст целиком состоял из информации, полученной от Энглтона.

Когда Филби заподозрили в сотрудничестве с советской разведкой из-за бегства в Москву Маклина и Бёрджеса и в июне 1951 года отозвали в Лондон, Энглтон не поверил этому и защищал своего английского «идола». И лишь спешный отъезд Кима Филби в январе 1963 года в Советский Союз, чтобы избежать ареста, раскрыл глаза Энглтону. Дабы избегнуть обвинений против себя за потерю бдительности, Энглтон сжег все свои записи о встречах и беседах с Филби.

Печальный опыт вызвал у главного контрразведчика ЦРУ тотальное недоверие ко всем и вся, что привело к тому, что в этом ведомстве надолго установилась атмосфера подозрительности и шпиономании. В ней буйно расцвели измышления изменника Голицина, бежавшего в США, о массовом проникновении советских «кротов» в разведывательные структуры Вашингтона, Лондона, Бонна и Парижа. Все это было на руку нашей внешней разведке.

Размышляя о роли Филби в истории с Энглтоном, я пришел к выводу, что СИС невольно оказалась нашим лучшим помощником в противоборстве с американской разведкой. Под прикрытием этой британской спецслужбы внешняя разведка успешно проводила операции, направленные против ЦРУ и ФБР, и отнюдь не только в течение 1949-1951 годов.

Живя в Москве, Ким Филби в течение четверти века (он скончался в 1988 году, и прах его покоится в московской земле) был консультантом нашей службы. Он принес неоценимую пользу, способствуя лучшему пониманию внешней разведкой действий и методов как СИС, так и ЦРУ. Советы многоопытного разведчика помогли успешно использовать таких наших агентов, как Прайм, в течение четырнадцати лет верой и правдой служившего нам, или Уокер (у него была группа помощников), от которых мы получали весьма ценную информацию по американским шифрам.

Максимов. Возглавляя резидентуру в США еще до начала второй мировой войны, И.А.Ахмеров выявил в государственном департаменте нескольких многообещающих молодых дипломатов, которые были настроены резко антифашистски. Он поручил своему помощнику Н.М.Бородину познакомиться с одним из них — назовем его кодовым псевдонимом «Двадцать девятый» — н изучить возможности его вербовки.

«Двадцать девятый» работал в латиноамериканском отделе дипломатического ведомства. Руководство очень благосклонно относилось к нему, и особенно заместитель госсекретаря Уоллес. Перед молодым дипломатом раскрывались блестящие перспективы продвижения по службе.

Бородин свел с ним знакомство и сумел завоевать его доверие. Дело в конце концов завершилось вербовкой. «Двадцать девятый» согласился сотрудничать с советской разведкой «до конечной победы над фашизмом». При этом было оговорено, что он ничего не будет делать в ущерб США.

Вплоть до отъезда Ахмерова и Бородина из Соединенных Штатов в конце 1939 года сотрудничество нового агента с нами развивалось успешно. Подписание Кремлем пакта о ненападении

с гитлеровской Германией не оттолкнуло его. Он воспринял это как неизбежное зло и без колебаний заверил, что, раз вступив на путь борьбы, с него не сойдет.

«Двадцать девятый» передал нам много ценнейшей информации по Латинской Америке. И не только ту, что поступала из американских дипломатических представительств в регионе. К нему стекались сведения также из военных ведомств, Министерства финансов. Со второй половины 1942 года он получил возможность знакомиться также с информацией из нового разведывательного органа Вашингтона — Управления стратегических служб.

Все эти материалы представляли особый интерес для нас, ибо они свидетельствовали об активизации немецкой агентуры в Латинской Америке, что с учетом стратегических перспектив требовало повышенного внимания к этому региону. Поэтому там мы планировали создать нелегальную резидентуру.

С конца 1939-го по октябрь 1941 года «Двадцать девятый» из-за отъезда Ахмерова и Бородина оставался без связи, но имел задание собирать информацию о деятельности нацистской разведки в Латинской Америке и вообще на Американском континенте, а также данные об общеполитической обстановке в регионе, влиянии там Германии, позициях и намерениях США

Сразу по возвращении в США Ахмеров уже лично установил контакт с «Двадцать девятым» и стал получать от него исключительно ценные материалы как политического характера, так и оперативного.

Значение этой информации было тем более велико, что к тому времени в Латинской Америке уже вступила в действие нелегальная резидентура под руководством Максимова. Она располагалась в Аргентине, но сфера ее деятельности охватывала весь континент. Эффективность работы резидентуры заметно повысилась с поступлением информации от «Двадцать девятого», в которой на основе посольских депеш и шифротелеграмм анализировалась обстановка в регионе с точки зрения обеспечения интересов США, освещалась активность пронацистских элементов и германской агентуры. Не меньшую важность представляли и сведения об оперативной обстановке в различных странах Латинской Америки.

Чтобы быстро доставлять резидентуре Максимова информацию от «Двадцать девятого», Ахмеров и Зарубин наладили курьерскую связь из США в Аргентину воздушным и морским путем. Все годы она функционировала безотказно.

Эти усилия во многом способствовали успешным операциям возглавлявшейся Максимовым диверсионно-разведывательной

сети. С самого начала войны она была нацелена на подрыв коммуникаций, связывавших Германию с Латинской Америкой, на то, чтобы не допустить поставок в Европу сырья, горючего и других стратегических материалов, которые во все больших количествах требовались германской военной машине. Только за два с половиной года (1942-1944) группе Максимова удалось потопить и вывести из строя десятки судов, перевозивших грузы из Буэнос-Айреса в немецкие порты, уничтожить многие портовые склады. Бывали, правда, и неудачи.

Как-то в лаборатории по изготовлению взрывчатых веществ и устройств для нужд диверсионной группы произошел взрыв, серьезно пострадал один из согрудников.

Я должен рассказать более подробно о Максимове — человеке с удивительной судьбой, личности чрезвычайно яркой и неординарной. Теперь это можно сделать.

Его имя и фамилия — Иосиф Ромуальдович Григулевич, но я буду по старой привычке именовать его Максимовым. Он — уроженец Литвы, караим[30]. Во время гражданской войны в Испании сражался в интербригаде, где привлек к себе внимание внешней разведки как смелый, находчивый боевик, уже тогда в совершенстве владевший несколькими иностранными языками, к которым впоследствии добавился еще не один. Там он и был завербован, начал выполнять разведывательные задания.

Личное знакомство с Максимовым у меня состоялось лишь в 1949 году, когда я перешел на работу в нелегальную разведку. Но я знал его заочно по донесениям и тем ориентировкам, которые направлялись ему из США еще в довоенные и первые военные годы.

Когда Максимов после Испании побывал там, объехав, кстати, почти все латиноамериканские страны, его по указанию Берии временно взяли от нас и передали Особому бюро, которое возглавлял П.А.Судоплатов. Это подразделение занималось террористическими и диверсионными актами и замыкалось на наркоме и одном из его заместителей.

Максимова подключили к подготовке первого покушения на Троцкого, совершенного группой Сикейроса[31], но непосредственного участия в террористическом акте не принимал. Из переписки с ним (после того, как он вновь вернулся в распоряжение внешней разведки в 1940 году) мы знали, что его задача состояла в том, чтобы изучить обстановку в Мексике, оценить отношение различных общественно-политических сил в стране к Троцкому. С поручением он справился быстро и успешно. При осуществлении самого теракта его роль сводилась к тому, чтобы стоять, так сказать, «на стреме», наблюдать за

обстановкой и предупредить исполнителей, если появится полиция.

Максимов обладал прямо-таки уникальными способностями устанавливать контакты, заводить знакомства с людьми из любой социальной среды. Он лично знал руководящих деятелей практически всех стран Латинской Америки. Общая численность созданной им там нелегальной сети достигала 200 человек, которыми он четко руководил. Только на личной связи у него находилось более 50 агентов и доверенных лиц.

По окончании войны его перебросили в Европу. С нашего согласия Максимов создал для себя очень хорошее, но, прямо скажем, достаточно щекотливое прикрытие. То, каким оно было, я до недавних пор относил к тайнам нашей разведки, которые должны храниться вечно. Но, кажется, сейчас ничто не вечно в нашем мире. Сведения об этом проникли в российскую печать.

Так, в мае и июне 1993 года газета «Известия» опубликовала две статьи: «Шпион по особым поручениям Кремля» и «Несостоявшееся покушение. Как советский агент Макс готовился к террористическому акту против Тито». В них говорилось о том, что Максимов в 1940 году участвовал в неудавшемся покушении на Троцкого, а после войны, прикрываясь должностью костариканского посла в Ватикане, вел разведывательную работу в Западной Европе и по заданию Берии должен был совершить покушение на югославского лидера, вышедшего из подчинения Москве. Второй материал подкреплялся документом из архива Сталина. Это записка МГБ СССР на имя хозяина Кремля (в силу особой секретности ее лично написал от руки один из заместителей тогдашнего министра госбезопасности Игнатьева в единственном экземпляре) с просьбой разрешить подготовку и организацию теракта против Тито с использованием агента-нелегала Макса — И.Р.Григулевича, члена КПСС с 1950 года.

Что ж могу сказать, это был рискованный шаг с точки зрения возможной расшифровки, ибо слишком многие в мире, тем более в Латинской Америке, знали Максимова в совершенно ином качестве. Но цели, которые мы преследовали, риск оправдали. Располагая возможностью выезжать чуть ли не в любую точку земного шара, он неоднократно с успехом выполнял ответственные разведывательные задания.

В конце 1952 года Берия поставил перед руководством разведки, наверное непосредственно перед тогдашним начальником нелегальной службы А.М.Коротковым, вопрос о проведении какой-то особо важной акции. Для ее осуществления требовалось подобрать самого способного нелегала. Выбор пал на Максимова. Представителю нелегальной службы в Вене было

поручено провести с ним встречу и сообщить об этом новом задании, не раскрывая его сути и сказав лишь, что оно носит весьма ответственный и рискованный характер и чем-то напоминает ту операцию, к которой он привлекался в Мексике. Одновременно Максимову предложили добиться аккредитации в качестве представителя Коста-Рики в Югославии. Нелегал заверил, что аккредитоваться в Югославии для него не составит особого труда, но к перспективе участвовать в выполнении особого задания отнесся, мягко говоря, без энтузиазма.

Позднее Максимов говорил мне, что категорически отказаться он не мог, особенно памятуя опыт Мексики. Не согласившись тогда принять непосредственное участие в покушении на Троцкого, он сразу же почувствовал недоброжелательное отношение Центра. Преодолеть эту недоброжелательность помогла лишь его исключительно продуктивная деятельность в военное время.

По получении сообщения об аккредитации Максимова в Югославии его срочно вызвали в Москву. Со слов Короткова я понял, что вызов был осуществлен в грубой, категорической форме, без учета возможных последствий для дальнейшей работы нелегала за границей.

В Москве Коротков беседовал с ним с глазу на глаз, и вскоре после этого последовал приказ об увольнении Максимова из разведки. Я неоднократно встречался с ним в тот период и вел его дело. Он достаточно прозрачно дал понять, что ему хотели поручить нечто весьма неприятное и рискованное, но он фактически отказался от задания. После этого Максимов стал серьезно опасаться за свою жизнь.

Я считаю Иосифа Ромуальдовича одним из сильнейших разведчиков-нелегалов на своем участке, терять которого было жаль. Поэтому я попытался узнать у Короткова, в чем причина отказа от его дальнейшего использования. Тот сначала ни чего не хотел говорить, ссылаясь на распоряжение Берии. Но затем из некоторых его высказываний я понял, что верховный шеф госбезопасности поручил ему выяснить, не догадался ли Максимов о конкретном содержании намечавшейся акции. Будь это так, участь его оказалась бы предрешена. Жизнь ему тогда спасло то, что он сообразил: ни в коем случае нельзя показывать, что для него ясна цель поручаемого задания. Впрочем, Максимова, да и никого другого, в нее действительно не посвящали. Лишь теперь, когда недавно была обнаружена записка Берии на имя Сталина с предложением о проведении теракта против руководителя Югославии Иосипа Броз Тито, все стало ясно.

После увольнения из разведки Максимов пережил трудные годы. Но он быстро приспособился к новым условиям. Сказались его талант, неисчерпаемая энергия и колоссальная трудоспособность. Прекрасно зная обстановку в Латинской Америке, разбираясь в хитросплетениях политики Ватикана, обладая незаурядными качествами аналитика, хорошим пером, Максимов — теперь уже Иосиф Ромуальдович Григулевич — без чьей-либо помощи и поддержки достиг немалых высот в науке, стал ведущим советским латиноамериканистом, был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР и назначен главным редактором журнала «Общественные науки в Советском Союзе». Им опубликованы многочисленные научные и публицистические работы — книги, брошюры, статьи.

В 1988 году И.Р.Григулевич скончался. К сожалению, те, кто по долгу службы должен был проявить заботу о его семье, вдове, забыли о своей обязанности, и эту миссию пришлось взять на себя ветеранам разведки.

Глава 7. Боевое крещение

В конце 1953 года А.М.Коротков высказал мысль, что мне было бы полезно самому попытать силы на нелегальной стезе.

— Как вы смотрите на то, чтобы совершить тайную поездку по Европе, встретиться с нелегалами и их агентурой в ряде стран, проверить на месте состояние дел, дать необходимые советы и рекомендации? — спросил он. И добавил: — Учитывая ваш опыт работы в Канаде и довольно хорошее знание Соединенных Штатов, можно было бы воспользоваться американскими документами.

Я загорелся этой мыслью. Однако счел долгом напомнить Александру Михайловичу, что уже сильно скомпрометирован перед заокеанскими спецслужбами: не будет ли это препятствием к предполагаемому путешествию? Коротков заметил, что, коль скоро я не собираюсь появляться на глаза официальным американским и, тем более, канадским властям, он не видит особой опасности.

— Кроме того, мы подумаем, как вас подстраховать, — добавил он после небольшой паузы.

Уверенность Александра Михайловича меня очень приободрила, тем более что и мне самому хотелось испытать на себе, как живут и работают нелегалы. Не раз задавал я себе вопрос: смогу ли сам выдержать те трудности, на которые идут мои коллеги? Мысленно представлял себе, что произойдет, если меня кто-то опознает. Естественно, что последующее расследование не сулило бы мне ничего хорошего, ибо я достаточно был известен Западу не только по «делу Гузенко». На такой случай мне останется только одно — молчать, ибо никакая защитная легенда уже не поможет.

Короче говоря, я принял предложение Александра Михайловича. Спустя некоторое время он поручил мне готовить все необходимое для поездки. Напарницей в командировку со мной направлялась Лона Коэн, ставшая впоследствии Хелен Крогер. Видимо, это имел в виду Коротков, когда говорил о под страховке. Лона должна была подкрепить мою легенду, по которой я выступал как гражданин США, и оградить меня от нежелательных контактов с американцами.

Так как в моем английском языке явственно ощущался славянский акцент, в легенде-биографии были предусмотрены соответствующие корни. Для большей гарантии от любых случайностей я ориентировался на преимущественное использование французского языка, помня, что в нем проступал

уже не славянский, а английский акцент. Еще и еще раз с благодарностью вспоминал своих канадских преподавателей французского языка, супружескую пару Корди, которые сумели так эффективно передать мне свой английский акцент. Я должен был выдавать себя за мелкого бизнесмена в области антиквариата; в качестве места постоянного жительства в США фигурировал небольшой городок близ канадской границы. Соседство Канады я выбирал на тот случай, если обнаружат в моем французском языке «канадизмы (язык, на котором говорят канадские французы, заметно отличается от языка жителей современной Франции).

Составление легенды для Лоны было делом гораздо более легким. Будучи американкой всем своим обликом и поведением, она могла выдержать любую проверку, за исключением, конечно, проверки по американским архивам. В США она была крепко «засвечена» в связи с делом о так называемом «атомном шпионаже». Ей тоже крайне нежелательно было бы встретить кого-либо из знакомых американцев. Но это мы считали маловероятным.

Наш маршрут предполагал более или менее продолжительные остановки в Австрии, Италии, Швейцарии, Франции и Бельгии, а также кратковременные заезды в соседние государства. Планировались встречи с разведчиками-нелегалами, деятельностью которых я руководил из Центра.

Через три недели после принятия решения о поездке мы были готовы к путешествию. Можно было сделать это и быстрее, но я решил немного потренироваться в американском варианте английского языка, для чего попросил позаниматься со мной Елену Ивановну Ахмерову, которая за несколько «сеансов» сильно помогла оживить мой английский и пополнить его американизмами.

Что еще? Ну, конечно, отпустил усы и изменил прическу — с «политического» зачеса назад на «дипломатический» пробор. Наши мастера маскировочного дела утверждали, что я стал «трудноузнаваемым». Неожиданное подтверждение этому я получил в Вене, где нас встречали наши товарищи, знавшие только псевдоним приезжего — Дож. Среди встречавших был один мой давний подчиненный. Он старательно приглядывался ко мне и, как позже признался, мучительно вспоминал, где он встречал Дожа раньше. Как же он был удивлен, когда я открылся ему.

В Вену мы вылетели порознь на самолетах советских оккупационных властей. Первой поднялась машина, в которой на ходился я. Позже Лона рассказала, что страшно беспокоилась за

меня, когда во время ее рейса пилот сообщил, что с первым самолетом произошло что-то неладное и, возможно, будет аварийная посадка.

А случилось вот что. Не успели мы подняться с подмосковного аэродрома, как стал барахлить авиационный компас. Вскоре он совсем вышел из строя. Произошло это примерно на полпути до аэродрома Легнице в Польше, где предстояла промежуточная посадка. Вот тогда-то и поступил сигнал бедствия на самолет, летевший вторым. Между тем наш пилот, хорошо знавший трассу, увеличил скорость и благополучно дотянул до аэродрома. Но от меня не укрылось, что он обеспокоен: его предупредили об особой осторожности при доставке «ценного» пассажира. А пассажир этот восседал в грузовом отсеке на пакетах с почтой и с нетерпением ожидал приземления.

Из-за нелетной погоды мы вынуждены были ночевать в Легнице, а утром благополучно прибыли в Вену. Нас устроили до вечера на загородной вилле с тем, чтобы под покровом темноты «выбросить» в город уже как иностранцев — путешествующих американцев. Сотрудник резидентуры, опекавший нас, рассказал об обстановке в Вене, существовавшем там паспортном режиме, передал необходимые документы и рекомендовал, в каких гостиницах лучше всего остановиться.

С Лоной у нас был оговорен порядок связи между собой на всю поездку. Легенда была предельно проста — мы совместно путешествующие близкие знакомые. Поскольку для Лоны вообще не существовало каких-либо проблем при переходе на нелегальное положение (кроме заботы о том, чтобы не подвел «липовый» паспорт), она, естественно, больше беспокоилась о моей безопасности.

Поселение в гостинице прошло гладко. Я заполнил обычный регистрационный формуляр, отдал его портье вместе с американским паспортом и сказал, что намерен пробыть в Вене несколько дней. Получил ключи от номера, осмотрел его и оставил в нем небольшой дорожный чемодан. Затем вышел на улицу, чтобы прогуляться с Лоной по ночному городу, откуда нам предстояло начать свой путь по Европе в необычном для меня качестве.

Мы прошлись по главной торгово-деловой улице центрального района — Кертнерштрассе. Выбрали туристическое бюро, где собирались получить информацию о приобретении билетов на поезд до Рима. Я приглядел и парикмахерскую, куда намеревался зайти «подшлифовать» свою новую московскую прическу.

На следующее утро состоялось мое первое испытание «на американца». Как положено мужчине, сопровождающему даму, мне в туристическом бюро следовало взять инициативу в свои руки. Поэтому уверенным голосом, хотя и не без внутренней напряженности, я обратился к клерку за информацией о поездах, идущих в Италию, о стоимости билета, времени отправления и так далее. Лона внимательно следила за реакцией служащего, готовая вмешаться, если бы это потребовалось. Узнав, что перед ним американцы, клерк начал возмущаться тем, что «эти русские» ввели для иностранцев так называемые «серые карточки», и предупредил, что их придется предъявлять на границе при выезде из Австрии. Мы с Лоной, естественно, разделили его возмущение, но внутренне вздохнули с облегчением — нас приняли за тех, за кого мы себя выдавали.

Из бюро мы уверенно направились на железнодорожный вокзал за билетами. «Серые карточки» давно лежали у нас в кармане: мы знали не только о них, но и о всех других условиях выезда иностранцев из оккупированной Австрии.

С билетами на поезд, отправлявшийся на следующий день, мы прошлись по магазинам, купили некоторые мелкие предметы обихода и одежды европейского производства, чтобы по полнить наш скудный гардероб.

Вечером предстояла встреча с сотрудником резидентуры, чтобы сообщить время отправления поезда, номер вагона и наши места. Коллеги должны были проследить за тем, как пройдет пересечение нами австро-итальянской границы.

После этой деловой встречи мы еще успели побывать в кинотеатре и посмотреть американский боевик, в котором какой-то «джеймс бонд» победно преодолевал любые преграды. Получив такой «бодрый» заряд, мы отправились отдыхать.

Поезд отправлялся во второй половине дня. Выбирая время отъезда, мы рассчитывали пересечь границу ночью, когда пограничники и таможенники обычно проводят контроль без лишних вопросов.

Каково же было наше изумление, когда в вагоне мы оказались в окружении русских пассажиров, следовавших в Италию. Оценив опасность того, что кто-то из соотечественников мог знать меня, мы договорились с Лоной, что я в основном буду находиться в купе, а «внешнюю» активность возьмет на себя она. Но нет худа без добра. Лона обратила внимание на то, что русские сами повели себя настороженно по отношению к «этим американкам». Они обменивались довольно недружественными замечаниями по нашему адресу. Словом, можно было не беспокоиться, тем более что среди заполнивших вагон соотечественников я не увидел ни

одного знакомого лица.

С австрийским таможенником все обошлось довольно просто. Только небольшую заминку вызвал его вопрос: есть ли у нас долларовая квитанция? Лона ответила, что такой квитанции у нас нет, тем более что мы в Вене за пару дней истратили «только» несколько сотен долларов. Таможенника ответ удовлетворил. Но я отметил для себя промашку нашей документальной службы — нужно было предусмотреть и такую бумажку, ведь могли быть и неприятности из-за ее отсутствия.

Австрийские пограничники, так же как и пришедшие затем итальянские, без лишних слов проштемпелевали паспорта и быстро удалились, чтобы не мешать отдыху пассажиров.

Итальянский таможенник спросил, что мы имеем для декларации. Ответ — «только доллары» — вполне удовлетворил его.

Поздно вечером мы прибыли в Рим, где предстояло прожить около двух недель, намеченных мною, чтобы «обжить» американские документы перед дальнейшим путешествием и встретиться с ожидавшими меня здесь нелегалами.

Выйдя из вокзала, я попросил таксиста отвезти нас в какую-нибудь небольшую, приличную, но не очень дорогую гостиницу. Он вскоре притормозил перед сияющим огнями входом в первоклассный отель, где, как объяснил водитель, обычно останавливаются американские туристы. Я готов был уже повторить свою просьбу отвезти нас не в такое шумное место, как автомобиль проехал еще полквартала и остановился у внешне малоприметной, небольшой гостиницы. Как мы смогли потом убедиться, это был скромный, но вполне приличный отель с хорошо поставленным обслуживанием.

В вестибюле нас встретил любезный портье. Мы попросили два небольших номера, желательно по соседству. Мой оказался угловым. Окна выходили на внутренний дворик. Отметил для себя, что от меня можно легко перейти в соседний номер по наружному балкончику. Об этом мне пришлось с тревогой вспомнить в ту же ночь.

Вернувшись после ужина из ресторана и приняв душ, я с наслаждением лег отдыхать и быстро заснул, несмотря на доносившийся с улицы шум.

Разбудил меня громкий разговор в коридоре: это была английская речь с явным американским говором.

— Что вы здесь делаете? Откуда прибыли и куда направляетесь? Есть ли у вас разрешение на пребывание в городе? Предъявите ваши документы, кем они выданы? — властным голосом задавал вопросы один из говоривших. Другой, видимо

застигнутый врасплох, отвечал невнятно.

Меня обеспокоил этот шумный разговор. Я сразу представил себя на месте опрашиваемого и понял, что мне пришлось бы нелегко. Первое, что я подумал: американцы проверяют всех проживающих вблизи фешенебельной гостиницы, где, вероятно, поселился какой-либо важный визитер из США. Такой контроль мог быть вызван и обострением обстановки в Италии, где в тот период активно действовали так называемые «красные бригады» и часто случались террористические акты. Вне зависимости от причин происходящего мне все это представлялось нежелательным. Можно было ожидать, что очередь дойдет и до меня. Стал мысленно готовиться к тому, как встретить непрошенных гостей. Вовлекать ли в это дело Лону, если да, то как? Решил: попытаюсь обойтись без нее, а если понадобится прибегнуть к ее помощи, то лишь в самом крайнем случае.

Мелькнул в памяти очень верный вывод Фрейда. Он считал готовность к страху целесообразной, развитие же страха — нецелесообразным. Именно такую «готовность к страху» испытал я тогда в комнате римского отеля.

Вскоре голоса стихли, и я стал ждать стука в свою дверь. Но все затихло, и никто не проявил интереса к моей персоне. В напряженном ожидании я провел остаток ночи и только под утро крепко заснул, чуть не проспав условленное время встречи с Лоной за завтраком.

Утром мы с ней тщательно проанализировали происшедшее и решили предпринять такой проверочный шаг: Лона заявит администрации гостиницы протест по поводу того, что ей но чью мешали спать какие-то голоса в соседнем номере или коридоре, и спросит, в чем дело?

Из объяснений портье мы поняли, что в гостинице часто останавливаются солдаты-янки, среди которых попадаются ушедшие в самоволку и даже дезертиры. По договоренности с владельцем гостиницы американское командование проводит эпизодические проверки таких постояльцев. Портье, извинившись за беспокойство, заверил, что впредь постарается, чтобы не тревожили других гостей.

Забрав паспорта, мы отправились осматривать город. Нам надо было познакомиться с местом, где предстояла вечером встреча с сотрудником легальной резидентуры. Она была намечена в районе Колизея, в лабиринте узких улочек около входа в небольшую церковь. Сориентироваться было легко, имея в качестве «маяка» Колизей, полуразрушенные стены которого поражают воображение. Мы обошли его снаружи, прошли по многочисленным внутренним помещениям, постояли в остатках

ложи, где когда-то восседали римские вельможи и сам Цезарь, побродили по арене. Небольшую церквушку нашли быстро, наметили место, откуда Лона будет наблюдать за местностью, чтобы вовремя предупредить меня, если обнаружится что-либо подозрительное. Я подобрал кроме того маршрут подхода к месту встречи.

Чтобы сохранить силы для вечерней операции, мы не воз вращались в гостиницу, а пообедали поблизости в одной из пиццерий. Около пяти часов пополудни вышли к начальному пункту маршрута. Это был небольшой уютный парк, где можно было отдохнуть.

Перед нами стояли две задачи: не упустить ничего подозрительного, не проглядеть наружного наблюдения, если оно увяжется за нашим оперативным работником, а после встречи убедиться в том, что нет «хвоста» за нами.

Около семи вечера мы порознь направились к месту встречи — она была назначена на восемь часов. Все шло хорошо, но вдруг уже в районе Колизея у меня вызвали подозрение несколько неизвестно откуда появившихся мотоциклистов. Они покрутились несколько раз, пересекая путь моего подхода к церкви. Я решил проверить, не одни ли и те же молодцы крутятся вокруг меня. Зная, как опасно дать волю подозрительности, я занял наблюдательный пост на одной из улочек, проследил за мотоциклистами и убедился, что это были обыкновенные рокеры. После этого прошел до пункта контрнаблюдения за нашим разведчиком, где Лона подала сигнал: «все спокойно». Можно было вступать в контакт со стоявшим у входа в церковь нашим сотрудником. К моей радости, им оказался хорошо знакомый резидент легальной резидентуры Дмитрий Георгиевич Федичкин. Мы сердечно поприветствовали друг друга, обменялись сообщениями — от меня Центру, от Центра мне — и обговорили условия срочного вызова оперативного работника на явку, если у меня возникнет такая необходимость.

В начале встречи Д.Г.Федичкин обратил внимание на нервное, по его мнению, поведение моей спутницы. Я успокоил его, сказав, что все идет по плану. Что же касается некоторой ее нервозности, то это легко понять. Дело в том, что по своему опыту работы в США она знает, какие опасности таят личные встречи разведчика-нелегала с представителем легальной резидентуры. Мы расстались, выразив надежду на скорую встречу в Центре, куда Д.Г.Федичкину предстояло вернуться в ближайшие месяцы.

В Италии у меня было запланировано несколько длительных бесед с нелегалами, в том числе с Ефимом и его женой Тоней.

Они хорошо легализовались, создав небольшое предприятие, работали в стране уже несколько лет. Мы собирались поручить Ефиму руководство ценным агентом, служившим в важном правительственном ведомстве. Я должен был подробно ориентировать нелегала о нем.

Я оставлял Лону и отправлялся на встречи один, каждый раз обговаривая свое возвращение точными сроками. Все шло нормально, пока однажды Лоне не пришлось, как она потом говорила, пережить «ужасные минуты тревоги» за меня.

В одну из встреч с Ефимом мы решили совершить поездку на автомашине из Рима в Неаполь. Там у него были хорошие друзья, с которыми он намеревался познакомить меня, чтобы вместе оценить их потенциальные разведывательные перспективы.

Кстати, об автомашине. Еще при первой встрече я обратил внимание на двигавшийся в потоке транспорта ярко-красный автомобиль. Каково же было мое удивление, когда эта, так бросающаяся в глаза машина остановилась около меня и из нее вышел Ефим.

Не сумев сдержаться, я довольно строго спросил:

— Вы что же, решили сосредоточить внимание всего Рима на моей скромной персоне? Зачем понадобилось арендовать такую приметную машину?

Я удивился еще больше, когда Ефим невозмутимо ответил, что это машина не арендованная, а его собственная. На ней он разъезжает по Риму и по всей Италии.

— Такая машина, — с гордостью продолжал разведчик, — есть еще только у префекта римской полиции, и когда я еду по городу, все полицейские на всякий случай отдают мне честь!

Понятно, что я решительно осудил такой смелый, но необдуманный выбор и отказался пользоваться красной машиной. Договорились, что впредь он будет приезжать на арендованном скромном и незаметном автомобиле.

В день поездки в Неаполь я предупредил Лону, что могу вернуться позже обычного.

По дороге мы с Ефимом посетили нескольких его знакомых, которым он представлял своего друга — американского бизнесмена, то есть меня. Это заметно прибавило ему веса в глазах деловых партнеров и друзей. В Неаполе располагалась база американского военно-морского флота, представлявшая большой интерес для Центра. Знакомство с обстановкой заняло много времени, и мы решили отложить возвращение в Рим до утра.

Не дождавшись меня вечером, Лона стала беспокоиться. Ее тревога нарастала по мере того, как шло время. К утру, когда она убедилась, что я в своем номере не ночевал, ее волнение дошло

до предела и она решила прибегнуть к экстраординарной мере — вызвать на срочную встречу представителя легальной резидентуры и сообщить, что я пропал. Что ж, Лону можно было понять. Она беспокоилась за мою безопасность — ведь это была ее главная задача. Все же Лона взяла себя в руки и удержалась от такого шага, понимая, какую реакцию могло бы вызвать в Центре сообщение о том, что «Дож исчез».

К обеду мы с Ефимом вернулись в Рим, и я поспешил в гостиницу, чтобы снять с Лоны груз ее тревог. За обедом терпеливо выслушал ее упреки, признав их абсолютно справедливыми.

Однажды, возвратившись с прогулки по Риму, Лона поделилась теми впечатлениями, которые накопились у нее за несколько дней пребывания в итальянской столице.

— Очень трудно одинокой женщине бродить по улицам, — сказала она. Дело в том, что по ее наблюдениям мораль большей части жителей была «не на высоте», даже если сравнивать ее с хорошо известной Лоне свободой нравов в США. Если мужчину чем-то заинтересует встречная прохожая, он, не задумываясь, пытается с ней познакомиться.

Однажды, когда она проводила контрнаблюдение за мной, красивый молодой итальянец подошел к Лоне и достаточно бесцеремонно пытался взять за руку, что-то мурлыкал мягким баритоном. Лона поняла только два слова: «Добрый вечер, синьора». Но по тону, каким это было произнесено, догадалась, о чем идет речь. Она отдернула руку и ускорила шаг, но тот настойчиво продолжал преследование, вновь пытаясь схватить ее за руку. Моя спутница уже собиралась остановиться и дать преследователю пощечину, как из боковой улочки появился я, и пылкий незнакомец вынужден был ретироваться.

Мы с Лоной неплохо познакомились с Римом. Я к тому же съездил на юг, побывал кроме Неаполя в нескольких других городах. Перед отъездом из страны мы решили посетить и ее северные районы.

Дальнейшая наша дорога лежала в Швейцарию. Итальянские пограничники молча проштемпелевали наши паспорта, а таможенники даже не появились.

В Женеве, куда мы добрались около часа ночи, у меня был адрес «Отеля д'О» («Гостиница при воде») на берегу Женевского озера. Это оказался очень спокойный, если можно так выразиться, консервативный отель, очень удобный, имея в виду цель нашего путешествия. Из Женевы я совершил поездки в Цюрих, Лозанну, в швейцарскую столицу Берн, где встретился с нашими нелегалами.

Большой объем работы в Швейцарии потребовал продлить

наше пребывание там до двух недель! В основном мы провели время в Женеве, так понравившейся нам. Один день я пробыл в Цюрихе, остановившись в отеле «Банхоф пост». Там же мы уже вместе с Лоной несколько дней прожили в «Сити отель».

Решая свои служебные задачи, мы не должны были забывать о необходимости поддерживать свой образ «путешествующих американцев». Поэтому на Рождество выезжали из Женевы якобы для того, чтобы отметить праздник в кругу друзей. А ночь на Новый 1954-й год провели в уютном женевском ресторанчике, зарезервировав столик на двоих. Вечер прошел очень интересно. Все присутствовавшие за шестью столиками вели себя в высшей степени непринужденно, как будто давно знали друг друга, хотя там были представители разных национальностей, в том числе две пары американских туристов.

В один из выдавшихся свободных дней посетили высоко горный лыжный курорт в двух часах езды от Женевы. Я отважился даже встать на лыжи и пару часов катался. Лона тем временем загорала под горным солнцем в удобном шезлонге.

Наша пара не вызывала какого-либо любопытства или удивления. Мы были как все. Значит, наша маскировка удалась.

Другая чисто туристская поездка была совершена нами к «Чертову мосту», где Суворов двести лет назад совершил свой исторический подвиг.

Из швейцарской части маршрута в памяти остался эпизод, связанный с жизнью Берна. Проводя там одну из встреч, я задержался и не успел на поезд, уходивший в Женеву в 11 часов вечера. Подойдя к вокзалу, убедился, что все уже закрыто, а следующий поезд будет только в полчетвертого утра. Вспомнил, что мне говорили: жизнь в столице замирает еще до полуночи. Теперь я вполне смог убедиться в этом, меря шагами булыжные мостовые и думая лишь о том, чтобы не обратить на себя внимание полиции. К счастью, и она мирно спала. Не знаю, сколько прошагал километров по опустевшим улицам, но обувь моя претерпела заметные изменения.

Следующим этапом нашей поездки был Париж. Мы выехали туда поездом в 9 часов утра. В Базеле швейцарские таможенники интересовались, не везем ли мы золотые часы. То же заботило и французов. В Париже по рекомендации носильщика остановились в скромном туристском отеле неподалеку от Восточного вокзала.

Во Франции у меня не было оперативных дел, и дни, проведенные там, были посвящены знакомству с Лувром, Эйфелевой башней, Национальной оперой, осмотру Версальского дворца и парка. Посетили мы немало других достопримечательных мест, которыми законно гордится Франция.

Полные дум о величии человеческого гения, мы покидали Лувр. К этому времени я уже настолько освоился с маской янки, что действовал и говорил автоматически так, как это, по моим наблюдениям, делали другие американские туристы. Лона многое сделала для «шлифовки» моего американского облика. Все это получалось у нее очень ненавязчиво и тактично. Довольная результатами своей «педагогической» деятельности, она могла теперь спокойно оставлять меня, отправляясь выполнять разведывательные задания. Среди них было посещение французских учреждений и иностранных консульств для получения информации о формальностях, связанных с проживанием иностранцев в стране и получением въездных и выездных виз.

На третий день мы экспрессом выехали в Брюссель, где у меня были заключительные дела. За время десятидневного пребывания в Бельгии мы с Лоной посетили Антверпен, который показался нам даже более интересным городом, чем столица.

В Бельгии мне предстояло тщательно разобраться в положении одного молодого нелегала. Правда, он уже находился в стране несколько лет, сумел фундаментально организовать свое прикрытие, но не смог высвободить время для налаживания собственно разведывательной работы.

Дело в том, что служба в небольшом коммерческом предприятии, куда он вступил в качестве младшего партнера с минимальным денежным вкладом, лишала его возможности свободно распоряжаться своим временем. Отрегулировать в этом плане свои отношения с хозяином ему не удавалось потому, что, как это ни парадоксально, тот души не чаял в своем партнере и, будучи бездетным, решил даже сделать нашего человека своим наследником.

После подробного анализа взаимоотношений мы наметили меры, которые позволили впоследствии решить возникшую проблему в интересах дела. Примерно через полгода нелегал уже плодотворно трудился над выполнением поставленного перед ним задания.

Завершив дела, мы в агентстве Кука приобрели билеты, а покидая Бельгию вечером, отдали паспорта проводнику по его просьбе. До Италии поезд пересек пять границ, но с пограничными и таможенными властями имел дело лишь проводник. Нас никто ни разу не побеспокоил. В Милане мы сменили спальный вагон на дневной с сидячими местами, чтобы продолжить путь в Рим, где нам пришлось пробыть еще пять дней, пока после второй встречи с Д.Г.Федичкиным не были получены все необходимые инструкции для возвращения домой.

В Вене мы перешли на советские документы. Обратный путь до Москвы занял около двух с половиной суток.

Столица встретила нас февральской пургой. Поблагодарив Лону, я тепло распрощался с ней и поспешил домой. Свои, хотя и запоздавшие, новогодние поздравления подкрепил небольшими сувенирами для сыновей и Клавдии Ивановны. Надо отдать ей должное: догадываясь о характере командировки и переживая за меня, она и виду не подала, что волновалась.

Первое, что я сделал дома — это вернул свой прежний внешний вид, сбрив усы и исправив прическу. Мне предстояло глубоко осмыслить то, с чем пришлось столкнуться в поездке, подготовить отчет и включиться в текущую работу.

Глава 8. У руля внешней разведки

В 1961 году меня назначили заместителем начальника внешней разведки. Тогдашний ее глава А.М.Сахаровский поручил мне курировать управление контрразведки. Это был главный участок моей работы. Кроме того, на мне замыкались три отдела: оперативной техники, радиосвязи и сотрудничества и взаимодействия с ведомствами госбезопасности дружественных государств. Далее я должен был представлять ПГУ в Совете КГБ по оперативной технике. В мои обязанности входило также участие в работе Совета КГБ по пропаганде деятельности органов государственной безопасности в средствах массовой информации, литературы и искусства. И наконец, я руководил комиссией ПГУ по утверждению кандидатов на обучение в институте разведки. Этот обширный круг обязанностей дополнялся отдельными поручениями А.М.Сахаровского.

Но это не все. Информационная служба ежедневно распределяла между заместителями начальника ПГУ подлежащие просмотру и визированию шифртелеграммы и материалы, подготовленные на подпись руководству комитета, давала на просмотр толстую пачку депеш из стран курируемого мною региона. А поскольку я опекал внешнюю контрразведку, к этим сообщениям добавлялись все материалы, поступившие «по воздуху» из резидентур по проблеме контршпионажа и безопасности наших разведывательных точек за рубежом.

Короче говоря, объем работы на новом участке был для меня нисколько не меньшим, если не большим, чем в нелегальной разведке, но ответственность за дела всей внешней разведки значительно возрастала. Но это меня не пугало. Прав был Фридрих Шиллер: «Ведь узкий круг сужает нашу мысль, с возросшей целью человек взрослеет». Я быстро стал входить в курс новых дел, начав, естественно, с внешней контрразведки. Это подразделение возглавлял высококвалифицированный специалист Г.Ф.Григоренко, ставший впоследствии начальником Второго главного управления КГБ. Его служба находилась в стадии становления, и нам вместе сразу же пришлось отстаивать перед руководством предложения о передаче управлению контрразведки подготовленных кадров и включении в состав легальных резидентур его представителей. Это оказалось довольно трудным делом: у руководителей территориальных подразделений существовало предубеждение против этой линии работы. Помню, что не раз А.М.Сахаровский говорил мне, что только мы двое — он и я — понимаем всю важность скорейшего

развертывания борьбы со спецслужбами противника и нужно не отступать, терпеливо и настойчиво разъяснять значение этой работы для обеспечения безопасности всей нашей разведки.

Проще оказалось знакомство с отделами оперативной техники, связи и сотрудничества и взаимодействия с ведомствами госбезопасности дружественных государств, поскольку по всем этим трем направлениям и раньше на посту руководителя нелегального управления мне приходилось действовать до статочно активно.

Среди моих новых обязанностей было представление интересов ПГУ в научно-техническом совете КГБ, обеспечивавшем нужды подразделений государственной безопасности оперативно-техническими средствами. Здесь я тоже смог свободно сориентироваться, так как в нелегальной разведке поддерживал тесное взаимодействие с техническими подразделениями и лабораториями комитета.

Совершенно новым делом явилась для меня пропаганда деятельности разведки в средствах массовой информации, а также в литературе, театре и кинематографии. В первую очередь мне хотелось добиться общественного признания тех разведчиков-нелегалов, которые в прошлом вершили героические дела, а теперь находились на пенсии.

Немало времени отнимала у меня комиссия ПГУ по отбору кандидатов в институт разведки, получившая в среде оперативного состава шутливое прозвище КВН — «комиссии веселых и находчивых», очевидно за те нестандартные вопросы, которые ставились перед абитуриентами.

На новом месте я познал не только теоретически, но и практически, что значит в нашем государстве руководить таким важным и сложным ведомством, как внешняя разведка. На отдельных сторонах и эпизодах этой работы я хочу остановиться подробнее.

Нет нужды доказывать, что успешной разведывательная деятельность может быть только при соблюдении сугубой секретности. Конспирация — один из ее определяющих принципов. В то же время она не может быть и самоцелью. Не зря житейская мудрость гласит: не ошибается тот, кто ничего не делает.

Конечно, бездействие разведчика позволяет сохранять максимальную конспирацию, но тогда какой в ней толк? В связи с этим мне приходят на память «аргументы» одного бездельника, с которым я столкнулся, когда руководил легальной резидентурой в Вене. Он пытался оправдать редкие отчеты о своей деятельности, утверждая, что в целях конспирации избегает

посещать посольство, хотя работал под прикрытием другого нашего учреждения, сотрудников которого можно было постоянно встретить в коридорах советского дипломатического представительства. Ради «соблюдения» максимальной конспирации он старался не выходить в город для выполнения полученных поручений и на полном серьезе убеждал меня, что самое важное — «не расконспироваться». Естественно, я постарался как можно быстрее отделаться от этого проходимца.

С другой стороны, мне пришлось на новом месте столкнуться и с фактами бездумного, а иногда и бесшабашного отношения некоторых сотрудников к элементарным требованиям конспирации. Я старался убедить подчиненных, что они должны стремиться сделать конспиративность своей второй натурой, неотъемлемым качеством, которое, однако, ни в коем случае не должно переходить в подозрительность и мнительность.

Конспиративность — не прирожденное качество характера человека и, можно сказать, в известном смысле противоречит таким положительным свойствам, как откровенность и искренность. Поэтому трудно поначалу умело сочетать такие антагонистические начала, но опыт убедительно свидетельствует: выработать в себе приемы конспиративного поведения, приучить себя адекватно реагировать на окружающее, не теряя при этом естественной искренности, вполне возможно.

Насколько важны эти навыки для сотрудников наших легальных резидентур уже на той стадии, когда они только появляются в составе учреждения, которое служит им прикрытием, можно проиллюстрировать на многих примерах. Я приведу лишь один.

Бывший высокопоставленный работник ЦРУ Джозеф Смит в своих мемуарах «Портрет солдата холодной войны» красочно описывает, как американская разведка организовала наблюдение за сотрудниками советского посольства в одной из латиноамериканских стран. Многие квартиры, в которых поселились московские дипломаты, были оборудованы подслушивающей техникой. Цэрэушники организовали пункт наблюдения за посетителями посольства, окружили его персонал целой армией агентов. Их американцы вербовали из числа лиц, которые по своим занятиям постоянно находились в естественном контакте с сотрудниками посольства: владельцев лавок и магазинов, работников клубов и спортивных заведений, бюро услуг и путешествий. Все оперативники резидентуры ЦРУ были обязаны знать в лицо сотрудников посольства и номера используемых ими автомашин для того, чтобы при случайных встречах в городе они могли опознать их. В помещении

резидентуры ЦРУ на стенах были развешаны фотографии персонала советского представительства.

Так накапливались данные, позволявшие разведке Вашингтона выделять в массе советских граждан тех, кто может представить интерес в оперативном плане, стать объектами последующей обработки.

Как видит читатель, требования конспирации необходимо выполнять не только во время проведения конкретных разведывательных операций, но и в течение всей, в том числе и обыденной жизни человека, находящегося на службе в разведке.

Я уже упоминал, что среди моих новых обязанностей в руководстве ПГУ было поддержание контакта с научно-техническими и оперативно-техническими подразделениями и институтами КГБ. Ставя перед ними конкретные задачи, участвуя в испытаниях опытных образцов новой техники, я стал лучше представлять, что можно получить из этих служб на вооружение разведки. Речь шла о снаряжении разведчиков самыми современными средствами оперативной техники в таких областях, как фотографирование документов, изготовление контейнеров для передачи информации и валюты, средства пересылки сообщений в тайнописи и микрофильмах. Особо остро стоял вопрос о надежных средствах радиосвязи — ближней, для передачи сообщений при бесконтактных встречах или в местные легальные резидентуры, и дальней, где применялись быстродействующие радиопередатчики, как это было в нелегальной резидентуре Бена. Острая нужда была в то время и в разработке современных средств защиты от подслушивающей техники противниками, в частности, по обнаружению микрофонов в служебных помещениях советских учреждений за границей. Разумеется, по всем возможным каналам, включая и внешнюю контрразведку, мы следили за появлением новых оперативно-технических средств в иностранных спецслужбах, за тенденциями развития техники в этой области.

На опыте внешней контрразведки по защите наших разведчиков от провокаций противника было нетрудно убедиться, что западные спецслужбы усиленно занимались поисками средств активного воздействия на человека с помощью различных средств и в первую очередь психотропных.

Еще в 1958 году я познакомился с книгой американца Кондона «Маньчжурский кандидат». В ней автор под видом фантастического повествования излагал проблему «контроля над умами». Информация, добытая внешней контрразведкой из западных спецслужб, показывала, что с тех пор эта «фантастика» стала реальностью, широко взятой на вооружение противником,

прежде всего ЦРУ. Перед нами остро встал вопрос о защите от этого опасного средства, о необходимости постоянного повышения бдительности и готовности к срыву подобных провокаций.

Позже американский публицист Вальтер Боварт в книге «Операция „Контроль умов“ подробно рассмотрел эту практику американской разведки. Он утверждал в 1978 году, что за прошедшие двадцать лет с момента появления книги Кондона ЦРУ подробно исследовало разные аспекты контроля над человеческим поведением и практического применения этого метода. Прежде всего в Лэнгли интересовались средствами контроля над памятью и волей индивидуума или даже масс людей. Боварт, раскрывая, как ЦРУ преуспело в разработке целого ряда психосредств, назвал „парадоксальным“ то, что описанная ранее техника усовершенствована в Соединенных Штатах. Он привел пример применения психотропного средства, действующего через кожу. Вот как это происходило, по словам сержанта американской армии Квино, служившего подопытной свинкой: „Они взяли небольшую каплю какого-то вещества и поместили ее на мою руку. Она покраснела и стала чесаться, как после укуса комара. Через несколько часов я по чувствовал себя счастливым, началось головокружение, все кругом заходило ходуном… Ночью меня охватил страх, мне казалось, что меня собираются убить“.

В Лэнгли, как нам стало известно, проводились масштабные исследования в области гипноза. В результате там пришли к выводу о возможности загипнотизировать многих людей. Оказалось, что еще в начале 40-х годов доктор Джордж Эстабрукс, сотрудничавший с вашингтонской разведкой, хвастал: «Могу загипнотизировать человека без его ведома или согласия и заставить его даже совершить измену Соединенным Штатам».

После двадцати пяти лет сверхсекретных исследований были определены три способа гипнотизирования человека, не желающего этого. Во-первых, под видом медицинского обследования: настраивая пациента на расслабление и таким образом маскируя гипнотизирование; во-вторых, гипнотическое воздействие в то время, когда человек устал и крепко спит; наконец, в-третьих, используя укол соответствующим препаратом. Известная доза препарата содиум пентотал вызывает состояние легкого гипнотического сна, в течение которого человеку можно внушить состояние, типичное для глубокого гипноза.

Одной из целей гипноза в ЦРУ считают вызов амнезии[32]: когда наступит глубокий гипнотический транс, можно внушить послегипнотическое отсутствие памяти.

Как бы скептически ни относились мы к использованию гипноза в разведывательных целях, следует считаться и с этим видом воздействия на человека, которым могут воспользоваться спецслужбы. Несмотря на секретность, окружающую эту область воздействия на людей, сами бывшие их сотрудники не удерживаются от того, чтобы порою не похвастаться «достижениями» в этой области. Так, бывший руководитель британской контрразведки П.Райт приводит в своих мемуарах пример взаимодействия ЦРУ и СИС по применению сильнодействующих веществ на живые существа. Он описывает сцену «обмена опытом» между американской и английской разведками в виде демонстрации представителями ЦРУ сильнодействующего яда на двух овцах.

Это направление в деятельности западных спецслужб настораживало нас и в тот период, когда я был заместителем ПГУ. Большое внимание противник уделял и средствам идентификации личности, используя в этой области ставший широко известным полиграф (детектор лжи), звуковую (голосовую) идентификацию и другие средства. Не буду подробно останавливаться на этом, так как более обстоятельно я изучал эти проблемы, придя к руководству института разведки.

Используемые внешней разведкой оперативно-технические средства — в основном те же, что и применяемые ЦРУ. Мне самому довелось уделять много внимания обеспечению радио связи с разведчиками-нелегалами и нелегальными резидентурами из Центра и от них в Центр. Достаточно горьким уроком для нас было раскрытие англичанами радиопункта Крогеров и захват там радиостанции быстрого действия.

Эта радиоаппаратура, теперь уже, естественно, устаревшая, в 50-е годы была довольно эффективной, и считалось, что практически невозможно было запеленговать ее из-за кратковременности сеансов в эфире. Скорость — до 600 знаков в секунду — позволяла за несколько мгновений передавать срочные сообщения и даже не очень большие информационные блоки. Позже такую связь на дальние расстояния мы, как и западные разведки, переориентировали на использование космических каналов.

Уже в 80-е годы в Польше наши коллеги захватили американских агентов Я.Южака и Н.Адамика, у которых была обнаружена электронная аппаратура для близкой (на местную резидентуру ЦРУ) и дальней (через космический спутник) связи. Ознакомившись по просьбе польских друзей с этой аппаратурой, наши специалисты вынуждены были признать, что по некоторым параметрам она была более совершенной, чем наша, а в чем-то

другом, напротив, значительно уступала нашей технике.

Помимо информации, полученной по делу Крогеров, британская и канадская спецслужбы могли почерпнуть кое-что о системе радиосвязи, используемой нашей разведкой на Американском континенте, из показаний Гарта. Правда, аппаратура, на которой тренировался изменник, уже устарела к середине 50-х годов, однако в руках более опытных радистов она еще действовала.

Другим средством связи, в области совершенствования которого внешняя разведка добилась больших результатов, была тайнопись. При этом можно было надежно и безопасно использовать почтовую связь для пересылки информации в Центр. Разумеется, этим успехам во многом способствовал высокий уровень развития фундаментальной науки в СССР. Главным преимуществом новых средств тайнописи было то, что они избавляли разведчика от необходимости хранить какие-либо вещества, обнаружение которых при провале или возникшем подозрении могло служить доказательством причастности человека к разведывательной деятельности. Насколько мне известно, новые средства не были скомпрометированы ни в одном из раскрытых противником дел. Думаю, что сегодня их еще более удалось усовершенствовать.

В печати нередко упоминается о том, что аппаратура электронного подслушивания является наиболее эффективным средством получения информации. В период моей работы в разведке мы шли в двух направлениях. Стремились, во-первых, защитить наши секреты от подслушивания противником, а во-вторых, активно применять эти средства для добывания интересующих нас сведений.

В том, что касается защиты, большим успехом стала разработка средств обнаружения чужих подслушивающих устройств. Благодаря этому мы обезвредили встроенные противником микрофоны в наших посольствах в Австралии, Канаде и США.

Называю эти три случая потому, что в каждом из них мы не ограничились нейтрализацией обнаруженных подслушивающих устройств, а перешли в активное контрнаступление: не предали огласке факт обнаружения, а, сохранив его в тайне, использовали целенаправленную дезинформацию. Нам удалось ввести противника в заблуждение не только относительно оперативных намерений резидентуры, но и в более широком политическом плане — относительно позиций посольств и даже руководящих инстанций по некоторым важным проблемам международных отношений.

Так, например, пользуясь микрофонами американских спецслужб, обнаруженными в сентябре 1979 года в Вашингтоне, мы подбрасывали им свои версии о намерении Москвы в отношении Афганистана как перед, так и во время ввода туда ограниченного контингента Советской Армии. В течение четырех месяцев американцы получали от нас дезинформацию. Лишь 14 февраля 1980 года об обнаруженной нами подслушивающей аппаратуре в советском посольстве было официально заявлено госдепартаменту.

Что касается второго направления использования этих средств оперативной техники, могу сказать, например, что в бытность мою в Австрии мы успешно внедряли наши «закладки» с миниатюрными микрофонами в различные объекты, представлявшие разведывательный интерес, в том числе и американские. При этом нас ни разу «не схватили за руку».

По понятным причинам не могу рассказать о всех подробностях таких операций. Но и не могу не выразить глубокого сожаления по поводу абсолютно необоснованного раскрытия некоторых наших профессиональных секретов американцам, на которое так легкомысленно, если не сказать преступно, пошел В.Бакатин, недолго руководивший КГБ.

Между тем тот факт, что американцы не знали, как и куда сумели мы внедрить подслушивающие устройства в строившееся новое здание американского посольства в Москве, свидетельствует о высоком профессионализме наших специалистов. Уверен: не раскрой эту технику Бакатин, американцам долго пришлось бы ее искать с весьма сомнительными шансами на успех.

Когда мне поручили курировать внешнюю контрразведку, я все чаще сталкивался с провокациями западных спецслужб, особенно ФБР и ЦРУ, против наших разведчиков да и вообще советских граждан, не имевших никакого отношения к разведывательным делам. Вспоминая этот довольно беспокойный период моей работы, скажу сразу, что пишу эти строки, не претендуя на то, что я представляю какие-то официальные позиции. Нет, это моя личная трактовка затронутой проблемы, и, наверное, она в чем-то может не совпадать с взглядами некоторых наших специалистов, отслеживающих деятельность иностранных спецслужб. Я ведь основываюсь на тех случаях, которые анализировал, будучи одним из руководителей Центра, а затем и на протяжении всего последующего времени работы в разведке.

Начну с того, что в период демократизации и гласности в советских, а затем и в российских средствах массовой информации стали появляться рассуждения о «гуманности»

западных органов правопорядка, об идеальной организации их практики, достойной, мол, нашего подражания. Надо сказать, что известные круги по обе стороны Атлантики не преминули воспользоваться этой, наивной во многом, позицией профессионально не осведомленных публицистов и стали подсылать к ним своих ловких «специалистов» из спецслужб с целью продвижения нужных им версий.

А на самом деле? Метод провокации стал, можно сказать, основным в арсенале ФБР и ЦРУ. В большинстве случаев наши разведчики вовремя обнаруживают подготовку таких провокационных акций и принимают меры к их срыву. В этом им активно помогает внешняя контрразведка, чьи представители, как правило, имеются в каждой легальной резидентуре. Однако отдельные провокации противнику все же удаются. С момента окончания войны и до 1953 года из США были выдворены более 100 советских дипломатов, обвиненных в шпионаже. Но из этого числа лишь единицы были действительно разведчиками, попавшими в поле зрения американской контрразведки (замечу, большей частью в результате предательства отдельных агентов). Подавляющая же часть выдворенных из США была спровоцирована американской контрразведкой, подставлявшей к советским гражданам своих агентов-провокаторов. Затем до 1986 года было еще несколько отдельных выдворений. Так, вашингтонские власти потребовали отъезда из страны двадцати пяти советских дипломатов, работавших в ООН. Вскоре последовало второе беспрецедентное представление о выдворении 55 сотрудников посольства СССР и генконсульств в Сан-Франциско и Нью-Йорке. Эти акции американского правительства были необоснованными, и мы в ответ провели не менее массовое сокращение штатов американских представительств в СССР. Важно отметить, что американская сторона, сокращая штаты советских дипломатических учреждений в США, так и не смогла назвать ни одного конкретного лица, причастного к разведывательной деятельности.

Несмотря на многочисленные разоблачения провокационных действий ФБР в американской и иностранной печати, бюро не отказалось от такой практики. Наоборот, оно расширило ее. Сошлюсь лишь на один пример. В апреле 1983 года в связи с выдворением из Москвы сотрудника ЦРУ Ричарда Осборна, установленного разведчика, прикрывавшегося должностью первого секретаря посольства США, ведомство Гувера организовало провокации сразу против двух сотрудников представительства СССР при ООН: Олега Константинова — к нему обратился провокатор с заманчивым предложением продать

данные о новых моделях военных самолетов — и Александра Михеева, которого другой провокатор пытался прельстить политическими секретами.

Характерной для сотрудничества ФБР и ЦРУ была подстава агента-провокатора Геннадию Захарову, работавшему в ООН, но не имевшему дипломатического иммунитета. Тут скрытой целью провокации являлось стремление отвлечь американское общественное мнение от появления в Москве 7 августа 1986 года бывшего сотрудника разведки Вашингтона Говарда, тайно переправленного советской внешней разведкой из США. Его бегство доставило ФБР и ЦРУ много неприятностей, а когда сообщения о нем появились в мировой прессе, эти спецслужбы вновь оказались под огнем жестокой критики. Тогда фэбээровцы поспешили слепить «дело Захарова». Он 23 августа был арестован, и средства массовой информации пустили по «советскому следу». Однако через неделю в Москве задержали за шпионаж американского корреспондента Данилоффа. Как известно, вся эта история закончилась в сентябре высылкой Захарова из США, а Данилоффа из СССР.

К сожалению, надо признать, что иногда провокации американских спецслужб удавались их организаторам, особенно когда советские разведчики ослабляли бдительность, проявляли слабость. Но в большинстве случаев такие операции заканчивались неудачей, вот несколько примеров. В 1953 году в Вене ЦРУ пыталось силой захватить сотрудника внешней разведки Б.Я.Наливайко, который по прикрытию занимал должность заведующего консульским отделом. Он оказал активное сопротивление и, несмотря на численное превосходство американских разведчиков, сумел сорвать их операцию. Спустя четырнадцать лет в Токио цэрэушники, использовав психотропные средства, чуть было не вывезли насильно в США нашего резидента Г.П.Покровского, но ничего у них не получилось.

Я вспомнил об этом провале «джеймс бондов» из Лэнгли в 1985 году, когда в Риме исчез сотрудник внешней разведки В.С.Юрченко. В августе его захватили оперативники ЦРУ и вывезли в США, но через месяц он сумел ускользнуть из-под стражи и добраться до советского посольства в Вашингтоне. На пресс-конференции Юрченко подробно рассказал, как его пытались сделать перебежчиком и с этой целью накачивали психотропными препаратами, чтобы подавить волю и выведать известные ему служебные секреты и государственные тайны.

Эти примеры позволяют сделать вывод, что подобные действия ЦРУ были системой. Я думаю, что изменник Станислав

Левченко, сотрудник токийской резидентуры, действовавший под прикрытием корреспондента еженедельника «Новое время», был захвачен американцами насильно в 1979 году и сломлен последующей обработкой. Тот факт, что он вел себя как изменник, свидетельствует, в отличие от случая с Покровским, лишь о том, что на этот раз в Лэнгли более правильно определили личные качества объекта воздействия и успешно завершили операцию.

К числу наиболее неприятных для ФБР и ЦРУ неудач в попытках склонить попавших в их руки советских разведчиков к сотрудничеству, несомненно, следует отнести дело Абеля. Когда он оказался в тюрьме, представители этих двух спецслужб оказывали на него всяческое давление, использовали все возможные средства — от посулов дать свободу до угроз посадить на электрический стул. Но этому шантажу противостояли несгибаемая воля нашего разведчика, его мужество и преданность Родине.

А как же спецслужбы Кремля? Как они пользовались методом провокаций? И применяют ли его сейчас?

В начале своей карьеры я часто слышал об использовании подобных приемов для проверки агентов или внедрения наших людей в антигосударственные организации. То есть такое применялось в практике НКВД в ежовско-бериевские времена. Позже с провокациями в нашей работе я никогда не сталкивался, ни один, даже самый недружественно настроенный к нам западный журналист не мог привести ни одного факта, который свидетельствовал бы об обратном.

Скажу, к слову, что на этом фоне непонятно стремление иных отечественных авторов показать ФБР и ЦРУ в приукрашенном виде, достойном, мол, подражанию. Надеюсь, что время неизбежно внесет в эту тенденцию необходимые коррективы.

Как читатель уже знает, среди моих обязанностей на посту заместителя начальника ПГУ была забота об освещении в средствах массовой информации, литературе, кинематографе и театре работы разведки, ее методов, деятельности оперативного состава. В КГБ существовал тогда Совет по связям с общественными организациями и творческими союзами. Мне было поручено представлять в Совете внешнюю разведку и способствовать «в разумных пределах» освещению отдельных сторон ее деятельности.

Первым таким шагом было использование архивных сведений о выдающейся агентурно-оперативной операции в первые годы советской власти. Ее название — «Трест». В 1962 году я встретился с известным писателем Львом Вениаминовичем

Никулиным, ознакомил его с материалами дела «Трест» и получил его согласие взяться за художественное произведение на эту тему. Договорились, что по любому вопросу, который может возникнуть при знакомстве с делом, писателю будет обеспечена необходимая консультация. Льву Вениаминовичу мы объяснили, что главная оперативная задача операции «Трест» заключалась в том, чтобы нейтрализовать террористическо-диверсионную деятельность контрреволюции в лице ее внутреннего подполья и закордонных белогвардейских формирований. Свершилась революция, народ ее принял, но не смирившиеся с ней силы продолжали все новые попытки накалить атмосферу в стране, разжечь междоусобную борьбу, в которой использовались любые средства — вплоть до террора.

Никулин написал большой роман «Мертвая зыбь». Он проявил большое понимание профессии разведчика и контрразведчика, прочно связанной с большим риском. Не буду останавливаться на всех сторонах произведения. Отмечу главное: вопреки распространенной нашими противниками версии, будто советские разведывательные и контрразведывательные органы только и делали, что провоцировали контрреволюцию на враждебные действия, писатель воссоздал истинную картину событий первой половины 20-х годов и доказал, что в ходе этой уникальной операции никаких провокаций не было.

Потом родилась идея экранизировать произведение Л.В.Никулина. Кинофильм «Операция „Трест“ вызвал большой интерес у зрителей.

Успешным было и наше сотрудничество с прозаиком Варткесом Арутюновичем Тевекеляном. Он взялся создать роман на основе материалов о жизни и разведывательной деятельности В.М.Зарубина. Хотя Василий Михайлович к этому времени уже тяжело болел и мог беседовать с писателем лишь пятнадцать-двадцать минут в день, он снабдил будущего автора такими убедительными деталями своей закордонной работы, которые из архивных материалов невозможно было извлечь. В результате в 1966 году появился роман «Рекламное бюро господина Кочека». В нем во многом близко к жизни Василия Михайловича и его жены Елизаветы Юльевны автор рисует дела советских разведчиков в условиях фашистской Германии.

Были у меня и неудачи в этой области. Так, мы договорились с писателем В.М.Кожевниковым, что он возьмется за обширный труд о наших разведчиках. Я представил ему Р.И.Абеля, и, надо сказать, Вадим Михайлович загорелся этой темой. Героя произведения назвали Александром Беловым, чтобы намекнуть о прообразе Абеле (А.Белов).

Первая же глава романа, получившего название «Щит и меч» вызвала у меня и Р.И.Абеля категорические возражения. Советский разведчик Александр Белов предстал перед читателями как некая модификация Джеймса Бонда, с авантюристическими выходками, безнравственными поступками. Кожевников горячо отстаивал свое видение темы, доказывал, что наша молодежь нуждается в советских «джеймсах бондах». Иначе, мол, роман не будет достаточно популярным.

Р.И.Абель решительно высказал твердое нежелание связывать свое имя с таким героем. Короче говоря, нам пришлось расстаться с В.М.Кожевниковым. Он продолжил работу над произведением в соответствии со своими представлениями о разведке. А мы отказались от признания того, что в основу романа положена жизнь и деятельность реального разведчика, как это предполагалось первоначально. Тем не менее, надо сказать, что писатель создал в общем довольно интересное произведение и даже был впоследствии удостоен литературной премии КГБ СССР.

По роману создали многосерийный телефильм, правда не особенно удачный, но мы уже к нему не имели никакого отношения.

Самым большим нашим успехом в области пропаганды разведывательной деятельности средствами литературы и искусства я считаю сотрудничество со сценаристом В.П.Вайнштоком (литературный псевдоним В.Владимиров). В результате появился кинофильм «Мертвый сезон», который мне представляется достоверным художественным документом и наиболее удачным произведением киноискусства на тему о разведке. В основу его сценария положена жизнь разведчика-нелегала Конона Трофимовича Молодого, широко известного под именем Гордона Лонсдейла. Успеху ленты, безусловно, способствовали участие в ней талантливого актера Донатоса Юозовича Баниониса в роли главного героя — советского разведчика Ладейникова, а также постоянная помощь К.Т. Молодого. В качестве консультанта В.П.Вайнштоку был выделен наш сотрудник В.М.Иванов, имевший опыт подпольной работы. Он внес большой вклад в успех кинофильма. Вступительное слово произнес Р.И.Абель. Он засвидетельствовал, что лента во многом основана на реальных фактах из жизни внешней разведки.

Что касается меня, то я рад, что мне довелось принять посильное участие в привлечении к этой работе видных деятелей литературы и искусства и способствовать тем самым правильному пониманию в нашем обществе подлинной роли и задач нашей службы.

Перебрасывая мысленно мостик из 60-х годов в наши дни, я

хотел бы поделиться некоторыми соображениями о том, какой мне представляется проблема гласности в работе внешней разведки. Тем более что опыт последних лет показал: в этом плане мы многое упустили, что позволило в известной степени возобладать неверным представлениям о нашем деле. Более того, в конце 80-х годов в советских, а затем и в российских средствах массовой информации все чаще стали появляться суждения на тему: нужна ли разведка в эпоху торжества общечеловеческих ценностей? Некоторые авторы «для солидности» ссылались на материалы из зарубежных источников. Дескать, не мы сомневаемся, а они, там, на Западе, поднаторевшие, как известно, в шпионских делах. Для убедительности этот вопрос связывали с необходимостью экономить государственные средства. В одной нашей столичной газете в поддержку этой линии было опубликовано изложение статьи корреспондента «НьюЙорк таймс» М.У.Уайнса. Речь в ней шла о том, будто старая, классическая разведка, занимающаяся получением от агентуры главным образом политической и военной информации, изживает себя, а на смену ей идет лишь экономическая разведывательная служба, да и то без стремления овладеть технологическими секретами. Профессионалу смешно читать такое. А если вдуматься, здесь не до смеха. За все полсотни лет моей работы в разведке я не припомню ни одного, хотя бы небольшого, периода, когда американские спецслужбы не пытались бы добывать в Советском Союзе и в других странах именно научные и производственные тайны. А недавний пример — вербовка и использование хорошо осведомленного специалиста Толкачева? С его помощью американцы воровали наши технологические секреты, о чем бахвалились некоторые мемуаристы из Лэнгли. Еще пример: получение от завербованного ЦРУ генерала Полякова, разоблаченного и осужденного в 1988 году, секретнейших научно-технических сведений о важнейших отраслях нашей оборонной промышленности.

Поэтому уверения упомянутого корреспондента «Нью-Йорк таймс» о том, что американская разведка не может «похищать секреты, являющиеся собственностью других государств», так как это «в корне противоречит американскому образу жизни, мы так не работаем», могут обмануть только тех, кто сам хотел бы быть обманутым. Разве в свое время подкоп под линии связи советской армии в Берлине не был именно таким воровством? А подключение электронной аппаратуры к советскому кабелю стратегической связи в Охотском море было совершено не ради перехвата наших секретов, в том числе технологических?

Но что об этом знали и знают граждане свободной России?

Увы, очень немного. И надо признать, что справедливы упреки тех, кто на различных форумах, в печати, на радио и телевидении сетует, что гласность все еще трудно входит в повседневную жизнь разведывательного сообщества. Надо объективно и правдиво говорить о деятельности нашей внешней разведки, но, конечно же, в разумных границах, которые в таком тонком и специфическом деле нельзя нарушать.

Любопытно, как на Западе относятся к проблеме гласности в спецслужбах. Возьмем, к примеру, Великобританию. Профессор современной истории Оксфордского университета Кристофер Эндрю, автор солидных трудов о разведках, в том числе и советской, в своем исследовании о британском разведывательном сообществе свидетельствует: в Англии деятельность разведки (служба МИ-6) и органов безопасности (служба МИ-5) всегда рассматривалась как внебрачный секс — все знают, что он есть, и вполне довольны этим, но говорить, писать или задавать вопросы по этому поводу считается очень плохой манерой. Что касается официальной правительственной политики, пишет Эндрю, британские спецслужбы вроде бы вообще не существуют: вражеских агентов находят «под капустными листьями», а разведывательную информацию лондонскому правительству «приносят аисты». Официальные документы, связанные с деятельностью Сикрет интеллидженс сервис и службы контршпионажа, либо искажаются, либо держатся в тайне без срока.

Таково объективное мнение профессора Эндрю, считающегося среди специалистов серьезным исследователем спецслужб. Но не могу не выразить своего удивления по поводу того, что, поступившись научными принципами, именно он выступил соавтором вышедшей недавно в Англии книги «КГБ: история внешнеполитических операций от Ленина до Горбачева», взяв в компаньоны изменника Олега Гордиевского. В этом опусе много лжи и клеветнических вымыслов о советской внешней разведке. Непонятно: для чего это понадобилось такому крупному специалисту? Разве что считать сей труд шуткой гения?

Сейчас у нас многие выступающие за «гласность без берегов» в разведке пытаются ссылаться на положительный пример Вашингтона. Да, действительно, американское правительство в 70-х годах под давлением общественности было вынуждено пойти, в основном в вопросах деятельности спецслужб внутри страны, на некоторые послабления в доступе к секретной документации. Но что из этого практически получилось? Приведу свидетельство авторитетного американского автора Боба Вудворта. Комментируя в своей книге «Занавес: секретные войны

ЦРУ. 1981-1987 годы» принятый конгрессом США закон о доступе общественности к архивам, он описывает огромные трудности, встретившиеся при практическом исполнении этого законодательного акта. Естественно, это можно было сделать, лишь убрав из документов многие секреты, разглашение которых могло бы нанести серьезный ущерб разведке и создать опасность для жизни действующих кадровых сотрудников и агентов.

Прежде чем допустить кого-либо со стороны к архивным материалам ЦРУ, пишет Вудворт, многие компетентные сотрудники управления должны были внимательно просмотреть тысячи страниц, с тем чтобы устранить из оперативных дел все, что грозило бы расшифровкой важных секретов и имен агентов, а также, пусть незначительных, данных, которые в сочетании с другими сведениями давали бы возможность установить источники или расшифровать тайные операции. Эта работа потребовала много времени и, что очень опасно, позволила ознакомить многих сотрудников с делами, которые вели другие подразделения. Тем самым нарушалась конспирация внутри ЦРУ, а это важный элемент безопасности любой разведки. Доходило до того, что для выполнения заявки на информацию требовалось извлечь данные из десятков дел различных подразделений управления. Связано это и с большими финансовыми затратами. Так, исполнение запросов бывшего сотрудника ЦРУ Филиппа Эйджи, написавшего несколько книг, в которых резко критиковалась деятельность управления, обошлось, по словам Вудворта, в 300 тысяч долларов.

Конгресс и президент США довольно быстро пересмотрели свои позиции. В частности, были приняты жесткие законы против разглашения фактов деятельности специальных служб, устанавливающие строгий контроль над выступлениями в средствах массовой информации бывших сотрудников разведывательного сообщества Вашингтона.

По-видимому, и нам в условиях дальнейшего расширения гласности следует учесть опыт других государств в области раскрытия архивов. Мне кажется, что сейчас мы ни в техническом, ни в финансовом отношении пока не готовы к таким акциям.

Если вопрос о целесообразности существования внешней разведки кажется большинству нашего общества ясным, сложнее обстоит дело с вопросом о затратах на ее деятельность. Особенно понятно беспокойство по этому поводу в условиях нынешнего финансового кризиса.

Но каков в действительности баланс в этой области? Является ли он для страны положительным? Ответ на этот вопрос

однозначен: разведка бесспорно покрывает свои расходы.

Судите сами. Нас не могут не интересовать последние научные идеи и технологии, связанные с разработкой принципиально новых видов и направлений вооружений. Очевидно, не без основания один американский журнал писал, что советские разведчики умудрились приобрести за несколько сот долларов военно-техническую документацию, тянувшую на три миллиона зеленых.

Оценивая «стоимость» разведки, следует учитывать не только то, что она «приобретает» или «сохраняет» государству, избавляя его от крупных расходов, но и то, какой ущерб наносится противнику, вынуждая его на новые финансовые и материальные затраты.

Говоря о «цене» или «стоимости» деятельности внешней разведки и отдельных ее успешных операций, нельзя обходить и моральную сторону дела. Так, например, бывший директор ЦРУ Уильям Кейси восхищенно комментировал сообщение о том, что три советских дипломата, похищенные в Бейруте, были освобождены через месяц усилиями нашей внешней разведки. Разве можно выразить в цифрах «стоимость» этого гуманного акта?

Советский суперразведчик Ким Филби раскрыл операцию британской разведки под кодовым названием «Кляймбер» по переброске своей агентуры в Советский Союз через Кавказ. По крайней мере, от двадцати агентов британская разведка так и не получила никаких известий.

Можно задать вопрос: каких расходов потребовал бы розыск и предотвращение деятельности двух десятков шпионов, если бы при помощи Филби они не были обезврежены, едва ступив на нашу землю?

Другой наш разведчик, Джордж Блейк, находясь на службе в СИС, около десяти лет передавал в Центр ценнейшую ин формацию. Были раскрыты чуть ли не все британские агенты, работавшие по нашу сторону «железного занавеса».

А чего стоит «берлинский тоннель», когда в течение длительного времени КГБ «пичкал» СИС и ЦРУ дезинформацией?

И пусть некоторые «анонимные» критики расходов на внешнюю разведку сопоставят их с огромными ассигнованиями западным спецслужбам.

Говоря о необходимости разумных расходов на разведку, нельзя забывать о влиянии, которое она может оказывать на ход исторического развития. Не случайно западные аналитики отмечают: сведения советского резидента Рихарда Зорге в Токио о том, что Япония не нападет на Советский Союз в 1941 году,

изменили течение войны, позволив командованию Красной Армии перебросить мощные резервы с Дальнего Востока под стены Москвы. Немаловажно и признание зарубежных специалистов преимуществ советской стороны на переговорах с Рузвельтом и Черчиллем на Ялтинской конференции, связанных с тем, что Кремль знал от своих агентов в США и Великобритании о позициях западных лидеров и уступках, на которые те могли пойти.

Нельзя выпускать из виду и то, во что обходится деятельность нашей внешней разведки противникам и конкурентам. В 1982 году английской контрразведке удалось раскрыть сотрудничавшего с нами четырнадцать лет агента Джеффри Прайма, эксперта по связи, работавшего в Управлении правительственной связи — учреждении, занимающемся и поныне перехватом сообщений по электронным средствам, которое поддерживает тесный контакт со своим американским аналогом — Агентством национальной безопасности. По оценкам Пентагона, ущерб, нанесенный Праймом, составил миллиард долларов. Не случайно его осудили к 35 годам тюремного заключения. Можно допустить, что американцы несколько завысили размеры ущерба, чтобы воздействовать на английскую контрразведку, плохо, по их мнению, работавшую. Но все равно цифра останется достаточно внушительной.

В 1962 году заокеанские «ловцы шпионов» схватили агента внешней разведки, офицера военно-морского флота США Нельсона Драммонда, который почти пять лет передавал нам ценные сведения. Вашингтон вынужден был израсходовать 200 миллионов долларов — сейчас счет пошел бы на миллиарды, учитывая инфляцию, — на пересмотр планов, программ, уставов и служебных инструкций, которые стали известны Москве.

Чтобы представить себе положительный материальный эффект данных внешней разведки, надо оттолкнуться от фактов, приведенных в официальном докладе американского правительства за 1985 год. Там говорится, что примерно 5 тысяч советских исследовательских проектов в 80-е годы разработаны с использованием западной технической документации и оборудования, доставленных спецслужбами Кремля.

Комментарии, думается, излишни. Приобретение таких материалов, так сказать, нормальным путем, если бы подобное оказалось возможным, потребовало бы валютных средств, исчисляемых миллиардами долларов.

Другой пример. В 1983 году советская внешняя разведка привлекла к сотрудничеству сотрудника ЦРУ Эдварда Говарда. Я уже писал об этом. Так вот, мы располагаем сведениями о том,

что, по американским данным, ущерб, нанесенный им центральной разведке Вашингтона, превзошел по своим последствиям урон от деятельности К.Филби и Д.Блейка. Как заявил один из сотрудников Лэнгли газете «Нью-Йорк таймс», Говард «фактически уничтожил резидентуру американской разведки в Москве». Он стал «ценным консультантом» для КГБ по методам, приемам, техническим средствам, которые использовала американская разведслужба. Одно только разоблачение им американского шпиона А.Толкачева, наносившего большой ущерб советской авиационной промышленности, сберегло нашему государству большие средства.

Доказывая необходимость разведки, я исхожу из того, что деятельность нашего государства и его интересы совпадают с гуманистическими идеалами. Самая большая и лучшая часть наших агентов всегда сотрудничала с нами по идейным соображениям. Они делали и делают благородное и необходимое дело.

В наше очень беспокойное, тревожное и ответственное время отслеживание потенциальных кризисных, конфликтных ситуаций — одна из главных задач разведки. Ее повседневной обязанностью является содействие проведению внешнеполитического курса нашего государства, укреплению безопасности, обороноспособности и экономики России, чтобы застраховать наше общество от неприятных неожиданностей извне, помочь государственному руководству своевременно принять необходимые меры.

Данные разведки служат как бы компасом в безбрежном море информации. Она сообщает сведения, которые невозможно получить по официальным каналам. Никакие другие ведомства не способны выполнять эффективно подобные задачи, следовательно, без разведслужбы государство обойтись не может. То, что некоторые западные пропагандисты, работающие по заказу своих спецслужб, выступают с утверждениями, будто в постсоветском обществе нужды в разведке никакой нет, не должно никого обманывать. Ведь необходимость разведки для каждой страны не отрицает фактически ни один уважающий себя политический и государственный деятель. И все спецслужбы согласны в одном — в необходимости вести агентурную разведку, исходя из той простой истины, что не все можно обнаружить техническими средствами или извлечь из официальных и полуофициальных открытых источников. Сошлюсь на мнение бывшего начальника Главного разведывательного управления министерства обороны Великобритании К.Стронга, который

подчеркивал важность для разведки уметь правильно сопоставлять и анализировать информацию, получаемую из самых различных источников, и в то же время не полагаться на какой-либо отдельно взятый источник, каким бы надежным он ни казался. По его убеждению, только разведка в отличие от других государственных учреждений собирает и обрабатывает всю информацию, необходимую для правильного понимания международных отношений.

Что же касается того, сколько «стоит» разведка, то можно сказать: она стоит ровно столько, сколько государство в состоянии выделить на одну из своих самых важных функций — защиту национальных интересов, достижение для себя достойного места в международных отношениях, обеспечение безопасности своих граждан.

И все же для меня как заместителя начальника внешней разведки самым главным было обеспечение условий для наращивания возможностей по добыче надежных документальных материалов, раскрывающих планы наших противников в отношении моей Родины. Прошу читателей не считать бахвальством — это качество противно моей натуре, — но не так уж редко нам удавалось провести успешные оперативные акции за рубежом, ради чего мы не жалели ни сил, ни времени. Старались только, чтобы ни в коем случае не понести потери в людях, не потерять кадровых работников и агентов.

Об одном таком деле я хочу рассказать максимально прав диво и объективно.

Операция «Центр». В самом конце 1962 и начале 1963 года я исполнял обязанности начальника внешней разведки. Ее руководитель А.М.Сахаровский отправился на две недели в служебную командировку. Перед отъездом Александр Михайлович предупредил, что из Парижа ожидается чрезвычайно важная почта. Ее, наказал он, следует обработать без промедления, соблюдая максимальную секретность. После оформления материалы нужно было послать «наверх», в самую высшую инстанцию — Президиум ЦК КПСС.

Когда вскрыли пакеты — надо сказать, что к обработке почты привлекли минимальное число сотрудников, если мне память не изменяет, двоих или троих, — не скрою, я был потрясен. Передо мной лежали копии строжайше секретных документов Пентагона и НАТО, где были указаны цели атомных ударов объединенного командования Североатлантического блока и войск США, расположенных в других районах мира. На территории Советского Союза должны были подвергнуться атомному нападению все наиболее крупные города. Такую же участь

атлантисты уготовили большим населенным пунктам в союзных с СССР европейских государствах, а так же в их западных соседях, включая ФРГ. Как говорится, черным по белому существовали — сам это видел — планы ядерной войны против нашей страны, где цели распределялись между ядерными силами США и Англии. Атомные удары по союзным с Вашингтоном государствам намечались не только тогда, когда туда войдут русские, а до того, так сказать, профилактически, чтобы превратить эти страны в зону «выжженной земли». В почте были и другие ценнейшие документы, например, мобилизационные планы США и других натовских государств, шифровальные блокноты, используемые Пентагоном для связи с американскими вооруженными силами в Западной Европе. Повторяю, я был просто потрясен. Чувство отвращения к тому, что планировал Пентагон, охватило меня. Но вместе с тем я испытывал гордость за то, что нашей разведке удалось добыть важнейшие секреты Вашингтона.

Как возникла и развивалась операция, благодаря которой руководство нашей страны получило возможность ознакомиться с содержимым сейфа американского узла фельдъегерской связи в Орли близ Парижа? Для удобства буду в дальнейшем этот объект именовать просто «Центр».

В начале 1953 года сержант Роберт Джонсон, проходивший службу в войсках США в Западной Германии, крепко разобиделся за что-то на свое начальство. Не долго думая, он обратился к советским властям в Восточном Берлине с просьбой предоставить ему политическое убежище в СССР. Кстати, такие случай бывали не так уж редко, как об этом думают сейчас. Представитель внешней разведки, беседовавший с сержантом, сумел убедить его, что он сможет эффективно помочь нам в борьбе за мир лишь оставаясь в армии. Джонсон стал выполнять отдельные разведывательные поручения и вскоре по собственной инициативе привлек себе в помощь своего друга Джеймса Миткенбау, тоже сержанта. В дальнейшем выяснилось, что последний располагал лучшими разведывательными возможностями. Поэтому мы отделили его от Джонсона и взяли на прямую связь, считая, что так будет безопаснее для Миткенбау. Через некоторое время его тайно перебросили в Москву, где он прошел обучение основам разведывательного дела.

После окончания службы в Западной Германии Джонсон вернулся в США и демобилизовался. С ним установили связь сотрудники нашей резидентуры. Однако разведывательные возможности были у агента небольшими. Начали искать, как их повысить. В итоге Джонсон в 1959 году вновь вступил в ряды армии США. Его направили на американскую базу во

французском городе Орлеан. Но этот объект представлял для нас мало интереса. Поэтому мы стали искать пути продвижения Джонсона в какое-либо ключевое американское учреждение. Наше внимание привлек «Центр». Это был настоящий склад секретов. Туда поступали самые важные документы Пентагона и штаб-квартиры НАТО. Среди них были ключи для шифровальных машин, составленные Агентством национальной безопасности США, оперативные и мобилизационные планы и другие материалы высшей секретности.

«Центр» размещался в небольшом бетонном здании без окон и с одной дверью, прямо бункер какой-то! Дверь открывалась в помещение, где делопроизводители сортировали почту. За ним размещался огромный стальной сейф, добраться до которого можно было, пройдя через две, тоже стальные, двери. Первая запиралась массивной металлической перекладиной с двумя сложными замками на концах. Вторая имела замок с шифром. Никто не смог открыть сейф, не зная комбинации цифр для двух замков на перекладине и не имея ключа от второй двери. По инструкции, когда открывали хранилище, там должен был присутствовать офицер из охраны. Кроме того, в помещении, где обрабатывали почту, находился охранник.

В 1961 году мы поставили перед Джонсоном задачу попытаться перевестись на службу в «Центр». Попытка удалась: в конце концов его взяли туда охранником. Незаметный сержант и агент средней руки превратился в источник ценной информации с невероятным разведывательным потенциалом, который, разумеется, надо было еще суметь в полной мере использовать. Началась кропотливая работа по изучению обстановки на объекте и подготовке условий для того, чтобы проникнуть в сейф. Можете представить себе, сколько труда, терпения и настойчивости должны были проявить наши разведчики, работавшие с Джонсоном, а сам агент — осторожности и смелости, чтобы к концу года все препятствия были наконец преодолены.

Прилежной службой агент добился, чтобы его из охранников перевели в делопроизводители, которые время от времени в одиночку дежурили по субботам и воскресеньям на объекте. Так он получил возможность сделать слепок с ключа от сейфа, набитого секретными документами. Затем узнал шифр концевого замка, воспользовавшись небрежностью одного из офицеров, который, не надеясь на свою память, записал на клочке бумаги сверхсекретный набор цифр. Шифром второго концевого замка Джонсон овладел с помощью переданного ему нами портативного рентгеновского прибора. Так, шаг за шагом, он продвигался к тому чтобы проникнуть в сейф и получить в свои руки

интересовавшие нас документы.

Продолжительная по времени и очень сложная операция, связанная с большим риском для агента и руководивших его действиями оперативных работников, тщательно контролировалась московской штаб-квартирой. Обстановка во Франции тогда была довольно сложной, французская контрразведка усилила наблюдение за сотрудниками советских учреждений. Каждый выход на встречу с Джонсоном приходилось подстраховывать дополнительными оперативными мероприятиями.

Чтобы ярче представить ход операции по выемке документов, опишу один эпизод. В воскресенье, 15 декабря, около полуночи Джонсон оставил свой пост в «Центре». У него в руке был небольшой голубой чемоданчик — сувенир французской авиакомпании «Эр Франс», набитый до отказа пакетами с секретными документами. Он подъехал на своем стареньком «ситроене» к пустынной дороге около аэропорта Орли, где его поджидал наш сотрудник в сером «мерседесе». Агент передал ему свой чемоданчик и получил взамен точно такой же с вином и закусками. Через пять минут Джонсон опять был на своем посту, а наш разведчик в это время мчался к зданию советского посольства, где располагались резидентура и ее службы.

В течение часа наши специалисты сняли печати, вскрыли пакеты, сфотографировали документы, а затем аккуратно восстановили первозданный вид отправлений и печатей. В три часа с четвертью оперативный работник припарковал свой «мерседес» на грунтовой дороге у маленького кладбища в пяти минутах езды от Орли. В точно условленное время подъехал Джонсон и обменялся с ним чемоданчиками. Потом агент возвратился в «Центр» и в шесть сменился с дежурства. По дороге домой он остановился у заранее подобранной телефонной будки и оставил там пустую пачку из-под сигарет «Лаки страйт» с нарисованной на ней карандашом буквой «Х». Это означало: «все в порядке, документы возвращены на место без происшествий».

Всего удалось провести семь таких операций, наиболее драматичной оказалась последняя.

И на этот раз все было рассчитано до минуты. Но случилось непредвиденное. Когда наш сотрудник прибыл в условленное место, чтобы возвратить документы, Джонсона там не оказалось. Напрасным было длительное ожидание. Время истекало, приближалась смена дежурных в «Центре». Это неизбежно привело бы к провалу агента и краху операции. Надо было немедленно действовать. И наш разведчик решился на отчаянный шаг: он подъехал к «Центру», увидел стоявший поблизости

автомобиль Джонсона, открыл дверцу и положил в него чемоданчик с документами. Невозможно описать, что пережил наш товарищ, не знавший, что произошло с Джонсоном. Только появление через несколько часов сигнала о благополучном возвращении документов в сейф сняло, как говорится, камень с сердца. А позже выяснилось, что Джонсон, передав разведчику чемоданчик с документами, решил поужинать. И неожиданно для себя крепко заснул. Открыв глаза лишь за четверть часа до прихода сменщика, он ужаснулся и бросился к машине, не зная толком, что делать. И вдруг увидел чемоданчик. Схватив его, Джонсон молниеносно вернулся в «Центр» и положил документы в сейф. Едва успел он закрыть все замки, как явился сменщик.

Это происшествие заставило нас прервать дальнейшие выемки. Тем более что многое уже было достигнуто. В наших руках оказались десятки документов Пентагона исключительной важности. И среди них, как писала после провала Джонсона и суда над ним американская печать, наиболее сенсационные — операционный план главнокомандующего войсками США в Европе № 100-6, где были изложены подробности развертывания новой войны против Советского Союза, и руководство по ядерному оружию, которое включало список целей в СССР, странах Восточной и Западной Европы. А в заявлении Пентагона по этому поводу говорилось: «Невозможно точно определить нанесенный нам ущерб. Некоторые потери непоправимы и не поддаются оценке… не раскрой мы это дело, если бы началась война, потери вполне могли бы оказаться фатальными».

Такие оценки не случайны. Эксперты сошлись на том, что никакой другой объект США в Западной Европе не был более жизненно важным для Вашингтона, чем Орли-Филд.

Мне остается лишь еще раз подчеркнуть, что разведчики расплачиваются огромным нервным напряжением за каждую операцию, будь она успешной или неудачной. Особая тяжесть ложится на плечи руководителей разведки любого ранга. Сколько раз, отправляя разведчика-нелегала на задание, я испытывал колоссальное напряжение, пока не получал долгожданное известие: «Все в порядке, приступил к работе». Во много раз легче рисковать самому, чем ждать, когда твой товарищ благополучно преодолеет препятствия на пути к успеху. Не это ли сжигает многих из нас раньше времени? А как же Джонсон? На некоторое время осторожности ради мы прервали связь с ним, когда же восстановился контакт, оказалось, что его перевели на другое место службы, которое представляло для нас гораздо меньший интерес. Надо было опять предпринимать шаги для внедрения агента на какой-нибудь новый объект, где он располагал бы

большими разведывательными возможностями. Но тут вмешался слепой случай, который нельзя было предусмотреть. В 1964 году американская контрразведка раскрыла Джонсона с помощью сведений, которые сообщила его жена, заболевшая психическим расстройством. Наш агент был арестован и осужден на длительный срок тюремного заключения.

Глава 9. В нейтральной Австрии

В морозный январский день 1966 года в аэропорту Шереметьево председатель КГБ В.Е.Семичастный ожидал прибытия венгерской делегации. Вместе с ним был А.М.Сахаровский, а я сопровождал своего начальника как человек, курирующий отдел международного сотрудничества.

Вылет самолета задерживался из-за неблагоприятных метеоусловий в венгерской столице. Председатель коротал время в разговорах с начальником ПГУ. Зная, что Александр Михайлович обязательно постарается использовать оказию для обсуждения служебных проблем, я старался не мешать собеседникам и стоял поодаль.

Вдруг Сахаровский обратился ко мне с каким-то вопросом. Я подошел. Выслушав мой ответ, начальник ПГУ, продолжая разговор с председателем, сказал, что внешняя разведка испытывает большие трудности с подбором резидентов. Так, длительное время не удается найти подходящей кандидатуры в Вену: прежний резидент отозван, а исполняющий его обязанности работник явно не справляется с делом.

— Ну, Александр Михайлович, не может быть, чтобы среди руководящего состава разведки не было подходящих людей, — сказал председатель. При этом он, как мне показалось, полушутя указал на меня: — Вот, например, разве это не готовый резидент?

Сахаровский воспринял замечание всерьез и тут же спросил: мог бы я поехать в Вену? Не придавая значения такому мимолетному разговору, я отреагировал, как это обычно де лал всегда:

— Если нужно, то начальник разведки знает, я никогда не отказывался ни от какого назначения.

Но при этом добавил, что занимался в основном англосаксонской линией, немцев знаю слабо, а языка немецкого никогда не изучал. Этот довод, видимо, не произвел впечатления. И Александр Михайлович, обращаясь к председателю, спросил, не возражает ли он, если мы примем такое решение.

Разговор прервало сообщение о посадке самолета из Будапешта, и все направились к трапу.

Занимаясь с венгерской делегацией, я довольно быстро забыл об этом эпизоде. Но через несколько дней Сахаровский позвонил мне и спросил: обдумал ли я предложение председателя о назначении в Вену? И не дожидаясь моего ответа, сказал, что если у меня нет серьезных возражений, он отдаст указание начать оформление.

Так как вопрос принимал вполне серьезный оборот, я посчитал нужным еще раз высказать, что предпочел бы более близкие мне англоговорящие или по крайней мере франкоговорящие страны.

— Других оснований для отказа у меня нет.

— На том и порешим, — сказал начальник разведки. И, видимо желая меня подбодрить, добавил: — Мы вполне удовлетворены вашей работой, а вы должны рассматривать настоящее решение как естественную ротацию руководящих кадров. Резидентура в нейтральной стране сейчас становится местом активного притяжения сил, в том числе и враждебных нам, поэтому Вене отводится роль одной из ведущих точек резидентур. Ее эффективная деятельность очень важна для всей внешней разведки, — продолжал начальник ПГУ. — А вот уже год как она не справляется с поставленными задачами. Этого дальше терпеть нельзя. Ну да мы еще поговорим об этом, — добавил Александр Михайлович.

Так казавшийся случайным разговор в аэропорту решил мою дальнейшую судьбу. Я не испытывал эйфории, но и не особенно огорчился. Не сомневался я и в искренности А.М.Сахаровского, когда он счел нужным положительно оценить мою работу в руководстве разведкой. Правда, оставались сомнения в подлинных мотивах предложения В.Е.Семичастного: было известно, что председатель стремился сменить как можно больше руководящих работников внешней разведки, чему упорно сопротивлялся А.М.Сахаровский. Что касается меня, то я «не кадил никогда кадилом лести», держался позиции начальника разведки, в том числе и при докладах амбициозному председателю комитета, что едва ли могло ему нравиться.

Смущало меня главным образом то, что, имея опыт в работе с англосаксами и хорошо зная их образ мышления, я слабо представлял себе австрийцев. Был, правда, двенадцатилетний опыт работы по линии нелегальной разведки, когда мы перебрасывали через Германию на Запад многих разведчиков, а в ГДР вели их языковую подготовку. Частые, хотя и кратковременные, поездки в ГДР и в Австрию давали возможность составить определенное представление об этих странах. Но все же… Кроме того, слабой стороной я считал отсутствие опыта по оперативным делам в области политической разведки в этом регионе; исключение составляли те дела против Федеральной разведывательной службы в Западной Германии и государственной полиции в Австрии, в которых мне пришлось участвовать.

Вспоминая свое тогдашнее настроение, должен сказать, что

главное было, готовность активно работать, тем более что за плечами имелся немалый опыт руководства оперативным со ставом Я мог рассчитывать на то, что сумею организовать эффективную деятельность подчиненных, так как и сам был готов участвовать в ответственных операциях.

Сложнее обстояло с Клавдией Ивановной. Она страдала прогрессирующей гипертонической болезнью, и, хотя была готова всюду следовать за мною, меня ее состояние беспокоило. Да и врачи поставили условие, чтобы она прошла курс профилактического лечения. Пришлось Клавдии Ивановне, несмотря на ее крайнее нежелание, провести в госпитале почти весь февраль. За это время она заметно окрепла, и в марте 1966 года мы выехали к новому месту работы, полные замыслов и надежд.

Вена была новым местом не только по форме, но и по со держанию. Мне предстояло осваивать незнакомый географический район, непривычные языковые и этнографические особенности, вплотную соприкасаться не только с активно действующим в этом регионе ЦРУ, но и сравнительно новой для меня западногерманской ФРС. Тем более, что обе эти мощные разведывательные организации располагали в Австрии значительно большими возможностями, чем наша внешняя разведка.

Период с марта 1966 года по октябрь 1970 года, когда в Австрии я руководил одной из крупнейших зарубежных резидентур КГБ, оказался одним из интереснейших отрезков моей жизни. О том, как строились служебные дела в Вене, пока, к сожалению, можно писать мало: еще многие люди — оперативные работники и агенты продолжают активно действовать. Тем не менее я постараюсь коснуться тех эпизодов, которые могут представить интерес для читателя.

Поскольку резидентура ежедневно проводила до десяти разных операций, особо ответственные дела приходилось в основном решать в столице и ее окрестностях. Руководству надо было вникать в малейшие детали организации оперативной работы, особое внимание уделяя при этом выбору мест встреч с агентурой. Об этом напоминаю для того, чтобы читатель правильно понял наш интерес к « туристскому раю».

Я внимательно следил за тем, чтобы наши сотрудники не оказались в районах особого внимания местной контрразведки, в частности в местах сосредоточения уголовных элементов, вблизи важных государственных учреждений, в районах повышенной активности агентов ЦРУ и ФРС. Нас заботило, чтобы работники резидентуры невзначай не могли столкнуться друг с другом в

одном районе на встречах со своими агентами. Вот почему мы старались точно представлять себе в каждый данный момент, где и как действуют люди наших конкурентов. Имели мы неплохую информацию и о деятельности госполиции, которая хотя и внимательно следила за нами, но остерегалась вмешиваться в наши действия. Зато она активно помогала разведчикам из ФРГ и США.

Немало сложностей было связано с обеспечением безопасности встреч с агентами или источниками информации, приезжавшими на короткое время в Австрию из ФРГ, других европейских стран, а иногда даже и из США. Нельзя было исключить возможности наружного наблюдения за ними западных спецслужб. Дело прошлое, но могу с удовлетворением отметить, что нам удавалось обеспечивать безопасность, как правило, на все сто процентов.

Помню лишь единственный случай, когда наш оперативный сотрудник попал под наружное наблюдение противника, которое «привел» за собой из ФРГ агент (его поведение и ранее вызывало у нас некоторые подозрения), однако в данном случае удалось « запутать» немцев: мы провели встречу с агентом на арендованной машине и смогли отвести подозрение наблюдения противника в том, что тут участвовали сотрудники нашей разведки.

В то время Австрия — а прошло всего десять лет после подписания договора о ее нейтралитете — играла важную роль своеобразного моста между Западом и Востоком. Экономически хорошо развитая, с высоким промышленным потенциалом и тесными связями с западноевропейскими государствами, Австрия представляла большой интерес как для нас, так и для Запада. Ее нейтралитет позволял ей развивать выгодные экономические отношения практически со всеми соседями. Руководители страны проявляли немалое мужество, сопротивляясь давлению атлантистов, которые стремились повернуть курс Вены в русло политики НАТО. Лидеры дунайской республики отдавали себе отчет в негативных последствиях обострения отношений с соседями на Востоке.

В свою очередь, советская сторона, гарантировавшая государственный нейтралитет Австрии, пристально следила за соблюдением договора и взятых австрийцами обязательств. В этом важную роль играла внешняя разведка, в частности венская резидентура: мы обеспечивали всестороннее освещение деятельности враждебных нейтралитету сил, стремясь вскрывать подрывные акции западных спецслужб.

Проводя операции, мы не раз выявляли наружное наблюдение западногерманских разведывательных организаций

за объектами нашего интереса. Мы понимали, что западные немцы, вынужденные считаться с государственным нейтралитетом Австрии, старались не создавать лишних трудностей австрийской стороне. Но и мы не упускали возможности представлять всякий раз венским руководителям протесты против послаблений, которые местные власти делали спецслужбам ФРГ.

Мы детально знали о деятельности ФРС, потому что исчерпывающей информацией Центр снабжал ценный источник Хайнц Фельфе, занимавший руководящий пост в западногерманской разведке. После его ареста весьма полезные сведения продолжали поступать к нам от агентов внешней контрразведки.

Некоторые возможности у нас были и по линии ЦРУ, но об этом еще не пришло время рассказать подробно. Тем не менее мастерам шпионажа из Лэнгли удавалось иногда портить нам настроение. Так, если не ошибаюсь, в начале октября 1967 года в австрийской прессе появились статьи обо мне как сотруднике КГБ, действовавшем в Канаде и, как ни странно, в… Австралии, в которой я никогда не бывал. Эти газетные материалы были обильно разукрашены всевозможными выдумками.

Наш посол Б.Ф.Подцероб, с которым у меня в общем-то сложились хорошие отношения, как-то пригласил меня к себе и на полном серьезе сказал, что мне «нужно без промедления» покинуть Австрию. Пораженный такой неожиданной категоричностью, я вынужден был заявить, что, к моему великому сожалению, не могу этого сделать без разрешения Центра, так как не Борис Федорович направлял меня в Вену и, очевидно, не ему решать этот вопрос. Я обещал немедленно доложить его соображения в Москву. Что касается моего мнения, то оно однозначно: необходимо заявить решительный протест Министерству иностранных дел Австрии против действий местной прессы, распространяющей клевету на советских дипломатов. Я добавил, что, вероятно, сам посол не подумал бы покидать страну, если какая-нибудь бульварная газетенка объявила бы его «шпионом».

В Центр тут же пошла телеграмма, в которой я высказал уверенность, что только решительный протест дипломатическому ведомству может оградить сотрудников посольства и заставить австрийские власти воздействовать на прессу. Тем более ни для кого в Вене не оставалось секретом, что такие публикации инспирирует ЦРУ.

На другой день посол пригласил меня и сообщил, что у него есть указание министра посетить МИД и заявить решительный

протест против оскорбительной газетной кампании. Правда, его понимание «решительности» оказалось весьма странным: Б.Ф.Подцероб отправился к австрийскому министру, захватив с собой довольно увесистые сувениры. В связи с этим я вспомнил слова известного французского дипломата Жюля Камбона (из его основополагающего труда «Дипломат) о том, что профессия дипломата требует тех, кто обладает более твердым характером и более независимым умом. И еще: „Посол, не осмеливающийся быть чем-либо другим, как только почтовым ящиком, представляет опасность для своего правительства“. Так или иначе инцидент был исчерпан, и я продолжал руководить резидентурой.

Оперативную обстановку в стране осложняло то обстоятельство, что в соседней ФРГ началось заметное оживление неофашистских элементов, которые группировались вокруг Национал-демократической партии (НДП). Именно в 1966 году эта партия провела съезд, принявший манифест, в котором провозглашались претензии неонацистов на усиление своей роли в жизни послевоенной Западной Германии. Но дело не ограничивалось лишь территорией этой страны. И в Австрии появилась собственная НДП, которая стала собирать под свои знамена всех недовольных нейтралитетом страны — бывших нацистов, наиболее реакционных представителей других буржуазных партий и кругов, мечтавших о реванше.

Становилось все более очевидным, что в лице НДП западные спецслужбы приобретали новую, довольно многочисленную и активную социальную базу для организации агентурной работы против советского влияния в нейтральной Австрии и, разумеется, для проведения подрывных акций, непосредственно направленных против нашей резидентуры. Таким образом, в оперативном плане именно австрийский плацдарм начал представлять для внешней разведки особо важное значение. Главным образом исходя из этого, резидентура сосредоточила свое внимание на противодействии ЦРУ и ФРС, стремясь обеспечить проникновение в них наших агентов. Но, с другой стороны, именно здесь, в Австрии, разведка Вашингтона делала неоднократные попытки спровоцировать советских разведчиков, склонить их к измене или даже похитить. Я уже упоминал о неудавшейся попытке захвата нашего разведчика Б.Я.Наливайко, который сорвал эту акцию своими смелыми и решительными действиями.

Другую неудавшуюся попытку американцы предприняли в 1967 году по отношению к сотруднику резидентуры — назовем его Иваном. На встрече со своим давним знакомым американским инженером-электронщиком Х., к которому Иван проявлял

оперативный интерес, вдруг появился, как говорят, «третий лишний». Им оказался неизвестный Ивану американский разведчик. Надо сказать, птица невысокого полета, потому что он с ходу стал провоцировать нашего сотрудника, чтобы тот признался в принадлежности к советской разведке. Угрожал разоблачениями, склонял к сотрудничеству с ЦРУ, обещая всяческие блага. Чтобы произвести соответствующее впечатление, американец продемонстрировал пленку, на которой были якобы записаны «вербовочные» беседы Ивана с инженером Х.

Иван дал резкий отпор американцу и покинул место встречи. В дальнейшем мы приняли меры, которые лишили представителей Лэнгли возможности продолжать шантаж нашего сотрудника.

Вспоминая перипетии работы в Австрии в то довольно давнее время, не могу отделаться от мысли, что значение, которое эта страна тогда представляла для нас, в значительной мере сохраняется и сейчас. Хотя ситуация в мире и Европе изменилась, здесь, на берегах Дуная, ЦРУ и ФРС по-прежнему удерживают плацдарм, с которого удобно проводить разведывательные операции против нашего государства. И конечно, эти спецслужбы никогда по доброй воле свои базы здесь не ликвидируют.

В мое время венская резидентура действовала в напряженном ритме. Число оперативных мероприятий нарастало, и многие из них требовали моего личного участия.

Существовал жесткий порядок: о завершении каждой операции, особенно если она заканчивалась поздно вечером, и о благополучном возвращении разведчика после выхода в город на встречу с агентом мне обязательно докладывали. Установить такой порядок было нелегко, так как мой предшественник не был силен ни в оперативном отношении, ни в организационном. Так что дисциплина у оперативного состава порядком хромала. Резидентура работала без четкого плана. Сотрудники были предоставлены самим себе и действовали на свой страх и риск, часто на невысоком профессиональном уровне. Пришлось обратить внимание на дисциплину, внести большую организованность, особенно во всем, что касалось подготовки операций. Не сразу это сказалось на результатах работы. Некоторое время резидентуру лихорадило, случались отдельные неприятные происшествия. Кто-то совершил аварию, сев за руль автомобиля в не совсем трезвом состоянии, кто-то опоздал на встречу с агентом, создав угрозу срыва связи. Бывали и грубые нарушения норм поведения. Мне запомнился один из таких случаев.

Как-то утром (было это летом 1966 года) руководитель одной

из групп доложил мне, что ночью его сотрудник Моторин, оставшийся без жены, выехавшей в Москву по семейным обстоятельствам, вернулся домой в состоянии сильного опьянения. Квартировал он довольно далеко от резидентуры, в особняке, где проживали еще три семьи, в том числе семья нашего разведчика, коллеги Моторина. Последний, увидев Моторина в таком состоянии, помог ему добраться до квартиры на втором этаже и, убедившись, что коллега заснул, на всякий случай запер его квартиру на ключ. Рано утром он хотел поинтересоваться самочувствием Моторина, но хозяина в доме не оказалось. Моторин, найдя дверь запертой, вылез через окно и спустился по водосточной трубе.

Никто не знал, с кем встречался Моторин и кто его мог напоить. Возникло опасение, не стал ли он жертвой провокации, тем более что резидентура в этот период часто сталкивалась с такими попытками западногерманских разведчиков, специализировавшихся на похищении интересовавших их советских граждан. Мы бросили на розыск Моторина всех свободных сотрудников, послали «прочесывать» соседние улицы, кафе и рестораны. Время шло, а он не появлялся. Ожидание было для меня мучительным. По мере того как работники докладывали о бесплодных поисках, возникали мысли о самом неприятном, о возможности похищения Моторина или даже его бегстве на Запад, тем более что у него было основание опасаться замечаний по поводу своего поведения в отсутствие жены. Он стал увлекаться спиртным, отлынивать от работы, проявлял недисциплинированность. Я был возмущен, что узнал об этом только сейчас, когда Моторин исчез.

Надо сказать, что произошло это еще в то время, когда председателем комитета оставался В.Е.Семичастный. При нем за малейшие проступки следовали разгромные наказания, часто без учета истинной вины и даже в случаях, когда возможные неприятные последствия были предотвращены. Помню, сколько раз мы сталкивались с такими фактами, когда за бегство с судна рядового матроса «летели головы» многих — увольнялись работники, отвечавшие за морскую линию, или им снижали воинские звания, переводили на низшие должности. А потом оказывалось, что молодому парню захотелось попутешествовать, через некоторое время он являлся с повинной и просил помочь вернуться на Родину.

С приходом Ю.В.Андропова положение стало меняться к лучшему. Начальство начало более трезво и объективно подходить к оценке каждого происшествия. Но мы понимали, что в деле с Мориным в случае худшего исхода последствия для

резидентуры могли быть самыми серьезными. Не трудно представить мое состояние, тем более что перед глазами всплывал случай с Гузенко, омрачивший начало моей карьеры.

Наконец, в четыре часа дня группа коллег Моторина доставила пропавшего. Его обнаружили пьяным на окраине города. Как выяснилось, рано утром он захотел опохмелиться. Решил направиться в ближайшее кафе, но, обнаружив дверь своей квартиры запертой, избрал путь «бегства через окно», не отдавая отчета в последствиях такого поступка.

Посольский врач установил у Моторина помимо алкогольного отправление большим количеством выпитого кофе. По требовалась госпитализация, и Моторин был отправлен в советский военный госпиталь в Венгрии, а оттуда домой.

Этот случай потребовал обратить еще больше внимания на дисциплину. Но мы вздохнули с облегчением, что освободились от пьяницы. Нет худа без добра.

В целом же персонал резидентуры был на редкость дружным. Особое внимание уделялось воспитательной работе с семьями разведчиков, в том числе с молодыми женами, у которых часто возникали претензии к их мужьям из-за чрезмерной занятости, позднего возвращения домой. Боевые подруги требовали к себе большего внимания и, естественно, были правы. Тут неоценимую помощь оказывала мне Клавдия Ивановна, постоянно встречавшаяся с женами наших коллег. Мы подружились с семьями многих сотрудников, работавших в Австрии в тот период. Эта дружба продолжалась и после нашего воз вращения домой.

Работая в Вене, я стремился выдвигать на ответственную работу наиболее способных сотрудников. Так, обязанности руководителя группы политической разведки временно исполнял Иван Алексеевич Ерофеев. Приглядевшись к нему, я внес предложение назначить его на этот пост. Центр не соглашался и хотел направить на эту должность другого человека. Я продолжал настаивать, аргументируя конкретными доводами. Только моя настойчивость и, вероятно, мой авторитет бывшего заместителя начальника разведки помогли решить этот вопрос положительно. Иван Алексеевич быстро доказал, что обладает не только высокими профессиональными качествами, но и организаторскими способностями. После возвращения в Центр он в короткое время продвинулся по службе: его направили в Бонн резидентом, присвоили звание генерал-майора. Жаль, что в начале 80-х годов он тяжело заболел и скончался. Из моих помощников в Вене помимо И.А.Ерофеева стали руководителями и получили генеральские звания еще четыре человека, что дает

мне основание быть довольным тем выбором, какой я сделал в свое время.

История с Ерофеевым навела меня на многие мысли о существе связи «резидентура — Центр». Воспринимая Центр как некий коллективный штаб, «снизу» я все же явственно видел в его работе известные слабости. Серьезным недостатком мне представлялся тот парадокс, что большинство решений по предложениям резидентуры Центр принимает на основе «прошлой» информации. То есть поступающая из резидентур информация, какой бы оперативной ни была связь с Центром, неизбежно запаздывает, устаревает, так как часто непомерно большое время затрачивается на ее сбор и обработку в аналитических структурах.

Это запоздание часто, особенно в случае подготовки важных вербовок, может привести к тому, что пока, как говорится, «дойдет до дела», произойдут кардинальные изменения в положении кандидатуры потенциального агента или ситуации вокруг него. Вот почему чем больше полномочия резидента, особенно при проведении острых операций, тем готовящееся мероприятие более адекватно условиям, действительно существующим в данный момент.

Мое положение недавнего члена руководства внешней разведки делало меня более независимым по сравнению с коллегами в других странах. Я чаще мог брать на себя ответственность за проведение мер, требовавших, как правило, санкции Центра. Из этого, разумеется, не следует, что резидентами должны быть лишь люди из высшего руководства, но рамки полномочий и компетенции резидента должны быть максимально расширены. Это важно не только для успешного решения специфически профессиональных задач, но и для изучения политики и деятелей страны пребывания. Такое расширение представляется мне особо важным и для опытных разведчиков-нелегалов, связь с которыми неизбежно требует большего времени. Напротив, связывание рук разведчикам и резидентам чрезмерными ограничениями часто ведет к потере мобильности и эффективности, в том числе и в таком важном деле, как привлечение иностранной агентуры к сотрудничеству.

Другой реально существующий и особенно ощутимый «внизу» недостаток в работе Центра — подмена конкретной помощи общими директивами, в которых просматривается лишь желание переложить на резидентуры ответственность, особенно при возможных неудачах. Вместо того чтобы формулировать конкретные позиции, там часто прикрываются замечаниями вроде «мы вас предупреждали», « на вашу ответственность», «примите

меры к повышению надежности» или «прекратите все сомнительные дела» (при этом остается неясным, какие именно дела Центр считает «сомнительными). И над всеми этими „страховочными“ директивами постоянное требование: „не снижайте активности“.

Придерживаясь на протяжении всех пятидесяти лет работы в разведке принципа «Быть активным!» и охотно работая с инициативными людьми, я всегда искренне удивлялся сотрудникам, пассивно относившимся к своим обязанностям, не желавшим прилагать дополнительные усилия. Замечу при этом, что люди такого сорта буквально на глазах как-то сдавали, старились не по годам. Правы, по-моему, те психологи, которые видят прямую зависимость между деловой активностью человека и состоянием его здоровья и утверждают, что лучше испытывать неприятные переживания, стимулирующие поиск, чем находиться в расслабленном состоянии пассивного довольства собой и всем миром.

Канадский ученый Селье не без оснований считал, что стресс — это «острая приправа к повседневной пище жизни». Он необходим, потому что «активизирует возможности организма приспосабливаться к меняющемуся миру», а «полная свобода от стресса равносильна смерти».

Относясь требовательно к себе, я стремился заражать таким же отношением к жизни моих коллег и подчиненных. Конечно, это далеко не всегда удавалось. С несколькими дремучими лентяями мне довелось встретиться и в Вене. Должен сказать, что больше всего мне несимпатичны две категории работников — лентяи и подхалимы. Как-то после длительных попыток заставить одного из сотрудников активизировать работу я поставил перед Центром вопрос о его досрочном откомандировании. Но, как оказалось, легко просить об откомандировании и трудно добиться этого, если за человеком нет никакого другого «криминала» кроме патологического безделья.

В таких случаях от нас требовали «воспитывать молодых сотрудников», «проявлять к ним внимание» и тому подобное, намекали на «пренебрежение» воспитательной работой. Выйти из этого заколдованного круга могла помочь только твердость позиции. Так я и поступил. Раз подразделение не пожелало взять на себя ответственность за досрочный отзыв оказавшегося не годным своего сотрудника, я, направив его в отпуск, категорически попросил Центр больше его в Вену не посылать. И хотя с мнением резидента посчитались, в Центре на совещаниях этот случай использовался как пример «недооценки» воспитательной работы. А о том, что бездельник отнимал у

руководителя больше времени, чем десяток добросовестно работающих сотрудников, предпочитали при этом умалчивать.

Размышляя о резервах повышения конспиративности и эффективности в нашей разведывательной точке, я предложил Центру сократить штат резидентуры минимум на 10 процентов, отозвав малоспособных людей. Намерение у меня было благое, но я, видимо, упустил при этом из виду, как глубоко сидит в умах у многих знаменитый закон Паркинсона об аппарате, который сам себя создает, сохраняет и приумножает, независимо от воли отдельных лиц, его составляющих. Словом, сократить аппарат мне так и не удалось — ни одно из многочисленных подразделений Центра, имевших своих представителей в резидентуре, не желало нарушить закон Паркинсона.

А работы все прибавлялось. Много внимания приходилось уделять мероприятиям, которые нелегальная служба проводила на территории Австрии. Но я не жаловался: мне, старому подпольщику, такие задания были по душе. Но иногда перед резидентурой Центр ставил сложные задачи. Вспоминаю телеграмму из Москвы о том, что в Вену из одной европейской страны направляется разведчик-нелегал Венус; осуществляя вербовочную операцию, он попал в поле зрения американской разведки, и за ним установлено постоянное наружное наблюдение. Нам предписывалось встретить Венуса, вывести его из-под наблюдения противника и переправить в Советский Союз. Прибытие разведчика к нам ожидалось на другой день.

Учитывая чересчур малый срок, остававшийся для подготовки ответственной операции, мы немедленно засели за разработку плана. Я привлек нескольких наиболее опытных разведчиков и двух оперативных водителей. Наш план состоял в том, чтобы на арендованной матине подобрать Венуса на обусловленном месте встречи и, следуя заранее разработанным маршрутом, пройти через несколько узких улочек с односторонним движением. Два других наших автомобиля должны были отсечь следовавшее за Венусом наружное наблюдение, создав на маршруте искусственный затор.

В результате дополнительной проверки мы убедились, что первый этап плана позволял безопасно доставить Венуса в посольство, откуда затем мы смогли бы в удобное время, создав соответствующие условия, переправить его домой. Учитывая деликатность поручения Центра и то, что обстоятельства неизбежно могли столкнуть нас с американскими разведчиками, я решил лично участвовать в операции на случай, если на ходу понадобится внести изменения в предварительный план.

Но операцию удалось провести как и намечалось. Вечером мы

встретились с Венусом, и он рассказал о некоторых обстоятельствах, осложнивших его положение. Решив не откладывать его отъезда, мы с наступлением темноты на автомашине под надежным прикрытием переправили нелегала в Чехословакию.

Еще в начале 1967 года мы начинали чувствовать нарастающую напряженность во внутреннем положении соседней Чехословакии. Точным барометром служила австрийская правая печать. Ход событий 1968 года, что бы о них ни говорилось сейчас, в то время на территории Австрии представлялся нам как разгул реакционных сил, стремившихся не к разрешению, а, наоборот, к всемерному раздуванию волнений в ЧССР. Особую активность проявляли ФРС и ЦРУ — они занимались тайной переброской в Чехословакию своей агентуры, оборудования для нелегальных радиопередатчиков, большого количества пропагандистской литературы.

В этих условиях нам представился случай претворить на практике мой постоянный интерес к тому, как внедриться в процесс добычи актуальной информации с помощью оперативной техники.

Из американских кругов нам стало известно о намечавшемся в посольстве США в Вене региональном совещании представителей пропагандистских и информационных отделов американских дипломатических миссий в Европе. Главная тема совещания — мероприятия по усилению антисоветской пропаганды и политической дезинформации. О его значении можно было судить по одному тому, что в Вену собирался приехать руководитель Информационного агентства США Маркс.

Мы решили получить информацию об установках, которые будут даны главным пропагандистом Вашингтона, так сказать, в натуральном виде. Для этого надо было встроить в помещение, где состоится совещание, микрофоны подслушивания, чтобы сделать запись на приемном пункте, расположенном не далее чем в 200 метрах от здания американского дипломатического представительства. Главная трудность состояла в преодолении мер защиты, которые принимала служба безопасности американского посольства.

Не буду по понятным причинами распространяться о подробностях внедрения электронной закладки с чувствительным микрофоном. Мы точно знали, где будет проходить со вещание, и эта операция была успешно проведена. Для приема информации оборудовали взятый в аренду автомобиль — полугрузовичок с крытым кузовом. Там оператор Глеб, которому предстояло многочасовое дежурство с соблюдением максимальных мер

конспирации и при максимальных же неудобствах, оборудовал пункт приема радиосообщений с «закладки».

Походный радиоприемный пункт в день начала совещания рано утром появился в нужном месте. Для обеспечения парковки мы заранее заняли это место другой машиной, а затем освободили для полугрузовичка Глеба.

Вся операция — ей дали кодовое название «Космос» — прошла в основном успешно. Единственная трудность состояла в том, что высокая чувствительность микрофона хорошо фиксировала не только речи ораторов, но и такие посторонние звуки, как шарканье ног по полу, звуки наливаемой в стаканы воды.

Это создало определенные трудности при расшифровке записей. Тем не менее в ужасной тесноте и духоте, которая усугублялась очень жаркой погодой, оператор тщательно следил за оптимальной настройкой принимающей аппаратуры, что значительно облегчило дальнейшую работу над записью.

Глеба — главное действующее лицо в этой операции — мы долго звали «космонавтом»: ведь ему пришлось пройти через почти такие же неудобства, как в космическом корабле. Все это было еще в период, когда мы не имели появившихся позже закладок, способных записывать информацию с последующим съемом ее в удобное время. По существу кустарными средствами того времени мы смогли оперативно получить актуальную информацию, вскрывавшую подрывные планы и замыслы нашего главного тогда противника. Думаю, американское посольство еще только готовило отчет о региональном совещании, а наш доклад о его результатах уже находился в Центре.

В один из осенних дней 1967 года мне позвонил чехословацкий резидент в Вене и попросил встречи. До этого Центр информировал меня о просьбе чехословацких коллег: оказать им возможное содействие в проведении некоторых мероприятий, для чего в австрийскую столицу должен был прибыть начальник одной из служб чехословацкой разведки Владислав Биттман. Мне было разрешено встретиться с ним, выслушать просьбы, но действовать не выходя за рамки чисто информационной помощи, не вникать в существо его замыслов, в которых мы участвовать не собирались.

Значительно позже, уже в 1988 году, мне довелось прочитать в западной прессе статьи Биттмана, бежавшего в США после событий 1968 года.

Да, именно с этим Биттманом заявился осенью 1967 года ко мне чехословацкий резидент. Гость из Праги готовил какие-то «разоблачительные» мероприятия об австрийской политике

против ЧССР и просил нас предоставить такую информацию, по возможности секретного характера.

Я вынужден был признаться, что едва ли в чем могу быть полезным, так как наша внешняя разведка и резидентура, в частности, не занимались чехословацко-австрийскими проблемами. Обещал подобрать все, что смогу, из официальных материалов. Биттман, признаться, не оставил тогда в моей памяти какого-то заметного следа. Разве что вызывал некоторое раздражение своей вертлявостью, не столько внешней, сколько проявлявшейся в расплывчатых высказываниях. Трудно было уловить, что именно его интересует: какие-то обрывки идей, нередко противоречивых.

Теперь, зная о его «разоблачительных» трудах, я вижу ту «вертлявость» в новом свете: злобной ненависти к делу, лицемерным слугой которому он так долго являлся, достигнув руководящих позиций в чехословацкой разведке. Не случайно именно Биттману ЦРУ поручило «опровергнуть» клеветнические идеи других экспертов, вроде перебежчика Голицина, после того как тот абсолютно заврался и плел такие небылицы, что даже в американских коридорах власти не могли пустить их в оборот без дополнительной обработки.

Коль скоро нить моего повествования снова привела на «след» изменника Голицина, отвлекусь ненадолго от венской темы. Когда я курировал внешнюю контрразведку, мы обрати ли внимание на одно изумившее нас явление внутренней жизни ЦРУ. Грандиозная чистка этого ведомства началась по странному совпадению с того момента, когда Голицин оказался в руках американцев, то есть с 1961 года. Этот проходимец сумел внушить своим новым хозяевам мысль о том, что в высшие эшелоны разведки Вашингтона внедрились советские агенты — «кроты» на жаргоне Лэнгли.

Не собираюсь ни подтверждать, ни опровергать справедливость утверждений Голицина, тем более что упоминавшийся мною эпизод с поручением, которое выполнял Биттман, опровергая измышления Голицина, сам по себе красноречив. Но жизнь полна парадоксов: фантазии Голицина нанесли прямо-таки ужасающий ущерб не только американским, но и британским и французским спецслужбам.

Панические поиски «крота» (иди даже «кротов) вывели из строя в ЦРУ некоторых опытных разведчиков и, что самое главное, нейтрализовали, а затем привели и к увольнению со службы двух наиболее опасных наших противников — руководителей контрразведывательной службы управления Джеймса Энглтона и Уильяма Харви.

Д.Энглтон возглавлял контрразведывательную группу итальянского филиала Управления стратегических служб еще во время второй мировой войны. В 1954 году он был назначен начальником внешней контрразведки ЦРУ и с тех пор более двадцати лет руководил этой службой, доставляя нам немало хлопот.

У.Харви во время войны служил в ФБР. Именно он принимал в 1946 году показания предательницы Элизабет Бентли о том, что «советская внешняя разведка располагала в США огромной сетью агентов». И хотя попытки разоблачения названных Бентли лиц ни к чему не привели, Харви все больше утверждался в своих подозрениях. Позже его перевели из ФБР во внешнюю контрразведку ЦРУ, и он стал первым помощником Энглтона.

По понятным причинам не буду опираться на сведения, имеющиеся у нас, и сошлюсь на выводы и оценки, опубликованные на Западе. В частности, на труд Д.Мартина « Зеркальный лабиринт», где содержится анализ деятельности этих двух видных контрразведчиков. Оба они, по убеждению автора, ввергли свое ведомство в глубокий кризис.

Поверив Голицину, Энглтон и Харви нагнетали шпиономанию, вызвавшую дезорганизацию не только в ЦРУ, но и в британскую МИ-5, где тоже началась кампания поисков советских шпионов среди руководителей этой службы. Подтверждает это обстоятельство и другой искушенный автор Чепмен Пинчер в книге «Предатели»: в 60-е и 70-е годы англичане развернули «большую охоту на якобы внедренных в их разведку агентов КГБ, чему способствовали утверждения Голицина». Если в британских спецслужбах эта охота в известной мере нашла оправдание в разоблачении Филби и бегстве в СССР Маклина и Бёрджеса (как пишет П.Райт в книге «Ловец шпионов), то по-иному все складывалось в ЦРУ. Более 20 лет Энглтон тратил колоссальные усилия на поиски голицинского „крота“. Не только сам он был буквально одержим такой навязчивой идеей, но и подчинил ее реализации деятельность всего отдела внешней контрразведки. Зациклившись на полном доверии Энглтона к утверждениям Голицина, начальник отдела стран советского блока Дэйв Мёрфи направил во все резидентуры циркулярное указание: отказаться от использования советских агентов в качестве источников разведывательной информации, поскольку все они „засвечены“ агентом КГБ, проникшим в руководство разведуправления. Другими словами, шефы в Лэнгли на некоторое время фактически прекратили разведывательную деятельность против нашей страны. Разве мог кто-нибудь из нас мечтать, что нам удастся такая акция? А тут она была проведена

руками самих же американцев.

«Соображения» Голицина легли в основу списка сотни подозреваемых, но не помогли разоблачить ни одного действительного советского агента. Ряд высших офицеров ЦРУ, даже Д.Мёрфи, попали под подозрение, их карьера была сломана. В конце концов ситуация настолько осложнилась, что руководители управления запаниковали и решили избавиться от тяжелого груза сомнений, ликвидировав советский отдел.

Мартин далее пишет, что «информация» Голицина подвела под подозрение не только более сотни американских разведчиков, но и почти такое же число английских, десятки французских и западногерманских плюс некоторых сотрудников разведслужб Канады, Новой Зеландии, Австралии, Австрии, Греции и Норвегии.

Именно поэтому начальник отдела ЦРУ по странам советского блока констатировал: «Последствия нашей работы с Голициным были поистине ужасными. Они нанесли самый большой ущерб безопасности Запада за последние двадцать лет и, добавлю, подготовке для правительства США достоверной разведывательной информации о планах, намерениях и методах деятельности советского руководства».

Но пока в Лэнгли дошли до таких разумных выводов, завиральные идеи изменника Голицина нанесли западным спецслужбам колоссальный вред. Они больно ударили и по другому предателю, Юрию Носенко, перебежавшему на сторону ЦРУ через пятнадцать месяцев после измены Голицина. Последний сумел убедить Энглтона в том, что сын советского министра судостроительной промышленности — агент-дезинформатор КГБ. «Гуманисты» из Лэнгли без суда и следствия бросили Носенко в подвал и содержали его там почти четыре года. Все это время он подвергался допросам с пристрастием.

Через несколько лет перед комиссией конгресса США «честный перебежчик» с возмущением и горечью рассказывал, как его «трясли» (на жаргоне вашингтонских спецслужб так именуют допрос с «детектором лжи»): «Сотрудник ЦРУ закричал, что я лжец, и в комнату ворвались несколько охранников. Они приказали мне стать к стене, раздеться и начали обыскивать меня. Потом повели наверх, в комнату на чердаке. Посреди стояла металлическая кровать, прикрепленная к полу. Никто мне не сказал, сколько я буду здесь находиться и что со мной будут делать. Через несколько дней два сотрудника начали допрашивать меня. Они вели себя грубо и враждебно… Примерно через два месяца они перестали приходить. В этой камере меня продержали до конца 1964 года. Кормили плохо, не разрешали

курить, читать, не выводили на прогулки».

Затем допросы Носенко возобновились. А через некоторое время ему завязали глаза, надели наручники, привезли на аэродром и посадили в самолет. На новом месте его поместили в бетонную камеру с решеткой на двери. В ней стояла узкая железная кровать с матрацем без подушки и одеяла. Только после пребывания тут почти в течение двух лет Носенко разреши ли наконец получасовую прогулку в небольшом дворике.

Как выяснилось позже, в ЦРУ серьезно рассматривался вопрос о «ликвидации подозрительного перебежчика». Было и другое предложение: «сделать его неспособным связно излагать свои мысли», то есть обработать специальными психотропными веществами, и упрятать в дом для умалишенных.

В 1967 году Носенко снова подвергли утомительным допросам, которые продолжались девять месяцев. После четырехлетнего содержания в одиночном заключении его выпустили и поселили на квартире, но продолжали контролировать его образ жизни, вести наблюдение, подслушивать телефон.

Только в марте 1969 года, ровно через пять лет изоляции, Носенко приняли на службу в ЦРУ в качестве консультанта.

Вот какую цену заплатил предатель за то, чтобы ему поверили. А он рассчитывал, что цэрэушники встретят его с распростертыми объятиями.

Прошу читателей не корить меня за то, что я отвлек их внимание, рассказав о случаях с предателями Голициным и Носенко. Я сделал это, чтобы убедительно показать, как глубоко вирус шпиономании и подозрительности поразил мощную разведывательную организацию — центральную разведку Вашингтона. И что такой отвратительной болезнью, отравляющей атмосферу общества, страдали не только спецслужбы тоталитарного Советского Союза, но и демократических Соединенных Штатов. И как наша внешняя разведка использовала этот недуг для расширения своих оперативных возможностей за океаном и не только там.

Глава 10. Возвращение к истокам

В конце 1970 года я вернулся из Вены и передо мною встал вопрос о дальнейшей работе в разведке. Дело в том, что начальник Второго главного управления КГБ СССР — всей контрразведки — Г.Ф.Григоренко предложил мне место своего заместителя. Он хорошо знал меня, когда возглавлял внешнюю контрразведку, которую я курировал. Но я не мог принять его предложение, хотя речь шла о весьма престижном месте.

А.М.Сахаровский одобрил мой шаг и пригласил на должность начальника высшего учебного заведения внешней разведки. Я тут же согласился, так как не представлял себя вне разведывательной службы. Назначение мое стало неожидан но затягиваться: в партийных инстанциях усмотрели «недочеты» в моем образовании. Сказалось, видимо, отсутствие диплома Сибирского автодорожного института. Напомню читателям: в 1938 году меня с пятого курса призвали в органы НКВД. Но надо отдать должное А.М.Сахаровскому, который проявил твердость и доказал необоснованность возражений, так как у меня было свидетельство об окончании Высшей дипломатической школы МИД СССР.

В начале 1971 года я вступил в должность начальника вуза внешней разведки, почти через тридцать три года после учебы в Школе особого назначения, его предшественнице.

Теперь, естественно, это было уже иное учебное заведение: со многими факультетами и кафедрами, опытным профессорско-преподавательским составом, немалыми материально-техническими средствами. Оно имело двойное подчинение — руководству внешней разведки и Управлению кадров КГБ.

Свою цель на новом посту я видел в том, чтобы внести новую струю в жизнь института, помочь кафедрам усовершенствовать их работу, максимально приблизить ее к разведывательной практике.

К моменту вступления в должность начальника вуза я уже был убежден в том, что профессионалу не обойтись без оперативной психологии. Информация, которую я имел в нелегальной разведке, а затем и во внешней контрразведке, позволила увидеть большое значение, которое придавали иностранные спецслужбы практическому применению выводов психологической науки.

Вместе с тем мы отставали от западных служб в такого рода специальных исследованиях. Это было видно и по размаху применения ими уже в начале 70-х годов новой аппаратуры, такой, как полиграф («детектор лжи»), «детектор стресса» и тому

подобное. Я не разделял скептицизма в оценках этого явления, который наблюдался у большинства моих коллег, некоторых руководителей внешней разведки и всего КГБ. К сожалению, мою правоту признали значительно позднее.

Особенно остро стоял вопрос о вооружении молодых разведчиков знаниями относительно деятельности специальных служб противника, воспитания бойцовских качеств, готовности самостоятельно решать практические проблемы разведки в экстремальных условиях. Одновременно предстояло совершенствовать профессиональное мастерство слушателей курсов переподготовки, которые прошли первую практическую стажировку за кордоном и собирались продолжить работу там.

Руководство практическими занятиями мы поручили наиболее опытным разведчикам, в том числе и тем, которые уже вышли в запас или отставку, но с готовностью участвовали в подготовке кадров, передавали им свой богатый опыт. К обучению привлекались современные на тот период оперативно-технические средства, началось оборудование специальной лаборатории оперативной психологии.

Одним из важнейших принципов подготовки кадров было обеспечение строжайшей конспирации. Но следует признать, что в этой области значительный ущерб наносили отдельные случаи измены оперативных сотрудников, в том числе и ранее обучавшихся в нашем институте. Хотя за время моей работы таких фактов не было, измена в 1971 году бывшего слушателя О.Лялина привела к расконспирации ряда аспектов деятельности института перед английской разведкой, а следовательно, и перед ЦРУ и другими натовскими спецслужбами. Это продиктовало необходимость пересмотреть некоторые учебные программы, ужесточить конспирацию.

Но тайная война тоже война, в которой без потерь трудно обойтись. С этим нам приходилось считаться. В свою очередь, руководство КГБ принимало меры к улучшению подбора и проверки кандидатов для обучения в вузе.

Размышляя над путями совершенствования подготовки молодых кадров, я задавался вопросом, что же такое разведка — ремесло или искусство? Ответ был важен для того, чтобы искать у людей и способности высокопрофессионально владеть новым ремеслом, и достаточный потенциал, чтобы творчески достигать вершин искусства в разведывательном деле.

В обычном смысле профессия, безусловно, отвечает признакам ремесла, но всякое ремесло имеет реальную возможность подняться до уровня искусства. В связи с этим всегда передо мной возникали образы таких мастеров разведки,

как Р.Зорге, И.Ахмеров, В.Зарубин, Р.Абель.

Наиболее реально к этому критерию приближается нелегальная разведка; сама природа деятельности ее сотрудников нередко требует подлинного творческого перевоплощения.

Став начальником вуза и получив таким образом известную «передышку» в активной разведывательной работе, я получил время и возможность критически пересмотреть и осмыслить результаты своей более чем тридцатилетней службы.

Как говорят, мне крупно повезло. Я мог легко приспосабливаться к любым условиям: географическим — будь то Американский континент или Европа; языковым — переход с англосаксонского направления на немецкое; психологическим и профессиональным. До 1946 года работал по легальной линии, затем более одиннадцати лет в нелегальной разведке, затем пять лет на высоком административном посту — и вновь на легальной в Австрии.

Мой опыт подтверждал правоту ученых, которые отмечают, что «удовлетворение работой и нравственное поведение в большей мере способствуют долголетию, чем физкультура, отказ от курения, худоба или долгая жизнь родителей». Разведывательную профессию, так же как и любую другую, необходимо глубоко изучать, систематически овладевать ее приемами и навыками, чтобы они стали автоматическими. Правда, подавляющее большинство профессий изучают в конкретных условиях, в которых их применяют. Иначе обстоит дело с разведкой. Здесь приходится действовать в обстановке, приближенной к реальной, ибо в процессе обучения невозможно воссоздать, например, всю специфику иностранного окружения, осложненного невидимым присутствием чужих специальных служб.

Однако многие элементы нашей профессии могут быть смоделированы и в условиях учебного процесса. Так, специфика дела требует выработки у разведчиков развитых коммуникативных свойств, способности устанавливать контакты и знакомства, умения поддерживать необходимые отношения со всеми участниками разведывательного процесса. Для успешного приобретения слушателями теоретических знаний и практических навыков и приемов работы наставниками в институте являются опытные разведчики, а наряду с лекциями и семинарами существует система занятий «в поле». Эта практика базируется на специально созданной модели резидентуры, называемой «Виллой». При ней создан коллектив опытных разведчиков, находящихся на пенсии. Используя свой опыт, они выступают перед слушателями в роли оперативных

руководителей либо иностранных агентов, которыми руководят слушатели, решая конкретные задачи.

Эффективное функционирование «Виллы», которую я застал, вовсе не означало, что она не нуждалось в совершенствовании, особенно в части еще большего приближения к действительным условиям, в которых приходилось действовать большинству резидентур КГБ в основных западных государствах. Особенно это требовалось в области применения различных средств оперативной техники и при отработке методов противодействия контрразведывательным службам противника. В том же плане при кафедре психологии создавалась специальная лаборатория, оснащенная современной аппаратурой, включая полиграф («детектор лжи»). В этой лаборатории вырабатывались рекомендации для разведчиков, как быстро заводить прочные связи и развивать их до уровня доверительных, а затем и агентурных отношений.

Важным элементом подготовки оперативных сотрудников я считал знакомство с оригинальными западными источниками сведений о спецслужбах вообще и о нашей внешней разведке в частности. Было важно, чтобы слушатели, еще находясь в вузе, могли уяснить целенаправленность большинства западных изданий и публицистических выступлений, умели отличить в них полезное для нас от массы лживых и клеветнических измышлений.

Обучение иностранным языкам в институте строилось на основе самых современных методов, включая интенсивные, с применением новейших средств оперативной техники. В этой области руководство КГБ максимально удовлетворяло потребности языковых кафедр. В результате внешняя разведка стала располагать в нужном количестве сотрудниками со знанием двух, а то и более языков, а также специалистами, обладавшими таким совершенным знанием иностранного языка, что они могли в любой момент выступать под видом иностранца.

В процессе совершенствования учебного процесса нами постоянно повышалась роль морально-психологической закалки разведчиков, их способности срывать любые провокации западных спецслужб. В качестве примеров мы активно использовали факты из жизни и деятельности выдающихся сотрудников внешней разведки. Сошлюсь, в частности, на то, как успешно руководил иностранной службой талантливый разведчик Артузов, ставший впоследствии жертвой сталинского террора.

Но воспитывать патриотизм и любовь к своей профессии нужно не только на положительных примерах. Сменившие друг друга Ягода (1934-1936 годы) и Ежов (1936-1938 годы) вошли в

нашу историю как инициаторы террористических репрессий, в том числе и в самих органах безопасности. Еще более зловещая фигура политического авантюриста Берии. Если с Ежовым мне не пришлось соприкоснуться непосредственно, то жестокую руку Берии во внешней разведке, хотя и в меньшей мере, чем в других подразделениях НКВД, мы чувствовали весь период его долгого правления. Этот горький опыт я считал весьма поучительным для молодых разведчиков, ибо подлинная история разведслужбы, в которой нашли отражение события в нашей стране, должна быть известна каждому разведчику хотя бы для того, чтобы глубже понимать роль таких личностей, как Артузов, Быстролетов, Шпигельглас, Кузнецов, Молодцов, Лягин, Зарубин и многих других, кто и в темные периоды существования нашего государства совершал героические дела.

Это нужно и для того, чтобы уметь объективно оценивать и опровергать всю ту ложь, которую обрушивают на советские и российские спецслужбы на Западе. Да и у нас сейчас есть любители приписывать преступления ежовско-бериевского руководства всем оперативным сотрудникам, честно выполнявшим свой долг по защите Отечества.

Каким же требованиям должен отвечать кандидат в будущие разведчики, какими обладать качествами?

Одним из важных показателей, характеризующих разведчиков, является профессиональная скромность, тяготеющая к анонимности. Это качество и прививается молодым разведчикам с самого начала их карьеры. Вспоминаю, как нас, молодых сотрудников разведслужбы, тактично, но настойчиво учили такой скромности наши старшие товарищи-ветераны.

Надо сказать, что многие наши требования к разведчикам совпадают с критериями отбора кадров в западных спецслужбах. Вот как определяет их Р.Сем в труде «Анатомия шпионажа».

Первое качество, крайне необходимое любому разведчику, — большая смелость, физическая и духовная. Далее — острота, быстрота и правильность оценок и сообразительность, готовность принимать решения в доли секунды. Разведчик должен уметь оценивать в комплексе характер и слабости оппонента; обладать полным самоконтролем, способностью подавлять свои инстинкты и реакцию, подчинять их строгой самодисциплине.

Автор развивает эти характеристики: физическая смелость, полное «отсутствие нервов», острота ума, сообразительность, способность к оценкам и самодисциплине — полезные качества в разведке. Разведчик-нелегал, кроме того, должен уметь выдерживать долгое одиночество, что требует больших внутренних духовных резервов.

Наконец, разведчик должен быть предельно честным человеком. Но, как справедливо заключает автор, соответствие этим требованиям еще не означает пригодности кандидата. Важны мотивы его готовности стать шпионом. Главное — не увлечение романтикой, приключениями, не стремление к высокому заработку, а сильно развитое чувство патриотизма.

Интересны и соображения о безопасности разведчика. Она в представлении автора означает: не делать что-либо, что может обнаружить его принадлежность к спецслужбе. Отсюда большое значение приобретают детали, которые разведчик обязательно должен учитывать, чтобы не провалиться. «Хороший разведчик, — пишет автор, — не будет рисковать ничем, что его может расконспирировать, каким бы незначительными ни был риск, он всегда должен ожидать что-либо неожиданное и быть готовым к этому».

Я не согласен с последним положением Р.Сема. Риск, если он продиктован важными соображениями, если он оправдан целью, ради которой и ведется разведка, не может быть полностью исключен. Риск может и должен быть в арсенале разведчика, как и готовность к самопожертвованию.

При подборе слушателей в институт порой возникали трудности. Приведу пример из моей практики. Он как раз касается возможности проникновения в разведку так называемых «элитных» кандидатов.

В середине 1965 года, в один из дней, когда я временно исполнял обязанности начальника разведки в связи с отсутствием А.М.Сахаровского, раздался звонок от председателя КГБ В.Е.Семичастного с просьбой зайти.

Собрав все нужные для «доклада на подпись» документы, я быстро направился на второй этаж, полагая, что предстоит обычный разговор. Однако я ошибся. Председатель жестом предложил закрыть папку и сказал:

— На Дальнем Востоке есть кандидат для работы в разведке. Это сын секретаря областного комитета партии. — Тут Семичастный назвал фамилию, которую я повторять не буду и обозначу ее просто литерой Х. —Займитесь оформлением и доложите результаты, не затягивая дела.

Естественно, я оказался в затруднительном положении. С одной стороны, существующая во внешней разведке практика предварительной тщательной проверки кандидата и сбора со ответствующих рекомендаций требовала времени. С другой — указание председателя, ожидающего, как было видно, только положительного ответа. Я позвонил начальнику управления КГБ на Дальнем Востоке и, сославшись на поручение председателя,

попросил срочно собрать сведения на Х. и сообщить мнение о нем. Как только я упомянул интересующего меня человека, начальник управления тут же сказал, что Х. слишком хорошо известен, но, к сожалению, не с положительной стороны. Обещал немедленно доложить по телеграфу существо дела. На другой день я уже знал, что Х. плохо учился в средней школе, с трудом, не без протекции поступил в местный вуз, но практически не посещал занятий, проводил время в гулянках, оброс сомнительными знакомствами. Милиция не раз вызволяла его из скандальных историй. Его уже пытались устроить в местные структуры КГБ, но начальник управления категорически не соглашался. Характеристика заканчивалась заключением о непригодности Х. к работе не только во внешней разведке, но и вообще в правоохранительных органах.

Через несколько дней я попросился на доклад к В.Е.Семичастному и кратко доложил, что проведенная проверка Х. дала отрицательные результаты. Учитывая, что недавно председателем были даны строгие указания по выводам из дела Носенко, который в свое время был принят на работу без достаточной проверки, только по рекомендации отца, министра судостроительной промышленности, я полагал бы отказать отцу Х. и попросил согласие Семичастного на это. Взяв без особого удовольствия мою справку, он сказал, что сделает это сам. На этом инцидент был исчерпан. Но могло быть и по-иному, не успей мы получить подробных сведений о Х. Этот пример подтвердил возможность одиночных прорывов преград, созданных нами на пути во внешнюю разведку для негодных кандидатов. Так оно и было в жизни. Два изменника — Лялин и Левченко были приняты к нам «по блату».

Поэтому перед профессорско-преподавательским составом и всеми наставниками института я поставил настоятельную задачу — своевременно выявлять возможный кадровый «брак» еще на стадии обучения у нас.

Глава 11. Польша: из кризиса в кризис

Интересное наблюдение: большинство поворотов в моей жизни и в служебной карьере происходили в начале весны. В органы государственной безопасности я был зачислен 1 марта 1938 года. В марте 1939 года меня выдвинули на руководящую должность — заместителем начальника американского отделения ИНО. В мае 1941 года выехал в первую краткосрочную командировку за границу. Вторая долгосрочная командировка тоже началась весенним месяцем 1966 года. А по возвращении из нее ранней весной 1971 года я стал начальником института внешней разведки.

Едва минуло немногим более двух лет, как неожиданно меня вызвали в штаб внешней разведки в Ясенево для разговора с высшим руководством. Я не знал предмета предстоящей беседы, но, исходя из «весеннего генезиса» своих назначений, не вольно ожидал какого-то кардинального изменения в жизни, и не ошибся.

Когда меня пригласили в кабинет, в котором работал председатель КГБ во время своих периодических наездов в Ясене во, я понял, что предстоит встреча с Ю.В.Андроповым. Там вместе с председателем находились начальник внешней разведки Ф.К.Мортин, сменивший на этом посту А.М.Сахаровского, и его тогдашний первый заместитель В.А.Крючков.

Поинтересовавшись, как идут дела в институте, Юрий Владимирович без обиняков сказал, что мне еще рано надолго отключаться от активной практической работы: есть намерение поручить мне возглавить представительство КГБ СССР при МВД Польской Народной Республики, где обстановка и стоящие задачи требуют опыта и знаний.

Предложение показалось мне не только неожиданным, но и не совсем оправданным. Заниматься проблемами сотрудничества и взаимодействия в масштабе всего КГБ значило в какой-то мере оставить невостребованным свой конкретный оперативный опыт во внешней разведке. Кроме того, было жаль прерывать начатую работу по совершенствованию в институте процесса подготовки разведчиков.

Я решил высказать Юрию Владимировичу свои сомнения, объяснив, что только начал глубоко вникать в специфику разведывательного вуза, стремясь перестроить учебный процесс, чтобы максимально приблизить его к требованиям практики.

Председатель с ходу отвел мои сомнения. А что касается института, заметил, что, вернувшись из ПНР «через несколько лет», еще успею поработать и на этом интересном участке.

«Несколько лет» обернулись долгими двенадцатью годами, полными тревог и сложных проблем взаимодействия с польскими правоохранительными органами в самых экстремальных условиях, выпавших тогда на их долю.

Отъезд в Польшу был назначен на конец февраля 1973 года. Предстояло в короткий срок не только передать институт новому начальнику, но и, главное, ознакомиться с историей более чем двадцатипятилетнего к тому времени периода сотрудничества КГБ и польского МВД по различным линиям оперативного взаимодействия. Надо было освежить в памяти польскую историю, представления о культуре Польши, нравах и обычаях народа, ознакомиться с имеющейся у нас информацией об экономическом и политическом положении страны. Хотелось выкроить время и для бесед с товарищами, работавшими ранее в представительстве, в частности пережившими там кризис 1970 года.

В день назначенного отъезда, когда на руках были железнодорожные билеты до Варшавы, рано утром раздался телефонный звонок: «Билеты сдать, отъезд откладывается!» У польских коллег произошло большое несчастье — министр Очепка вместе с членами высокой чехословацкой делегации погиб в авиационной катастрофе. Протокол требовал дождаться назначения нового министра, а оно состоялось только к середине апреля. Так мне представилась дополнительная возможность подготовиться к поездке.

29 апреля 1973 года мы с Клавдией Ивановной прибыли в Варшаву. Весна была в полном разгаре, город — в цветах и праздничном убранстве. Приближалось 1 Мая.

Так началась моя самая длительная зарубежная командировка. В ходе ее я не только хорошо познал эту страну с ее богатой, хотя и трагической историей, но и ее замечательный народ. Приобрел бесчисленное количество друзей не только среди руководителей МВД и других государственных ведомств, но и среди людей, которых в обиходе называют рядовыми. И хотя эти годы были полны вспышками народного недовольства, а к 1980 году и острыми проявлениями глубокого социально-политического кризиса, вспоминаю о пребывании в Польше как о времени, прожитом не зря.

Следуя принципу не говорить ни о чем, что может затрагивать профессиональные секреты, пока еще не подлежащие огласке, и, тем более, секреты не наши, а польских друзей, хотя и

уступивших свое место другим деятелям, я не намерен выходить в этом разделе воспоминаний за рамки проверенных фактов.

Не останавливаясь на таких бурных событиях, как вспышка недовольства рабочего класса в июне 1976 года или возникновение и развитие социально-политического кризиса 1980-1983 годов, могу с твердой уверенностью сказать, что все усилия и все действия КГБ и МВД СССР, которые мне довелось представлять, были подчинены строгому невмешательству в дела суверенной дружественной страны. Свою работу там мы рассматривали как выполнение интернационального долга по оказанию содействия МВД ПНР в защите народных завоеваний против внешнего вмешательства и подрывных действий западных специальных служб.

Примеров такого вмешательства фиксировалось множество.

Для характеристики взаимодействия с польскими друзьями хочу сослаться на наши позиции по вопросу о возможном военном вмешательстве в польские дела союзников по Варшавскому договору в период наибольшего разгула экстремистских сил в стране в 1980-1981 годах. Положение в стране грозило развязыванием кровавой междоусобицы. На плечи польского МВД легла тяжелая ответственность: не допустить такого развития событий, которое обернулось бы национальной катастрофой. Нам было ясно, что это нарушило бы баланс сил в Европе и в мире.

Мы знали, что нарастало давление на руководство ПНР и на советское руководство, в первую очередь на Брежнева со стороны руководителей соседних стран (Хонеккера, Гусака). Они требовали поступить с ПНР так же, как это было в 1968 году сделано в ЧССР, когда и польские вооруженные силы участвовали в коллективной акции Варшавского договора.

Представительство КГБ в ПНР понимало всю порочность и гибельность такого развития событий и делало все, чтобы аргументированно обосновать свою позицию. По нашему глубокому убеждению, польские товарищи должны были и могли сами разрешить свой кризис без вмешательства извне. Иного решения быть не могло. Эту твердую позицию занимали председатель КГБ Ю.В.Андропов, руководители внешней разведки.

Польское руководство приняло в тех критических условиях единственно возможное решение — ввести военное положение и тем самым предотвратить перерастание ситуации в открытую гражданскую войну.

Не вдаваясь в оценку последующих действий польского руководства, армии и сил правопорядка, которые не были

свободны от отдельных ошибок, глубоко убежден, что это решение, которое нелегко далось В.Ярузельскому и которое активно поддержал министр внутренних дел Ч.Кищак, было исторически наиболее оправданным.

Такое свое убеждение основываю на глубоком представлении о развитии польского государства в те годы, что я жил и работал там. Анализ нараставшего социального недовольства трудящихся ПНР позволил правильно прогнозировать события июня 1976 года, явившиеся серьезным сигналом приближавшегося кризиса. Действия руководства Герека, не адекватные создавшемуся положению, убедили меня в неизбежности новых, уже более опасных для страны событий, о чем представительство своевременно информировало КГБ СССР.

В 1978 году польский кардинал Войтыла был избран папой Римским. В следующем году он совершил свой первый визит в Польшу, существенно подкрепив те силы в этой стране, которые активно боролись за изменение положения. Вывод нашего представительства был однозначным: неминуем взрыв народного возмущения, если руководство страны во главе с Э.Гереком не изменит своей социальной политики. Но оно оказалось неспособным на такой шаг.

Последовавшие бурные события привели к смене руководства. В сентябре 1980 года первым секретарем ЦК ПОРП был избран С.Каня. Перед ним открывалась возможность кардинального изменения положения, но он оказался не на высоте требований момента. В октябре 1981 года во главе правящей партии встал В.Ярузельский, на долю которого выпала трудная задача вывести страну из опасного положения.

Этот бурный период польской истории органы безопасности ПНР смогли пройти с наименьшими издержками. Если в событиях декабря 1970 года за несколько дней погибло 35 человек, то за три года бурных беспорядков 1980-1983 годов, когда власти активно противостояли выступлениям экстремистских элементов, погибло всего около 20 человек. Причем во всех случаях причиной несчастий были провокационные акции экстремистов.

В самый канун отмены военного положения, в июне 1983 года, мы были свидетелями второго визита папы Римского в Польшу. Он прошел для наших польских коллег более спокойно.

Оба визита папы — в 1979 и 1983 годах — позволили воочию убедиться в мощном влиянии католицизма на польское население. Было ясно, что нельзя, просто недопустимо игнорировать эту силу.

Прежде чем перейти к подробному рассказу о годах, проведенных в Польше, хочу сделать небольшое отступление,

связанное с бытующим в последнее время исключительно негативным освещением всего периода советско-польских отношений. При этом определенные круги усиленно подчеркивают, что в последние десятилетия зловещую роль во всех этих отношениях сыграли органы государственной безопасности. Историческая справедливость требует признать тот факт, что в первый послевоенный период (1945-1953 годы) становления польских органов правопорядка, совпавший со сталинско-бериевским курсом, деятельность так называемых «советников МГБ» в странах «народной демократии» нередко сопровождалась грубым вмешательством во внутренние дела этих государств, навязыванием их органам безопасности практики беззакония и необоснованных репрессий. Все это теперь в далеком прошлом. И хотя это «черное прошлое» еще давало о себе знать, наше сотрудничество и взаимодействие долгие послесталинские годы было свободно от каких-либо признаков неравноправия. С коллегами из теперь уже стран бывшего социалистического содружества мы сотрудничали искренне, наше взаимодействие было уважительным и эффективным.

В Польше было хорошо видно, что наши недоброжелатели стремились нанести ущерб прежде всего советско-польскому союзу и дружбе. Особенно они усердствовали в этом, эксплуатируя возникавшие кризисные ситуации, а также сложную историю польско-российских и польско-советских отношений в прошлом.

В стране еще сохранялись многочисленные остатки наших былых врагов — от участников антисоветских формирований и банд до белопольских офицеров и просто крайних националистов. Тайно и явно они наносили удары по основам складывавшейся советско-польской дружбы. Особенно благоприятные условия для этого создавала кризисная обстановка 1980 года. Активизировались враждебные элементы и в периоды таких важных общественно-политических событий, как съезды ПОРП в Польше и КПСС в СССР, выборы органов власти, визиты государственных делегаций, исторические и юбилейные даты. Активно действовали на территории ПНР специальные службы Запада, и особенно ЦРУ. Они располагали большой сетью своих агентов. Уже в годы перестройки и назревавшего ухода его с поста президента В.Ярузельский в октябре 1990 года в интервью газете «Известия» с горечью отмечал факты неуважительного отношения известной части населения к некоторым местам и символам, связанным с общей борьбой против фашизма, с памятью о 600 тысячах советских солдат, погибших за освобождение польской земли от гитлеровских оккупантов.

Ярузельский с горечью говорил о неуместности «всевозможной конъюнктурности и особенно чрезмерно эмоциональной и тем самым односторонней риторики, касающейся прошлого наших стран и народов». Действительно, и в сегодняшней Польше нет недостатка в стремлении очернить советско-польские отношения, в одностороннем и извращенном толковании многих исторических фактов.

Инициаторы этой кампании использовали горестные события «катынского дела» для того, чтобы взвалить вину за эту трагедию на весь советский народ. При этом умалчивается, что за нее несут непосредственную ответственность Берия, Меркулов и их подручные и что советский народ и сам понес немало жертв в результате злодеяний этих извергов. Активно обыгрывается в антирусском плане и годовщина так называемого «чуда на Висле» — событий 1920 года. При этим умалчивают, что агрессию против Советской России начали белополяки, подталкиваемые Антантой. Замечу, что разговоры на эти темы можно было слышать и в 70-е годы, но в то время им противопоставлялась объективная информация как с нашей стороны, так и со стороны польских властей.

И еще одно отступление перед началом подробного рассказа о годах, проведенных в Польше. Речь идет о вышедшей в 1990 году в Польше книге Э.Герека «Прерванное десятилетие». Свидетель целых восьми лет его «руководства» страной, я мог бы рассказать многое о том, как всей своей «деятельностью» он во многом заложил основы кризиса польского общества в 1980—1983 годах. Но сейчас коснусь лишь одного тезиса, затрагивающего непосредственно область моей компетенции. Герек утверждает, что «однажды по специальной просьбе Ю.В.Андропова» его посетил польский министр внутренних дел С.Ковальчик и попросил согласия «раскрыть польских агентов в других странах, главным образом на Западе, советской разведке». Он в ответ будто бы сделал С.Ковальчику выговор, подчеркнув несовместимость такой просьбы с интересами польского суверенитета.

Читал я это утверждение с нескрываемым удивлением. Это выдумка либо самого Терека, либо его министра. Такой просьбы от Ю.В.Андропова не могло быть. Утверждаю это с полной уверенностью по двум причинам.

Во-первых, наше сотрудничество по всем линиям оперативной работы, и особенно по разведке, основывалось на принципе обязательного сохранения в секрете друг от друга конкретных оперативных возможностей, и в первую очередь данных об агентах-иностранцах. Отдельные исключения из этого

строгого правила могли делаться только по инициативе той службы, которой принадлежали секреты.

Во-вторых, весь обмен взаимной информацией, предложениями и просьбами без каких-либо исключений происходил только через представительство, которым руководил я. Ю.В.Андропов щепетильно относился к соблюдению этого правила и на все встречи с министром С.Ковальчиком брал меня с собой фиксировать содержание переговоров. Это непременное правило соблюдалось и в Москве, куда с С.Ковальчиком всегда приезжал и я, и в Варшаве, если туда прибывал председатель КГБ. Не мог Ю.В.Андропов, минуя представительство, обращаться с какой-либо просьбой к С.Ковальчику, тем более что председатель требовал от меня постоянного контроля за выполнением всех взаимных договоренностей.

На практике были отдельные случаи, когда польские коллеги обращались к нам с просьбой помочь в более эффективном использовании их агентов — источников особо ценных сведений, задания которым польской разведке трудно было поставить из-за стратегического характера ожидаемой информации. Поскольку по существовавшей договоренности потребителем такой информации были, как правило, соответствующие ведомства нашей страны, а вознаграждение за нее агенту было достаточно велико, КГБ компенсировал расходы польской разведки. В числе таких исключений были дела агентов Харпера и Белла, получившие широкую огласку в США, но об этом речь впереди.

Чтобы закончить с «тезисом» Э.Герека, отмечу, что он не пожалел хороших слов, отзываясь о польской разведке, но при этом забыл добавить, что наше сотрудничество по разведывательной линии в немалой степени способствовало успехам польских коллег, которым мы передавали и собственную информацию, представлявшую большой интерес для польского руководства. Поистине, как говорят психологи, люди никогда не реагируют на фактические события или ситуации, а откликаются на свои взгляды на них.

Приехав в Варшаву, я представился прежде всего министру внутренних дел С.Ковальчику и министру национальной обороны В.Ярузельскому, которому подчинялась служба военной контрразведки Генерального штаба Войска Польского. С Ковальчиком мои личные и деловые отношения продолжались семь лет, до середины 1980 года, когда на смену ему пришел бывший его заместитель М.Милевский. С Ярузельским же я встречался до самого своего отъезда из Польши в 1984 году.

С помощью министра внутренних дел я быстро установил деловые отношения со всеми его заместителями — М.Милевским,

Б.Стахурой, Т.Петшаком и Г.Пентаком. Это были разные характеры, люди различного житейского и профессионального опыта, несхожие по мировоззренческим взглядам.

Наиболее интересным мне показался сам министр, только что пришедший в МВД с поста секретаря ЦК ПОРП, долгое время работавший ранее с Э.Гереком в промышленном центре ПНР Катовицах. Он познакомил меня со всеми членами политического руководства, в том числе с близким своим окружением, в которое входили члены Политбюро ЦК ПОРП Я.Шидляк и З.Грудзень — первый секретарь Катовицкого комитета ПОРП.

Мой предшественник в представительстве Яков Павлович Скоморохин познакомил меня с бывшим министром внутренних дел, членом политбюро ЦК ПОРП Ф.Шляхтицем и кандидатом в члены Политбюро С.Каней. Если знакомство с первым не получило дальнейшего развития, то с С.Каней, ставшим в 1980 году первым секретарем ЦК ПОРП, у меня установились хорошие товарищеские отношения. По деловому контактировал я и с начальником военной контрразведки генералом Т.Куфелем, и с шефом польской военной разведки генералом Ч.Кищаком, который позже сменил Куфеля, а в 1981 году стал министром внутренних дел. Через них у меня состоялось знакомство с заместителями В.Ярузельского и со многими войсковыми командирами.

Хорошие товарищеские, а в некоторых случаях и доверительные отношения помогали мне сверять оценки положения в стране на различных этапах его развития. В свою очередь, сотрудники представительства, работая с польскими коллегами и проявляя взаимное уважение, часто встречались с ними, обменивались оценками и информацией, что способствовало повышению уровня достоверности наших докладов Центру по различным вопросам взаимодействия. Именно такому уважительному отношению к друзьям представительство обязано своей способностью правильно анализировать и прогнозировать события, подспудно назревавшие в стране. Первым таким точным прогнозом явилось заключение о назревавшей кризисной вспышке в июне 1976 года. Более обстоятельный прогноз о развитии событий в ПНР в начале 80-х годов полностью оправдался в 1980-1983 годах.

Чтобы ближе познакомиться с жизнью народа, я много ездил по стране, как правило, вместе с кем-нибудь из польских товарищей. Одной из первых была наша с Клавдией Ивановной поездка по приглашению четы Милевских в родное для Милевского Белостокское воеводство. Не раз выезжал я и с министром С.Ковальчиком в Катовицы, Краков и другие места, с

его заместителями— на юг, запад и север страны. Посещал фабрики и заводы, сельскохозяйственные объединения и судостроительные верфи. Везде отмечал появление новой техники и современной технологии, активно ввозимых с Запада. Одобряя политику скорейшей модернизации производства, нельзя было, однако, не видеть, что при Гереке происходила чрезмерная трата валюты на второстепенные объекты. Шло безоглядное влезание в иностранную долговую кабалу, впоследствии так пагубно сказавшееся на экономическом положении страны.

А жизнь тем временем возвращала меня и моих сотрудников к трудным разведывательным будням. Директор ЦРУ, впоследствии президент США, Д.Буш издал в мае 1976 года директиву, в которой вербовочная работа была объявлена основным критерием оценки оперативных кадров. В директиве содержались указания сконцентрировать вербовочные мероприятия на сотрудниках правительственных учреждений социалистических государств, служб безопасности, офицеров штабов и соединений Варшавского договора.

В Польше мы довольно быстро ощутили, как выполняется эта директива. Взаимодействуя с нашими контрразведывательными органами, польская контрразведка разоблачила ряд американских агентов. В их числе были бывший первый секретарь польского посольства в Москве Валевский, бывший работник польского Внешторга Хруст, завербованный ЦРУ в Таиланде и сотрудничавший с этим ведомством около пятнадцати лет, и многие другие.

В 1982 году в Варшаву приезжала московский режиссер Е.Вермишева собрать материал для документального фильма о деятельности западных спецслужб в Польше. Этот фильм мне удалось посмотреть спустя несколько лет, уже по возвращении домой. Не скрою, что почувствовал удовлетворение от того, что помог режиссеру правдиво показать отдельные факты о деятельности американской разведки в ПНР, о которых упоминал выше. Но еще больше выявленных агентов ЦРУ, ФРС и других западных разведок, в поимке которых активно помогал польским коллегам КГБ,осталось за кадром. По соображениям конспирации: нельзя было раскрывать методы и способы их разоблачения.

Одним из таких агентов и изменников был полковник польского Генштаба Ришард Куклиньский, бежавший с помощью американцев из страны в ноябре 1981 года. Его теперь хвастливо расписывают некоторые мемуаристы, умалчивая о том, как ЦРУ, преследуя свои эгоистические интересы, скрывало от своих союзников — польских экстремистов переданную Куклиньским

информацию, в том числе и оперативный план введения военного положения, заставший диссидентов врасплох. Об этом пишет Боб Вудворт в книге «Завеса: тайные войны ЦРУ 1981-1987 годов».

Значительно позже, уже в последний год моего пребывания в Польше, в 1984 году, были разоблачены и осуждены агенты американской разведки — польский гражданин Я.Южак и гражданин ФРГ Н.Адамик. При их аресте контрразведка за хватила современные средства электронной связи и шифрования шпионской информации.

Надо сказать, что и польская внешняя разведка не отставала от контрразведывательной службы, добившись неплохих результатов в проникновении на секретные объекты США. Хочу сразу подчеркнуть, что распространившиеся на Западе утверждения, будто спецслужбы бывших социалистических стран были «филиалами КГБ», абсолютно не соответствуют действительности, так же как и измышления о том, что разведки этих государств вербовали агентов для Москвы.

Координируя почти двенадцать лет взаимодействие различных подразделений КГБ с МВД Польши, я действовал в полном соответствии с существовавшим тогда положением о сотрудничестве со спецслужбами стран — участниц Варшавского договора. А документ этот исходил из того, что специальные структуры указанных стран действовали совершенно суверенно и независимо в такой степени, в какой были суверенными эти государства.

Конечно же, это было в духе добровольно принятых принципов и обязательств об обеспечении общей безопасности стран Варшавского договора. И перед польской внешней разведкой стояла задача приобретать информацию стратегического характера. Но никаких источников участники сотрудничества друг перед другом не раскрывали и никакой агентурой не обменивались. Бывали лишь отдельные, исключительные случаи, когда по инициативе «хозяев» агента его могли раскрыть перед другой стороной, если в этом была конкретная необходимость и обоюдно признанная целесообразность. Я знаю только два таких случая. Вот как это выглядело.

Дела Харпера и Белла. В 1979 году при очередном обсуждении с польскими коллегами проблем получения информации о новейших научных разработках в США они в самой общей форме поделились тем, что у них появились для этого хорошие источники. В частности, им представилась возможность привлечь к сотрудничеству на материальной основе одного из руководящих сотрудников калифорнийской фирмы «Систем

контрол инкорпорейшн», выполняющей заказы Пентагона. Но так как в Польше не было специалистов по ее производственному профилю, они попросили, во-первых, поделиться имеющимися у нас данными об этой фирме, а во-вторых, под готовить вопросник-задание по ракетной технике вообще и по американским стратегическим ракетам в особенности.

Польские коллеги испытывали также затруднения в экспертной оценке информации, которую был готов предоставить новый источник. Сложности были и с валютой для его вознаграждения. Встал вопрос, готовы ли мы компенсировать эти расходы и помочь в оценке информации?

Согласившись в принципе с этим предложением, мы обусловили размер расходов, поставив его в зависимость от ценности материалов. Вскоре поступила первая партия документов от источника, которым оказался один из руководителей фирмы «Систем контрол инкорпорейшн» Джеймс Харпер. Тщательное изучение в московских оборонно-технических учреждениях подтвердило их весьма высокую практическую ценность. Польским коллегам была вручена соответствующая сумма в американских долларах. Так начался этот эпизод плодотворного сотрудничества польской и советской разведок.

Руководствуясь подготовленным нами вопросником, Харпер представил полякам полную опись материалов, к которым он имел доступ. Была определена очередность их получения. Учитывая сложность безопасной связи с агентом в Калифорнии и вообще на территории США, договорились, что он сам будет доставлять документацию в Европу. Впоследствии Харпер несколько раз привозил свои объемистые пакеты даже в Варшаву. Так, в июне 1980 года он доставил в польскую столицу целый чемодан фотокопий секретных материалов о разработанных фирмой и принятых военным ведомством Вашингтона изделий для ракетных комплексов. Это были чертежи, технические данные — тысячи страниц! Хотя почти все документы были сфотографированы хорошо, некоторые из них читались с трудом. Учитывая особую важность обещанных Харпером материалов и крупный размер запрошенного им вознаграждения, по просьбе польской стороны в Варшаву была направлена группа специалистов из Москвы. Помню, как они всю ночь внимательно изучали документы, а к утру дали положительное заключение. После чего агенту передали обещанное вознаграждение, превышавшее сто тысяч долларов…

Этот исключительно ценный источник американская контр разведка раскрыла довольно быстро — в 1983 году. Но провал

произошел не в результате ошибок в работе с Харпером, а из-за утечки информации из польских оборонных учреждений. Судя по всему, к этому приложил руку и упоминавшийся мною изменник из Генерального штаба Войска Польского Ришард Куклиньский, который имел доступ к части документов, полученных от Харпера.

Примерно в то же время по просьбе польских коллег мы участвовали в работе с другим их агентом — специалистом американской авиационной корпорации Уильямом Холденом Беллом. Его завербовал польский кадровый разведчик Мариан Захарский. Поначалу это был ничем не примечательный контакт, но потом Захарский сумел заинтересовать американца возможностью «дополнительного заработка». Сперва это были «устные консультации». Постепенно Белл втянулся в работу и стал передавать фотокопии документов. Поскольку они имели стратегический характер, мы приняли предложение польской стороны участвовать в дальнейшем использовании агента и в его финансировании.

Но и в этом случае развязка наступила быстро. И опять же в результате предательства. 23 июня 1980 года в Нью-Йорке перешел к американцам шифровальщик польской резидентуры. Он рассказал о телеграммах Захарского, работавшего с Беллом. Американская контрразведка арестовала агента. Тот быстро сознался, и с его помощью фэбээровцы сумели заманить польского разведчика на встречу со своим источником. Так был задержан Захарский, причем с поличным при передаче секретных материалов. Его приговорили к пожизненному заключению. Белл получил восемь лет тюрьмы — заслужил снисхождение за согласие сотрудничать с ФБР.

Мы считали своим долгом сделать все возможное, чтобы вызволить Захарского из американского застенка. В 1985 году вместе с тремя провалившимися сотрудниками разведок наших союзников его обменяли на 23 агентов западных спецслужб, задержанных в странах Варшавского договора.

Польские коллеги активно участвовали во всех мероприятиях, проводившихся МВД ПНР совместно с КГБ СССР. Например, когда в период подготовки и проведения Московской олимпиады в июле 1980 года значительный поток туристов в Москву шел с Запада через польскую территорию, они помогали выявлять террористические элементы и предотвращать их проникновение в Советский Союз. В свою очередь, в период кризисного развития в Польше в 1980-1983 годы, наша внешняя разведка и ее контрразведка оказывали большую помощь польским друзьям в выявлении провокаций, которые готовили

западные спецслужбы против заграничных учреждений ПНР.

В конце 1970 года В.Гомулку на посту руководителя ПОРП сменил Э.Герек. После временного разрешения кризиса внутри политическое положение в определенной мере стабилизировалось и напряжение в отношениях правительства с рабочим классом разрядилось. Однако к началу 1973 года периодически возникали вспышки недовольства трудящихся и конфликтные ситуации на отдельных предприятиях. Они выливались в забастовки, которые руководство страны стыдливо называло «перерывами в работе».

Герек, который в декабре 1970 года обещал рабочему классу более справедливую социальную политику и просил «помогать ему», целенаправленной и перспективной программы решения социальных проблем не создал. Возникавшие конфликты он стремился гасить частичными уступками, скажем повышением зарплаты. Это, в свою очередь, вызывало недовольство других рабочих коллективов, и число стачек непрерывно росло.

Появились угрожающие признаки нового кризисного развития, которое и привело к взрыву возмущения рабочего класса в июле 1976 года. Поводом для бурных волнений явилось необоснованное повышение цен на продукты питания, то есть повторилась ошибка, совершенная в 1970 году. Но Герек реагировал в духе полного неуважения к народу. В своем селекторном обращении к воеводским руководителям партии он назвал участников волнений «паршивыми баранами».

Серьезный сигнал о приближении более глубокого социально-политического кризиса не насторожил Герека и его команду. В результате новое, вопиющее по политическому недомыслию повторение резкого скачка цен смело в августе 1980 года многих руководителей. Почти десятилетний период политического руководства страной Гереком и его единомышленниками закончился бесславно. Но этот период, казалось бы, давал хорошие уроки тем из участников его команды, которые остались в руководстве. Это прежде всего были С.Каня и В.Ярузельский. Остались в новом руководстве также ряд других лиц, в дальнейшем игравших положительную или отрицательную роль, такие как Барциковский, Ольшовский, Мочар.

Каня — с сентября 1980 года первый секретарь ЦК ПОРП, — отличавшийся на протяжении предшествовавшего десятилетнего пребывания в Политбюро прямотой суждений и действий, встав во главе партии и страны, начал проявлять колебания, не свойственную ему ранее нерешительность. Он бросался из одной крайности в другую, не смог выдвинуть соответствующую

требованиям момента программу, подобрать в руководящую группу опытных политиков, заслуживших доверие масс. Сказывалось отсутствие опыта самостоятельной политической работы с массами.

Неэффективная деятельность Кани особенно болезненно сказывалась в его противоречивых указаниях руководству правоохранительных органов. Давая под влиянием угрожающего развития обстановки команду пресекать нарушения общественного порядка, он тут же сопровождал их различными ограничениями, парализовавшими эффективную борьбу МВД с экстремистскими проявлениями, что неизбежно вело к вовлечению этими элементами в свои провокации широких слоев населения.

За год руководства партией и страной Каня фактически не предпринял ни одной конструктивной попытки разрешить кризис. Не были использованы для этого возможности разработки и принятия такой программы на IX внеочередном съезде ПОРП в середине 1981 года. Вся «борьба» на съезде свелась, по существу, к интриге вокруг сохранения центристских кадров, которые устраивали Каню и его сторонников своей безликостью и отсутствием политической инициативы.

Как результат, к октябрю 1981 года польский лидер вынужден был уступить пост первого секретаря ЦК ПОРП В.Ярузельскому, который принял руководство страной и партией, хотя второе оказалось для него делом трудным. Он фактически не знал жизни народа, имел опыт партийного руководства только в военной среде. И это стало отрицательно сказываться на положении в партии.

Оставаясь министром обороны, Ярузельский под настойчивым давлением С.Кани еще в феврале 1981 года принял должность премьера. Он хорошо понимал все сложности такого поста в стране, находившейся в тяжелейшем экономическом кризисе. Поэтому поставил перед Каней условие — предоставить свободу действий правительству.

В конце концов Кане пришлось уйти. Опыт пребывания Ярузельского в должности премьера помог ему на новом посту первого секретаря ЦК ПОРП, но он оставил за собой Министерство национальной обороны и портфель главы правительства, сосредоточив в своих руках всю полноту власти. Это серьезно ослабило его позиции. Будучи премьером и первым секретарем партии, он автоматически исключил возможность любой критики деятельности правительства. Работа в кабинете занимала львиную долю его времени и усилий, на руководство партией у него почти ничего не оставалось.

Отсутствие гражданского опыта вело к тому, что Ярузельский пытался руководить партией по-военному: приказами, не подлежавшими обсуждению.

Все это совпало с кануном введения военного положения, то есть с самым напряженным периодом в жизни Польши. А то, что я рассказываю о переменах в высших эшелонах польской власти, важно для понимания другого вопроса, вокруг которого до сих пор ломаются копья. Речь идет об истинных причинах введения военного положения. Накопилось столько разных домыслов и измышлений, что необходимо внести ясность. Я считаю себя достаточно компетентным в этом вопросе. И вот почему.

В 1980-1981 годы я находился, можно сказать, в самом центре событий, собирая максимальное количество информации из всех возможных источников и докладывая в Центр свои выводы и соображения. Так получилось, что моей главной задачей как представителя КГБ было исчерпывающее информирование советского руководства об обстановке в Польше. Остальные аспекты моих обязанностей в создавшихся условиях как бы отходили на второй план. Скажу, что, как профессиональному разведчику, мне эта задача была больше всего по душе. Весь предшествующий период я продуктивно использовал для установления полезных связей и знакомств, завел много друзей, с которыми установились доверительные отношения. Время шло, и отдельные из моих знакомых выдвинулись на важные позиции в партийном и государственном аппарате, а мои отношения с ними оставались прежними. Мы часто встречались, обменивались оценками ситуации, делали совместные прогнозы и так далее. Это помогало правильно ориентироваться в хитросплетениях событий. Я оказался среди советских представителей в Польше наиболее информированным не только потому, что пользовался возможностями своих контактов с МВД ПНР. В моем распоряжении оказались знания и опыт друзей вне МВД, которые вносили серьезные коррективы в порою слишком ведомственно окрашенную информацию правоохранительных органов и профессионально зауженную тенденциозность оценок служб безопасности, не обладавших достаточной политической глубиной.

Обязанный оперативно информировать руководство КГБ, я довольно часто вел телефонные разговоры с Ю.В.Андроповым, из которых черпал представление о его очень глубоких знаниях происходящих в Польше событий.

Тесный контакт с советским послом Б.И.Аристовым, который поддерживал постоянную связь с министром иностранных дел А.А.Громыко, позволял мне быть в курсе оценок советского МИД.

Было известно также о тесном взаимодействии Ю.В.Андропова, А.А.Громыко и министра обороны Д.Ф.Устинова. Понимая это, мы с послом стали готовить совместные доклады за двумя подписями. Такая практика позволяла обстоятельно и всесторонне взвешивать все обстоятельства и факты, которые становились нам известны и по линии посольства, и по линии представительства КГБ. Самым тесным был мой контакт с представителем в Польше главного командования объединенных вооруженных сил Варшавского договора генералом армии А.Ф.Щегловым, который, естественно, был в курсе позиций нашего высшего военного командования. Он иногда присоединялся к нашим совместным с послом докладам в Центр, особенно когда речь заходила о военных проблемах. В наиболее сложные моменты развития обстановки в Польшу приезжал главнокомандующий объединенными вооруженными силами Варшавского договора маршал В.Г.Куликов, который сразу же встречался с послом и мною. Я обстоятельно ориентировал его по важнейшим аспектам обстановки, избегая, разумеется, ссылок на источники моей осведомленности. У нас с маршалом сложились добрые отношения, и я сохранил об этом человеке самое положительное впечатление. Наконец, и командующий Северной группой советских войск генерал-полковник Ю.Ф.Зарудин получал у нас подробную информацию, прежде всего, конечно, по проблемам безопасности советских воинских контингентов и обстановки вокруг них. Юрий Федорович производил впечатление не только высококвалифицированного военачальника, но и человека, хорошо понимающего политические и международные аспекты польского кризиса.

Только с военным атташе генерал-майором Фоменко тесные деловые отношения как-то не складывались. Может быть, в этом сыграло роль известное соперничество между ГРУ, которое он представлял, и внешней разведкой КГБ. Но и сами военные коллеги — Куликов и Щеглов — не жаловали военного атташе, информация которого по моей, может быть, и недостаточно компетентной оценке, страдала некоторой военной «зашоренностью» и не всегда учитывала социальные и экономические факторы польского кризиса.

Я так подробно излагаю тогдашнюю расстановку сил в разных представительских учреждениях Советского Союза, чтобы читателям были ясны и убедительны мои свидетельства по одному, пожалуй, самому кардинальному аспекту тогдашних польских событий, отзвук которых и по сей день продолжает будоражить общественное мнение в Польше и за ее пределами. Имею в виду то, что всячески муссируется утверждение, будто

введение военного положения было вынужденной мерой для предотвращения нависавшей тогда над страной угрозы ввода советских войск.

Да, введение военного положения, действительно, было вынужденной мерой, но обусловлена была она совершенно другими причинами. И главная из них: к концу 1981 года развитие внутриполитического положения в Польше привело к реальной опасности возникновения междоусобной братоубийственной войны. Экстремисты, используя в качестве прикрытия своей подрывной деятельности профсоюзное движение «Солидарность», организовали яростную кампанию не только против коммунистов. Все громче раздавались призывы вешать на телеграфных столбах тех, кто не хотел поддерживать их «программу», в том числе либеральных политических деятелей различной окраски, командный состав армии, сотрудников органов безопасности и милиции. Возникали подпольные отряды боевиков, распространялись нелегальные инструкции об организации диверсий и проведении террористических актов. На 17 декабря 1981 года намечалась всеобщая забастовка, которую экстремистские элементы призывали превратить в вооруженное восстание с целью насильственного захвата власти. В этих условиях единственной возможностью предотвратить национальную катастрофу и неизбежные при этом жертвы было решение о введении военного положения.

Что касается «вторжения» наших войск, то от различных источников польской и нашей внешней разведок мы знали, что эту угрозу раздували западные подрывные центры. Их целенаправленная и массированная дезинформация преследовала двоякую цель: во-первых, запугать польскую общественность, и прежде всего польское руководство, а во-вторых, спровоцировать Кремль на такой необдуманный шаг, чреватый непредсказуемыми последствиями. В этом, кстати, было заинтересовано главным образом ЦРУ, планировавшее в случае успеха подобной провокации целую программу ответных мер. Наша внешняя разведка располагала достоверной информацией об этих планах.

В одном Лэнгли и его пособники преуспели: им удалось вызвать у многих польских руководителей страх перед «вторжением» советских вооруженных сил. Объективно этому способствовало то обстоятельство, что наши военные проводили определенные мероприятия по защите своих объектов на случай, если бы обстановка в этой дружественной, стратегически очень важной стране приняла непредвиденный оборот.

Эти меры советского командования не могли проводиться без взаимодействия с польскими военными властями, через которые

было осведомлено и политическое руководство страны. Допускаю, что, к сожалению, это «осведомление» доходило в искаженном виде, с нажимом на вероятность вторжения. Но уже к середине 1981 года Министерство обороны СССР ясно довело до сведения поляков, что дальше демонстрации военной готовности наши вооруженные силы идти не намерены и для разрешения внутренних проблем страны польские коллеги должны рассчитывать только на свои силы.

Еще более четкую линию вело советское политическое руководство. В середине 1980 года представительство КГБ по поручению Центра изучило все аспекты возможного нашего воздействия на положение в Польше и дало по этому поводу развернутое, но недвусмысленное заключение: ни о каком внешнем вмешательстве, и особенно военном, не может идти речи. Только оказание материальной поддержки из-за трудного положения в экономике, а также внешнеполитическое противодействие антипольской кампании определенных зарубежных сил. Ю.В.Андропов полностью поддержал наши выводы и в дальнейшем при всех своих встречах с польскими руководителями последовательно проводил эту линию.

В преддверии военного положения некоторые польские политические руководители обращались в Москву с просьбой предусмотреть возможность содействовать разрешению кризиса вводом советских войск. Каждый раз оттуда следовал однозначный ответ:

— Рассчитывайте только на собственные силы. Их у вас вполне достаточно, если действовать разумно. — И часто добавляли: — Хватит нам и Афганистана.

Действительно, какой трезвый политик мог предложить Советскому Союзу создать для себя еще один международный конфликт?

Наконец, могу добавить, что уже в самый канун введения военного положения — это было 12 декабря 1981 года — один из польских руководителей еще раз запросил Москву, готова ли она «в случае непредвиденных осложнений» ввести войска, оказать польским военным и МВД вооруженную помощь? На этот запрос от имени наших инстанций М.А.Суслов по телефону ответил В. Ярузельскому отрицательно. О звонке я был немедленно информирован.

О каком же «вторжении», якобы намеченном на 14 декабря 1981года (именно так сообщила 11 марта 1992 года польская «Газета выборча), могла идти речь, если не только не было никакого политического решения, а наоборот, польские руководители твердо знали, что и впредь, после введения

военного положения, они не должны рассчитывать на это?

И наконец, хочу добавить вот что: об отсутствии намерения Советского Союза вводить свои войска в Польшу не менее исчерпывающе, чем самим полякам, было известно и ЦРУ. Их агент Ришард Куклиньский, полковник Генерального штаба Войска Польского, пользовавшийся полным доверием командования, был в курсе всех, подчеркиваю, всех мобилизационных и текущих планов и действий польских вооруженных сил и их взаимодействия с советскими вооруженными силами. У руководства Генштаба от этого человека не было секретов. Он не только знал, но и постоянно передавал американцам документальные материалы о всех планах и намерениях. Поэтому вплоть до 7 ноября 1981 года, когда Ришард Куклиньский с помощью американцев скрылся из Польши, правительство США знало об истинных намерениях Советского Союза — не допустить военного вмешательства во внутренние дела ПНР. Однако ЦРУ и, видимо, американскому руководству в лице президента Р.Рейгана было выгодно пропагандистски раздувать тезис об угрозе «вторжения».

Мужественным организатором военного положения, отвратившего от Польши и ее народа гражданскую войну, которая стояла в ту пору у порога страны, был, несомненно, Войцех Ярузельский. Не могу поэтому не сказать несколько добрых слов об этом верном сыне дружественного народа.

Как уже знают читатели, первые контакты с этим образованным военным, незаурядным политическим деятелем и, добавлю, с этим в высшей степени интеллигентным человеком возникли у меня сразу после приезда в Варшаву.

Поскольку армейская контрразведка входила в состав вооруженных сил и подчинялась министру национальной обороны, мне приходилось часто бывать у В.Ярузельского, встречаться с ним на приемах в советском посольстве, на других мероприятиях. Между нами установились хорошие, смею сказать, товарищеские отношения.

Помню, как еще в октябре 1973 года нас с женой пригласил на свой день рождения руководивший в то время военной разведкой генерал Кищак. Среди гостей были и В.Ярузельский с женой. Как-то сам собой завязался интересный разговор, в котором Ярузельский с чувством искреннего уважения отзывался о русских людях, их готовности помогать другим народам и в частности полякам. Рассказывал, как, будучи с родителями в эвакуации в городе Бийске, он повсюду встречал сочувствие и готовность местных жителей поделиться последним куском хлеба, хотя и сами они жили далеко не богато.

— Советский Союз не оставляет в беде друзей, а для поляков, — сказал В.Ярузельский, — Красная Армия не только по жертвовала 620 тысячами своих воинов, сложивших голову на нашей земле. Она оказывала всемерную помощь продуктами, горючим, в чем в первые годы после военной разрухи наша страна испытывала крайнюю нужду.

Это были не просто слова вежливого человека, желавшего, как говорится, потрафить гостю. Они шли от самого сердца.

Юношей Ярузельский вместе с семьей вынужден был бежать из родного края от фашистской оккупации, которая грозила не только порабощением народа, но и его физическом истреблением. И — что бы ни говорили — суровая сибирская земля, приютившая их, все же оставалась чужбиной. Впечатлительный молодой человек, воспитанный в свободолюбивой польской семье, тяжело переживал приходившие разными путями с родины вести о фашистских бесчинствах и героическом со противлении земляков вражескому нашествию. Как только открылась возможность приобщиться к этой борьбе за свободу, Ярузельский надел солдатский мундир и взял в руки оружие, подаренное советскими людьми.

Свою военную карьеру он начал в 1943 году на территории Советского Союза, откуда прошел в рядах Войска Польского до Берлина. Служба складывалась успешно, и уже в 1968 году В.Ярузельский стал министром национальной обороны и оставался на этом посту пятнадцать лет.

Можно сказать, что он всегда прежде всего был военным деятелем. В нем счастливо сочетались качества военного и высокообразованного интеллигента, всегда вежливого и тактичного, спокойного и уважительного. Не помню ни одного случая, когда бы он вышел из себя, повысил голос или допустил какую-либо бестактность. Не слышал я о чем-либо подобном и от других, близких к нему людей, в том числе и подчиненных. В то же время он мог быть жестким в своих указаниях и требованиях, но это была жесткость всегда корректного человека, твердость спокойная, ослушаться которую никто из подчиненных не смел.

Мои представления о личности В.Ярузельского делятся до вольно четко на два этапа: с момента первого знакомства в мае 1973 года до октября 1981 года, когда он был избран первым секретарем ЦК ПОРП, и с этого момента до моего отъезда из Польши в 1984 году. В своих оценках я опираюсь прежде всего на свои личные впечатления и частично на мнения тех моих знакомых, которые входили в непосредственное его окружение, часто встречались с ним и решали различные проблемы управления армией, страной, руководства партией.

Что представляется наиболее значимым в личности Ярузельского?

Это человек высокоэрудированный и хорошо знающий законы общественного развития. Могу смело утверждать: среди польских деятелей того периода равных Ярузельскому не было. Возможно, только один человек — тогдашний примас католической церкви Вышинский мог бы сравниться в этом отношении с коммунистом Ярузельским. Уступал ему, как я думаю, и один из наиболее подготовленных лидеров послевоенной Польши В.Гомулка.

Большое уважение общества вызывали его высокая культура, глубокое знание истории как своей страны, так и других государств, и прежде всего польско-советских отношений. Это дополнялось хорошей памятью на события, способностью видеть сильные и слабые стороны людей, быстро, доброжелатель но и объективно оценивать их личные и деловые качества.

Однако я не мог бы утверждать, что он отличался заметной способностью оперативно применять на практике свое понимание людей. В этом смысле скорее были заметны известные колебания и медлительность. Здесь мы подходим к одному из важных элементов характера В.Ярузельского, вызывавшему у некоторых его коллег непонимание и даже негативную реакцию. При решении проблем он нередко проявлял предельную осторожность, я бы сказал, излишнюю для политического деятеля такого масштаба осмотрительность. Создавалось впечатление известной нерешительности, неуверенности, а некоторые его коллеги считали, что это граничит с политической трусостью. Я лично не стал бы поддерживать такое крайнее мнение, тем более что вся польская история последних двух десятилетий дает достаточно примеров, оправдывающих «осторожность» Ярузельского. Да и сам он в интервью московскому журналу «Огонек» признавался, что долго отказывался от предложения стать первым секретарем правив шей тогда партии в 1981 году. Он отлично понимал, что этот пост потребует от него не только государственной мудрости и политической зрелости, которые он убедительно демонстрировал на деле, но и решительности, которой ему долго, слишком долго недоставало, пока наконец в декабре 1981 года он не пошел на исторически оправданный, исключительно ответственный шаг — объявление военного положения.

Близкие к Ярузельскому Г.Кищак и М.Милевский, также как его заместитель по Министерству обороны Ф.Сивицкий, отмечали, что разумные и вполне оправданные меры, которые предлагало МВД для ослабления общественной напряженности, трудно находили у него поддержку. Он затягивал принятие

некоторых решений, иногда до тех пор, пока эти меры становились абсолютно неизбежными. Но подчас из-за упущенных оптимальных сроков они оказывались уже менее эффективными.

В то же время должен сказать, что в первый период его деятельности, то есть до 1980 года, во всех случаях, когда Ярузельский был убежден в необходимости решительных действий политического руководства во главе с Гереком, он проявлял несомненное мужество и настойчивость в отстаивании своих позиций. И с ним считались.

В целом, несмотря на тяжелое поражение политической линии ПОРП, которой последние восемь лет ее деятельности руководил В.Ярузельский, этот человек, безусловно, оставил заметный след в польской истории. Глубоко убежден, что одно только введение военного положения, как абсолютно необходимого и единственного средства предотвращения междоусобной войны и неизбежного при этом катастрофического осложнения международной обстановки, ставит Ярузельского в ряд выдающихся польских деятелей.

Я прожил в Польше двенадцать лет. Срок немалый. И находился в гуще событий — бурных, кризисных, переломных. Мне приходилось сталкиваться с множеством людей, начиная от тех, кто стоял на вершине власти, и до простых тружеников. Я имел возможность достаточно глубоко изучить характер народа. И своими наблюдениями считаю необходимым поделиться с читателем. Ведь поляки, хотя и считаются сейчас вроде бы в дальнем зарубежье, исторически наши ближайшие соседи. И мы должны знать их нравы и национальные особенности и, что гораздо важнее, правильно понимать их образ мыслей.

На формировании национального характера польского на рода, безусловно, сказались те испытания, которым общество подвергалось в течение полутора веков, когда поляки не имели самостоятельного государства. Отсюда чрезмерная чувствительность ко всему, что будто бы задевает суверенитет, умаляет место Польши и поляков в мире и мировой политике.

Но вместе с тем сопричастность поляков к историческому прошлому нашей страны, близость многих национальных обычаев, привычек, исторические культурные связи, наличие у значительной части поляков родственников в России, тот факт, что многие поляки учились в русских и советских учебных заведениях, — все это создавало хорошую основу для нашего сближения. Трудно переоценить в этом смысле нашу общность в борьбе с гитлеровской оккупацией.

Из опыта работы аппарата представительства следует, что

для успеха сотрудничества большое значение имело понимание особенностей страны и ее народа.

Назову некоторые специфические для поляков черты, учет которых помогал нам успешно строить отношения с коллегами.

Бросается в глаза умение каждого поляка, к какому бы слою общества он ни принадлежал, вести себя совершенно свободно и непринужденно. И, добавлю, независимо от обстановки, в которой он оказался, в том числе и среди совершенно незнакомых ранее людей. Мы стремились отвечать им тем же, тем более что искренность и доверчивость являются одной из лучших черт нашего народа.

Вспоминаю свое многолетнее общение с заместителем министра внутренних дел Тадеушем Петшаком. Зная, что Петшак — националист, никогда не выражавший энтузиазма в отношении нашего сотрудничества, я не позволял себе, чтобы это отражалось на наших отношениях. Соответственно, я всегда встречал и с его стороны расположение, несколько раз выезжал с ним на охоту, бывал у него в гостях.

На встречах с Петшаком я не скрывал несогласия со многими его националистическими позициями. Нередко темами наших дискуссий были сложные события XIX и начала XX века, период совместной борьбы против гитлеровского нашествия. Знаниями в этой области мой собеседник, профессор истории, владел прекрасно. Видно было, что мои откровенные высказывания, готовность выслушать аргументы собеседника при всей несхожести позиций вызывали его уважительное отношение, снимали или смягчали многие противоречия. Когда Петшак был освобожден от работы в министерстве «в связи с переходом на дипломатическую работу», при прощании он вполне откровенно и искренне заявил: многие его коллеги в МВД и сам он больше всего ценили у руководителя представительства откровенность и расположение к собеседникам, честность в аргументах.

— Нас многое может разделять, но мы всегда с удовольствием встречались с вами, — добавил он.

Это не было лестью — профессор никогда не прибегал к такой недостойной форме общения.

Широко распространенной чертой характера поляков является их юмор, склонность к иронии и известному скепсису в отношениях с другими. У многих мы встречали чрезмерное самомнение, убежденность в том, что только «моя личная позиция самая правильная, справедливая, умная». Не случайно бывший секретарь ЦК ПОРП М.Ожеховский в июне 1982 года заметил: «Наверняка в тезисе: „В Польше каждый является врачом, адвокатом и историком“ — заключается много иронии и

в то же самое время много правды. Каждый поляк считает, что он лучше всех знает нашу историю».

Эта черта сильно сказывалась прежде всего на среднем уровне руководящего состава, готового «к любым постам и должностям». Какой бы рядовой пост ни занимал такой поляк, если бы ему предложили вдруг стать премьером, он, как правило, дал бы согласие. Именно таким людям свойственно неприятие критики, поэтому прямо высказывать критические оценки их действий считается нежелательным. Мне, например, щадя самолюбие таких людей, приходилось облекать свои дружеские замечания в форму критики собственного опыта («моя прошлая ошибка», «мой неудачный ход» и так далее).

Нередко приходилось сталкиваться и с претензиями на первенство буквально во всем. По всеобщему убеждению поляков, нельзя было ставить Польшу на второе место в содружестве. В социалистическом содружестве они были не «вторыми» после СССР, а «первыми союзниками Советского Союза».

Помню бурную реакцию польских коллег на всех уровнях на решение Москвы пригласить в первый совместный космический полет не польского, а чехословацкого космонавта. Делались различные «заходы», в том числе и на самом высоком уровне, чтобы изменить это решение.

Кто хоть немного пожил среди поляков, не мог не отметить их откровенное недоверие к собственным властям (любым и отнюдь не только социалистическим). С другой стороны, они проявляют исключительную доверчивость к любой критике в адрес своих властей, особенно если она исходит извне, например, от различных пропагандистских органов Запада. Именно это подчеркивал упомянутый уже мной Ожеховский, говоря о чертах национального характера и политической культуры, которые присущи значительной части поляков. «Существует, — писал он, — исторически сформировавшееся недоверие к официальным средствам массовой информации… Поэтому общество легко воспринимает определенные мифы и стереотипы, которые пропагандировались вне официальных каналов информации».

Наши друзья объясняли это явление как результат исторически сложившегося отношения к любым властям, предававшим интересы народа в прошлом.

В работе с польскими коллегами приходилось учитывать и такие исторически сложившиеся предубеждения, как недоверие и нелюбовь к немцам, в известной мере пренебрежительное отношение к малочисленным народам Болгарии, Монголии, Кубы, настороженность по отношению к соседям, например Чехословакии.

Говоря о некоторых национальных чертах поляков, могу с чистой совестью подвести такой итог. Мне с женой и коллега ми выпало трудное счастье работать бок о бок с храбрыми, смелыми и гостеприимными людьми, с народом, знающим себе цену и вносящим достойный вклад в мировую цивилизацию.

Нравы, обычаи, культура этого народа близки нам, и эта общность скрашивала нам с Клавдией Ивановной длительный отрыв от родного дома. В Польше мы скучали главным образом по родным и близким, но поддаваться скуке нам не давали многочисленные польские друзья и, конечно же, не позволяли бурно развивавшиеся в стране события.

Отметив свое семидесятилетие в Варшаве, осенью 1984 года я возвратился на Родину.

Завершая рассказ о польском периоде моей карьеры, хочу, хотя бы коротко, коснуться того, что происходило в то время в Центре, кто и почему оказался там у руля.

За двенадцать лет сменились три председателя Комитета государственной безопасности — Ю.В. Андропов, В.В.Федорчук и В.М.Чебриков.

Начиная с моего прибытия в Польшу в конце апреля 1973 года и включая время наиболее острого развития кризиса 1980-1983 годов во главе КГБ находился Андропов, и многие кардинальные указания по работе я получал непосредственно от него. В эти годы авторитет руководителя КГБ и видного политического деятеля значительно вырос, несмотря на сильное противодействие приближенных Брежнева — Черненко и Суслова.

Позиция Ю.В.Андропова по Польше была в значительной мере определяющей, особенно в кризисные годы. После перехода в мае 1982 года в ЦК КПСС линия Юрия Владимировича в польском вопросе продолжалась в КГБ вплоть до его кончины в феврале 1984 года. И даже некоторое время после этого печального события — фактически до моего отъезда из Польши в октябре.

Надо напомнить, что приход Андропова в КГБ в 1967 году был следствием острой борьбы в высших эшелонах власти. Об этом свидетельствует не только сам факт, но и то, как был смещен Семичастный с этого важного поста. Мои знакомые из Управления правительственной охраны рассказывали, что после ухода Шелепина Семичастный продолжал поддерживать с ним самую тесную связь и, видимо, получал «полезные» советы. При одной, оказавшейся, как выяснилось впоследствии, последней встрече на объекте КГБ Семичастный и Шелепин прогуливались в сопровождении офицера охраны. Увлеченные беседой на свежем воздухе, где наверняка не было подслушивающих устройств,

единомышленники дали волю своим истинным чувствам и договорились, что «пора заменить старперов в руководстве партии и страны и выдвинуть новых людей, в первую очередь нас, молодых и способных».

Собеседники, распалившись, забыли, что около них находился офицер охраны, который обладал натренированным слухом.

А может быть, считали его преданным им человеком. Но ошиблись: тот после дежурства немедленно доложил куда следует об услышанном. Последствия не заставили себя долго ждать. Через несколько дней — это было 14 октября 1967 года — Семичастного освободили от должности председателя КГБ, которую занял Андропов, а Шелепин заскользил вниз по политической лестнице и выпал из «тележки».

Но генеральный секретарь ЦК КПСС Брежнев не доверял полностью и новому шефу государственной безопасности. Для контроля он приставил к Андропову в качестве первых заместителей двух своих верных людей — Г.К.Цинева и С.К.Цвигуна. Андропов понимал, что оба они ни по своим деловым, ни по личным качествам никак не соответствовали тем высоким постам, на которые были поставлены. Тем более что, будучи ранее руководителями подразделений КГБ, они плохо справлялись со своими обязанностями. Но, занимая ведущие позиции, эти клевреты тогдашнего хозяина Кремля прежде всего расставляли своих людей на руководящие должности в структурах Комитета, которые они курировали. И Андропов мало что мог сделать, чтобы противодействовать этому.

Между тем у Юрия Владимировича сложились, по-моему, доверительные отношения с двумя другими ведущими членами политбюро — министром обороны Д.Ф.Устиновым и главой дипломатического ведомства А.А.Громыко. Сужу об этом по одному эпизоду. Однажды на докладе у Андропова мне довелось быть невольным свидетелем его телефонного разговора с Устиновым. Раздался звонок. Председатель снял трубку и тепло поприветствовал министра обороны, назвав его просто по имени — Дмитрием. Меня поразило содержание разговора. Ведь я все слышал, хотя из вежливости сделал вид, что занят своими бумагами. Андропов задал вопрос: что они трое, вместе с Андреем, могут сделать, чтобы прекратить все те безобразия, которые творятся вокруг. Кругом воровство, коррупция, обман. Я чувствовал себя неловко, но выйти без разрешения из кабинета не мог. Юрий Владимирович не обращал на меня никакого внимания и закончил разговор, предложив собраться всем троим и подумать.

Зная о хороших отношениях Андропова с Громыко, что заметно сказывалось на взаимодействии МИД и КГБ, которое до того не отличалось постоянством, я понял: председатель занимал согласованные позиции как с Громыко, так и с Устиновым по широкому кругу вопросов, связанных с руководством страной. Это на моих глазах нашло подтверждение, когда Андропов, принимая в разное время В.Ярузельского и С.Каню, один раз провел встречу с участием Громыко, а другой раз в присутствии Устинова.

Уход Ю.В.Андропова с поста председателя КГБ после пятнадцати лет руководства этим сложным ведомством показал, как Брежнев стремился сохранить за собой полный контроль над органами госбезопасности и помешать нашему прежнему шефу уже на новом посту в качестве секретаря ЦК КПСС использовать их в борьбе за власть.

В КГБ пришел новый председатель — В.В.Федорчук. На значение этого малозаметного руководящего работника на такой высокий пост никак нельзя было назвать нормальным явлением.

Мне рассказывали, как это произошло.

Когда Андропова избрали секретарем ЦК КПСС, он пришел к Брежневу с предложением назначить председателем Комитета его первого заместителя В.М.Чебрикова. Генеральный секретарь ответил, что решение уже принято и госбезопасность возглавит В.В.Федорчук, до этого начальник Третьего управления КГБ — военной контрразведки.

Юрию Владимировичу не оставалось ничего другого, как принять к сведению заявление Брежнева. Этому, как стало потом известно, предшествовал разговор кремлевского лидера с Циневым. Брежнев предложил ему стать председателем. Выразив благодарность за доверие и сославшись на возраст — ему уже перевалило за семьдесят, — Цинев отказался и назвал человека помоложе, своего бывшего заместителя по управлению военной контрразведки Федорчука. Рекомендация «своего человека» была принята. А кандидатуру Чебрикова Цинев не поддержал, так как давно уже рассматривал его как своего соперника.

Деятельность в роли председателя КГБ Федорчук начал с наведения порядка в части внешнего облика сотрудников и соблюдения формальной воинской дисциплины. Занялся, так сказать, шагистикой, которая, как известно, никак не способствует повышению качества и эффективности разведки и контршпионажа. Профессионал, ранее занимавшийся только проблемами военной контрразведки, он мало что мог привнести нового в работу КГБ, но военные порядки знал хорошо и любил, поэтому и начал с них. Так в комитете стала ужесточаться

военная дисциплина, переходившая в солдафонство.

К счастью, Федорчук правил на Лубянке недолго. Как только после смерти Брежнева в ноябре 1982 года новым генеральным секретарем ЦК КПСС был избран Андропов, он сразу же освободил КГБ от неудачного председателя и перевел его в МВД. А во главе Комитета госбезопасности поставил Чебрикова.

Послесловие

Я закончил свою рукопись, когда прекратил существование Советский Союз и был ликвидирован огромный аппарат НКВД — КГБ. Страна в великих муках ищет дорогу возрождения, порой начисто отвергая весь опыт советского семидесятилетия. Даже на склоне лет я не взялся бы судить, что в этих переменах окажется благом для нашего народа, что исчезнет, как исчезает пена, порождаемая бурными потоками политического бытия, а что из недавнего прошлого народ еще попытается сохранить в арсенале своей политики, экономики, культуры, социальных и национальных отношений. Не нами справедливо сказано: большое видится на расстоянии. А нынешние перемены и реформы действительно очень велики и по масштабам задуманного, и по противоречивости содеянного, и по сложности того, что приходится и еще придется решать в интересах действительного возрождения России. История все расставит по своим местам, и я надеюсь, что ее суд будет если и не скорым, то бесспорно справедливым.

С карты мира исчезла — и для меня, не скрываю, это очень больно — та страна, которой я верой и правдой служил более полувека. Я родился еще в царской России, но воспитывался, рос, трудился как гражданин Советского Союза. Я был советским разведчиком, но одновременно и российским, ведь любой здравомыслящий, не зашоренный человек прекрасно понимает, что Россия, ставшая Советской Россией, была становым хребтом СССР. Не зря за границей неофициально, в просторечье нашу страну обычно называли Россией или Советской Россией. Что ни говори, а факт остается фактом: дореволюционная Россия продолжилась Советским Союзом, а тот — новой демократической Россией. Не зря Российская Федерация объявила себя преемницей СССР во многих международно-правовых, военно-политических и внешнеэкономических вопросах.

С таких позиций и написана моя книга. Говорить иное — значило бы лукавить и перед собой, и перед читателями. Мое намерение состояло в том, чтобы быть максимально правдивым, настолько, насколько это вообще позволяет специфика нашей профессии. Повторюсь: секреты, в которые я был по священ, принадлежат не мне. Раскрывать их я ни морального, ни юридического, да и никакого иного права не имею. А вот о том, о чем настала пора рассказать, — о славных, полных риска, напряжения и в то же время трезвого расчета делах наставников,

коллег и воспитанников, об их удачах, просчетах и ошибках я рассказал без лишней утайки.

Авантюра августа 1991 года и ее последствия, драматические события 3-4 октября 1993 года в Москве продемонстрировали глубину переживаемых страной катаклизмов. И хотя участие ряда бывших руководителей КГБ в антидемократическом заговоре набросило тень на Лубянку, непричастность к путчу абсолютного большинства сотрудников КГБ и полное дистанцирование аппарата внешней разведки от путчистов вселяют уверенность в том, что ее кадры станут верно служить своему народу. И я буду счастлив, если мои заметки послужат скромным вкладом в совершенствование этого процесса, необычайно важного для будущего страны.

Повторюсь, что писать о деятельности внешней разведки с моих субъективных позиций дает мне право тот факт, что я проработал практически почти во всех ее подразделениях, может быть за исключением научно-технического управления. Но и с этой линией пришлось соприкоснуться в трех заграничных командировках.

Я не стремился рисовать лишь положительные картины деятельности внешней разведки. Об этом, думается, достаточно свидетельствуют мои оценки предателей — Гузенко, Вика, Гарта, Голицина, Левченко, Носенко… Если учесть накал подрыв ной деятельности специальных служб Запада, особенно в годы «холодной войны», то эти потери не покажутся такими большими, хотя они и были для нас достаточно болезненными.

В связи с этим было бы справедливо посмотреть на то, сколь ко кадровых разведчиков противника было привлечено на нашу сторону внешней разведкой. Достаточно сказать, что только из США, Англии, Франции и Германии за эти годы перешли к нам такие разведчики, как К.Филби, Д.Блейк, Л.Говард, Х.Фельфе, Б.Митчелл, У.Мартин и другие. А в общем их число превосходит количество всех изменников, сбежавших на Запад от нас. Поэтому мне хотелось бы, чтобы читатель не следовал за теми, кто при каждом удобном и неудобном случае пытается бросить тень на внешнюю разведку: и в годы войны, и в после военное время она не раз достигала подлинных вершин мастерства. Успехов было значительно больше, чем упомянуто в этой книге. Смею заверить читателя, что многие дела еще не время предавать огласке — они продолжают жить. Помните, у Горация: «Надо сегодня сказать лишь то, что уместно сегодня. Прочее все отложить и сказать в последующее время».

Наш славный полководец Г.К.Жуков советовал не судить о войне лишь со своей колокольни, а стремиться взглянуть на себя

глазами противника. Не знаю, удалось ли мне это, пусть об этом судит читатель, но я стремился посмотреть на деятельность внешней разведки и глазами противостоящих нам служб. За многие годы я перечитал и проанализировал много зарубежных книг и публикаций в периодических изданиях: от мемуаров отставных разведчиков, «трудов» изменников-перебежчиков и опусов документалистов, вроде Д.Баррона, до художественных произведений таких профессионалов, как Д. Ле Карре.

Заранее отвергаю всякие подозрения в «пристрастном» подборе из западной информации выгодных для нас мест. Нет, многое, что я мог бы привести в пользу внешней разведки из оценок зарубежных источников, осталось за рамками моих воспоминаний.

Хочу, чтобы ни у кого из читателей не было ни малейшего сомнения в том, что автор глубоко убежден: разведке, и нашей внешней разведывательной службе в частности, предстоит еще долгая жизнь.

Не хочу нагнетать шпиономании и поэтому не привожу фактов активизации деятельности западных спецслужб в государствах, возникших на территории Советского Союза, а также высказываний по этому поводу зарубежных лидеров. Сошлюсь только на бывшего президента США Ричарда Никсона, который как-то сказал: «Мы находимся в состоянии войны, называемой миром».

Позволю себе закончить несколькими строками моего любимого поэта Валерия Брюсова, написанными в начале века, но звучащими не менее актуально в конце XX столетия: «Со временность грохочет, грозит, негодует, взрезом молнии браздит наш уклончивый путь. Сон грядущего в зорких зарницах рисует, валит слабых и сильных стремится столкнуть».

А слабыми нам никак нельзя быть!

Виталий Павлов

Автора записок генерал-лейтенанта в отставке Павлова В.Г. считают человеком, оставившим заметный след в истории советской внешней разведки.

Виталий Григорьевич Павлов родился в 1914 году в г. Барнаул.

Во внешней разведке прослужил полвека — с 1938 но 1988 год.

В конце 30-х — начале 40-х годов руководил американским на правлением Иностранного отдела НКВД.

В 1943—1946 годах был резидентом в Оттаве.

11 лет работал но линии нелегальной разведки, в 1958-1961 годах был начальником этого управления.

В 1961-1966 годах — заместитель начальника всей внешней разведки.

Затем возглавлял резидентуру в Вене, был начальником разведывательного института и представителем КГБ СССР при МВД Польской Народной Республики.

Еще в начале операции Берия предупредил Ахмерова и меня: «Когда все будет сделано — забудьте о том, что вы делали. Забудьте навсегда!» Это был приказ, и мы его выполнили: даже после войны, встречаясь с Ахмеровым, о «Снеге» никогда не упоминали.

В.Павлов

Операция «Снег» — один из шедевров советской разведки… Ультиматум Вашингтона перечеркнул даже теоретическую вероятность японской агрессии на советском Дальнем Востоке. По мнению многих японских исследователей, он спас Москву, позволив перебросить на Западный фронт сибирские дивизии…

«Майнити» (Токио), 21.11.1995 г.

«Целью строго секретной операции „Снег“ была ликвидация угрозы возникновения „второго фронта“ на

Дальнем Востоке. Средство достижения поставленной цели — резкое обострение напряженности., в американо-японских отношениях. План операции разрабатывался в условиях строжайшей секретности и курировал его лично Лаврентий Берия, благословивший начало оперативных мероприятий в октябре 1940 года».

«Известия», 06.04.1996 г.

«Результат операции „Снег“ не только избавил наши вооруженные силы от опаснейшей ситуации ведения войны на два фронта, но еще и дал возможность использовать дальневосточные армии в боях против гитлеровцев».

«Правда», 17.05.1995 г.

МАЙ 1941 ГОДА -Операция «Снег»

ИЮЛЬ 1946 ГОДА — Премьер-Министр Канады Маккензи Кинг объявляет автора книги персоной нон-грата

ИЮЛЬ 1957 ГОДА — Суд над Абелем. Сообвиняемый — автор книги

АВСТРИЯ, 1967 ГОД — Министр иностранный дел Курт Вальдхайм задает вопрос: «Как Вас теперь называть, господин Кедров?»

ЛЕТО 1981 ГОДА — Милые беседы с руководством Польши

notes

Примечания

1

Речь шла о Школе особого назначения (ШОН) Главного управления государственной безопасности (ГУГБ) народного комиссариата внутренних дел (НКВД) СССР.

2

Филби Харольд Адриан Рассел Ким — выдающийся советский разведчик. Начал сотрудничать с секретной службой Кремля в 1934 году. Возглавлял группу из четырех ценных агентов, занимавших ответственные должности в министерстве иностранных дел и других важных английских ведомствах. Выполнял задания в Великобритании и США. Служил, в частности, в центральном аппарате разведки Лондона, был ее представителем в ЦРУ. В 1963 году, спасаясь от ареста, приехал в Советский Союз. Работал в аппарате внешней разведки КГБ СССР.

3

Абель Рудольф (настоящая фамилия — Фишер Вильям) — нелегальный резидент внешней разведки КГБ СССР в Нью-Йорке (1949-1957 годы). Лонсдейл Гордон (настоящая фамилия — Молодый Конон) возглавлял нелегальную резидентуру в Лондоне (1955-1961 годы).

4

Видные советские разведчики, Герои Российской Федерации супруги Коэны Моррис и Леонтина. В прошлом американские граждане. Действовали в США. Некоторое время ими руководил Р.Абель. Затем они входили в со став резидентуры Г.Лонсдейла (известны как Крогеры Питер и Хелен). В 1961 году были арестованы английскими властями. Через 8 лет их обменяли на агента британских спецслужб Д.Брука, осужденного в СССР.

5

Гузенко Игорь — лейтенант советской армии, шифровальщик военной резидентуры в Оттаве в сентябре 1945 года изменил присяге и Родине и бежал на Запад, прихватив изрядную кипу секретных документов.

6

Подполковник Голицин Анатолий, сотрудник хельсинской резидентуры КГБ, перебежал на сторону ЦРУ в декабре 1961 года.

7

Майор Левченко Станислав из токийской резидентуры в 1979 году ушел на Запад и стал консультантом американской разведки.

8

Полковник Гордиевский Олег, заместитель резидента КГБ в Копенгагене, был завербован британской разведкой в 1974 году. Через 11 лет, спасаясь от разоблачения, был вывезен англичанами из Москвы в Лондон.

9

Полковник Голеневский Михаил, сотрудник польской разведки, был завербован ЦРУ. Опасаясь разоблачения, бежал в США.

10

Кроме К.Филби в «кембриджскую пятерку» входили ценные агенты советской внешней разведки Дональд Маклин, Гай Бёрджесс, Энтони Блант и Джон Кэрнкросс.

11

Старшина ВМС США Джон Энтони Уокер — ценный агент советской внешней разведки с 1968 года. Будучи дежурным но связи в штабе командующего подводным флотом в Атлантическом регионе, передал нам большое количество шифров. Он привлек к работе па КГБ своих сына и дочь и сослуживца Джерри Уитуорта. Уокер успешно действовал до 1985 года, когда его выдала американской контрразведке бывшая жена.

12

Блейк (Бехар) Джордж — выдающийся советский разведчик. В прошлом подданный Великобритании. С 1944 по 1961 годы был оперативным сотрудником Сикрет интеллидженс сервис (английской секретной разведслужбы). В 1951 году установил контакт с советской внешней разведкой. Через 10 лет был арестован английскими властями и осужден к 42 годам заключения — самому продолжительному сроку британского судопроизводства. В 1966 году бежал из лондонской тюрьмы Уормвуд-Скрабс и перебрался в СССР. Сейчас живет в Москве.

13

Д. Говард — сотрудник ЦРУ. Был ценным агентом советской внешней разведки. В связи с угрозой разоблачения бежал в СССР.

14

У. Мартин и Б. Митчелл — сотрудники Агентства национальной безопасности (электронная разведка) США. В конце 50-х годов установили контакт с советской внешней разведкой. Летом 1960 года, захватив множество секретных документов, бежали через Гавану в Москву, где на пресс-конференции выступили с разоблачением деятельности АНБ.

15

Полковник Пеньковский Олег — сотрудник Главного разведывательного управления Генштаба Вооруженных Сил СССР. В 1961 году связался с американской и английской разведками. Полтора года был американо-английским шпионом. Передал ЦРУ и СИС много документальных секретных материалов о военных планах Кремля, состоянии вооружения советской армии и особенно о деятельности советской военной разведки. Разоблачен КГБ и осужден в мае 1963 года к высшей мере наказания.

16

Дерябин Петр — сотрудник венской резидентуры МВД СССР, в феврале 1954 года перебежал на сторону ЦРУ.

17

Хохлов Николай — боевик Бюро№ 1 (по диверсионной работе) МВД сдался в феврале 1954 года американским властям в Западном Берлине.

18

Петров Владимир — резидент КГБ СССР в Канберре и его жена Евдокия, сотрудница той же резидентуры, в апреле 1954 года бежали на Запад и оказались под покровительством ЦРУ.

19

Растворов Юрий — оперативный работник токийской резидентуры МВД в январе 1954 года тоже переметнулся к американской разведке.

20

Имеется в виду ось Берлин — Рим — внешнеполитический блок между Германией и Италией, оформленный 25 октября 1936 года. Продолжением этого соглашения явился подписанный 25 ноября 1936 года Германией и Японией Антикоминтерновский пакт, к которому 6 ноября 1937 года присоединилась Италия. Пакт официально оформил складывавшийся в середине тридцатых годов блок агрессоров, через три года превращенный в открытый военный союз между Германией, Италией и Японией.

21

В архиве Службы внешней разведки РФ никаких документальных данных об операции «Снег» нет.

22

Первые трое — провокаторы ФБР. Игорь Гузенко — лейтенант, шифровальщик резидентуры советской военной разведки в Оттаве, изменил Родине в сентябре 1945 года.

23

Гопкинс Гарри (1890-1946) — американский государственный деятель и дипломат. С 1941 года советник и специальный помощник президента США Ф.Рузвельта. Участвовал в переговорах Рузвельта, Черчилля и Чан Кайши в Каире и был членом делегации США на Тегеранской (1943 год) и Крымской (1945 год) конференциях глав правительств СССР, США и Великобритании.

24

Хисс Олджер — американский дипломат, в 1939-1944 годах помощник советника по политическим вопросам в управлении Дальнего Востока госдепартамента. Был членом делегации США на Крымской конференции и временным генеральным секретарем организационной конференции ООН в Сан-Франциско. В начале 1947 года стал президентом фонда Карнеги. Через три года приговорен к пятилетнему тюремному заключению за лжесвидетельство.

25

Джон Профьюмо — военный министр консервативного правительства имел связь с проституткой Кристин Килер, которая иногда встречалась с помощником советского военно-морского атташе Евгением Ивановым. В 1963 году эти сведения просочились в печать. Оппозиционная лейбористская партия раздула шпионский скандал. В результате Профьюмо был вынужден добровольно уйти в отставку. Но это спасло главу правительства Гарольда Макмиллана: через несколько месяцев ему тоже пришлось оставить свой пост. Такого же рода оказалось дутое дело Бейкера в США.

26

Питер Райт в прошлом руководящий сотрудник Милитери интеллидженс—5 (МИ-5) — Службы контрразведки Великобритании.

27

Закройте форточку, а то ребенок заболеет.

28

Пелтон Рональд Уильям служил в АНБ с 1964 по 1968-годы. В 1980 году стал агентом внешней разведки КГБ. Сообщил о пяти системах сбора данных электронной разведки, и среди них об операции Айви Беллз, в ходе которой производился съем информации с советского подводного кабеля, проходившего по дну Охотского моря.

29

Контейнер — предмет, специально приспособленный для маскировки хранения и передачи секретных сведений, документов или валюты.

30

Караимы — немногочисленная народность, живущая в Крымской и некоторых других областях Украины и в Литве. Их считают потомками тюркских племен, входивших в Хазарский каганат. В религиозном отношении они последователи секты иудаизма, возникшей в VIII веке.

31

Сикейрос Давид (1896-1974) — мексиканский живописец и общественный деятель. Активный участник революционного движения в Мексике, с 1924 года один из руководителей местной компартии. Главный исполнитель первого покушения на Троцкого в 1940 году, окончившегося неудачей.

32

Амнезия — отсутствие воспоминаний или неполные воспоминания о событиях и переживаниях определенного периода.